

Art Logos

(искусство слова)

№ 1 (30), 2025

Art Logos (The Art of Word)
scientific journal, No. 1 (30), 2025

Главный редактор

Т. В. Мальцева, д-р филол. наук, профессор, ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Редакционная коллегия

С. Л. Слободнюк, д-р филол. наук, д-р филос. наук, профессор,
ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

О. Ю. Осьмухина, д-р филол. наук, профессор, МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия

Т. И. Рожкова, д-р филол. наук, профессор, МГТУ им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

А. А. Карпов, д-р филол. наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

С. Г. Гренье, канд. филол. наук, профессор, Университет Джорджауна, Вашингтон, США

М. Яхьяпур, канд. филол. наук, профессор, Тегеранский университет, Тегеран, Иран

В. В. Волков, д-р филол. наук, профессор, ТвГУ, г. Тверь, Россия

К. П. Сидоренко, д-р филол. наук, профессор, РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Е. В. Купчик, д-р филол. наук, доцент, ТюмГУ, г. Тюмень, Россия

О. А. Мещерякова, д-р филол. наук, доцент, ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

З. И. Резанова, д-р филол. наук, профессор, ТГУ, г. Томск, Россия

М. Р. Желтухина, д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ, Волгоград, Россия

Г. Н. Чиршева, д-р филол. наук, профессор, ЧГУ, г. Череповец, Россия

Н. В. Козловская, д-р филол. наук, доцент, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

О. Е. Похаленков, д-р филол. наук, доцент, КГУ им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия

Учредитель, издатель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 3 февраля 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-68617

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал издается с 2017 года. Периодичность 4 раза в год

Art Logos

(The Art of Word)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

No. 1 (30), 2025

Chief editor

T. V. Maltseva, Doctor of Philology, Full Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Editorial Board

S. L. Slobodnyuk, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Full Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

O. Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Full Professor, MRSU, Saransk, Russia

T. I. Rozhkova, Doctor of Philology, Full Professor, NMSTU, Magnitogorsk, Russia

A. A. Karpov, Doctor of Philology, Full Professor, SPbSU, St. Petersburg, Russia

S. G. Grenier, PhD in Philology, Professor, Georgetown University, Washington, D.C., USA

M. Yahyapour, PhD in Philology, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran

V. V. Volkov, Doctor of Philology, Full Professor, TSU, Tver, Russia

K. P. Sidorenko, Doctor of Philology, Full Professor, Herzen University, St. Petersburg, Russia

E. V. Kupchik, Doctor of Philology, Associate Professor, UTMN, Tyumen, Russia

O. A. Meshcheryakova, Doctor of Philology, Associate Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Z. I. Rezanova, Doctor of Philology, Full Professor, TSU, Tomsk, Russia

M. R. Zheltukhina, Doctor of Philology, Full Professor, VSSPU, Volgograd, Russia

G. N. Chirsheva, Doctor of Philology, Full Professor, ChSU, Cherepovets, Russia

N. V. Kozlovskaya, Doctor of Philology, Associate Professor, ILS RAS, St. Petersburg, Russia

O. E. Pokhalenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, KSU n. a. K. E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia

Founder, publisher: Pushkin Leningrad State University

The journal is registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media February 03, 2017. The certificate of the mass media registration ПИИ № ФЧ 77-68617

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

The journal is issued since 2017. Quarterly, 4 issues per year

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Н. М. Миронов	
Специфика рецепции образа вампира в мифологии и фольклоре народов мира	10
С. В. Ковыршина, В. Е. Угрюмов	
С. Т. Аксаков о духе патриотизма	24
А. В. Громова	
Рассказ И. А. Новикова «Пчелы причастницы» в контексте литературной и фольклорной традиции	36
В. В. Высоцкая	
Словесный импрессионизм как прием в романе М. Булгакова «Белая гвардия»	51
А. В. Давыдова	
Орнитоморфные образы как элемент художественной картины мира в произведениях северного текста русской литературы для детей	62
В. В. Королева, О. В. Февралева	
И. В. Гете и Э. Т. А. Гофман: к вопросу о творческом диалоге («Игра» с гетевскими аллюзиями как прием в позднем творчестве Э. Т. А. Гофмана)	84
М. Яхьяпур, Х. Гариб-Хоссейни, Дж. Карими-Мотаххар	
Басни И. Крылова как источник вдохновения дидактических произведений Парвин Этесаи	98

ЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

Г. М. Мандрикова	
Прецедентная ситуация: возможности описания и верификации (на примере ПС «Петров и Боширов»)	114

А. А. Кононова	
Применение искусственного интеллекта и развитие критического мышления в преподавании английского языка	133
Л. А. Гаспарян	
Специфика культурного трансфера в психологической прозе	144
С. Кавьяни	
Языковые средства реализации интенции извинения в рассказе А. П. Чехова «Смерть чиновника» в сравнении с их персидскими аналогами	153

ДИСКУССИЯ

М. Л. Конюкова	
Образ Пушкина в русской литературе и журналистике как показатель настроений в обществе и личных качеств автора	164

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. К. Данилова	
Поэт, Россия, народ: миф, пропагандистское клише или культурный архетип?	178
И. В. Шугайло	
VI Зимняя школа перевода 2025 СПбГУ: идеи, мысли, практики (Санкт-Петербург, 24–25 января 2025 г.)	184

Contents

LITERARY STUDIES AND HISTORY OF LITERATURE. PERSONALITIES

Nikita Mironov

- Specifics of Vampire Image Reception 10
in Mythology and Folklore of the World's Nations

Svetlana Kovyrshina, Vladimir Ugryumov

- S. T. Aksakov on the Spirit of Patriotism 24

Alla Gromova

- I. A. Novikov's Short Story *The Bees of Communion*
in the Context of Literary and Folklore Tradition 36

Valentina Vysotskaya

- Verbal Impressionism as a Technique 51
(Based on Bulgakov's Novel *The White Guard*)

Alyona Davydova

- Ornithomorphic Images as an Element of the Artistic Picture
of the World in the Works of the Northern Text 62
of Russian Literature for Children

Vera Koroleva, Olga Fevraleva

- I. V. Goethe and E. T. A. Hoffman: on the Question of Creative
Dialogue ("The Game" With Goethe's Allusions as a Device 84
in the Late Work of E. T. A. Hoffmann)

Marzieh Yahyapour, Houra Gharib Hosseini, Janolah Karimi-Motahhar

- Krylov's Fables as a Source of Inspiration 98
Parvin Etesami's Monazerat

LINGUISTICS. LANGUAGE AS A MEANS OF COMMUNICATION

Galina Mandrikova

- Precedent Situation: Possibilities of Description and Verification 114
(Using the Example of PS "Petrov and Boshirov")

Anna Kononova

Artificial Intelligence Application and Development
of Critical Thinking in the English Language Teaching 133

Luiza Gasparyan

Specifics of Cultural Transfer in Psychological Stories 144

Samaneh Kavyani

Language Means of Realizing the Intention of Apology
in A. P. Chekhov's Story *The Death of a Government Clerk* 153
Against With Their Persian Analogues

DEBATE

Maria Konyukova

The Image of Pushkin in Russian Literature and Journalism 164
as an Indicator of the Mood in Society and the Personal Qualities
of the Author

REVIEWS

Natalia Danilova

Poet, Russia, People: 178
Myth, Propaganda Cliché or Cultural Archetype?

Irina Shugaylo

St. Petersburg State University VI Winter School of Translation 2025 184
(St. Petersburg, January 24–25, 2025)

[illegible]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
ПЕРСОНАЛИИ

Н. М. Миронов

Специфика рецепции образа вампира в мифологии и фольклоре народов мира

В статье рассматривается специфика репрезентации образа вампира в различных мифологических системах (аккадской, египетской, индийской, античной) с целью выявления основных черт, присущих фигуре мифологического вампира. В результате установлено, что образ вампира функционирует в ключевых мифологических системах; важнейшими и наиболее частотными признаками этого образа, помимо жажды крови, являются следующие: древними вампирами чаще всего выступают представительницы женского пола или образы с женскими чертами, при этом в ходе взаимодействия жертвы и вампира нередко заметно проявление элемента эротизма: существо в образе красивой женщины соблазняет молодого человека, а после выпивает его кровь (Лилиит, Эмпуса). Тем не менее, женщины-вампиры проявляют основное внимание к умерщвлению или похищению детей, но не юношей (Ламашту). По происхождению мифологические вампиры чаще всего являются не людьми или представителями нечистой силы (например, заложенными покойниками или мертвецами), но имеют божественное начало, что в корне расходится с представлениями славян или цыган и последующими воззрениями на сущность вампиров.

Ключевые слова: вампир, феномен вампиризма, мифология античности, шумеро-аккадская мифология, индийские сказки, цыганский фольклор.

Для цитирования: Миронов Н. М. Специфика рецепции образа вампира в мифологии и фольклоре народов мира // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 10–23. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_10. EDN: VYZFHP

Образ вампира обрел особую популярность на рубеже XIX–XX вв. не только в литературе, но и в кинематографе, не без влияния, заметим, копполовской романтической интерпретации сюжета Б. Стокера, стал часто эксплуатироваться современной массовой литературой (от Э. Райс, Ст. Майер, Дж. Стикли, Дж. Кристоффа до отечественного фэнтези и mash-up), что небезосновательно позволяет исследователям говорить о существовании в литературе особой «вампири-

ческой парадигмы» [1]. Вампиры теперь «включены неотъемлемой частью в круговорот нашей цивилизации. Их стало много, у них появились лидеры, своя общественная структура, законы, выстроившие их отношения друг с другом – и с остальным человечеством»¹. Справедливости ради подчеркнем, что образ вампира спорадически исследовался литературоведами на материале прежде всего европейской и американской прозы [1; 6; 11; 21], тогда как его генетические истоки в традициях мифологических и фольклорных (не только западных, но и восточных) остаются практически не изученными, за исключением, пожалуй, работы М. Саммерса [23]. Тем не менее образ вампира является достаточно древним, фигурирующим во многих мифологических системах различных народов. Этот тезис подтверждается и многочисленными упоминаниями «реальных» случаев вампиризма, к анализу которых, несомненно, нужно подходить с осторожностью, учитывая время появления подобных сообщений и достоверность источников. Необъективными в таком случае представляются высказывания некоторых исследователей (например, настоятеля Сенонского аббатства Огюстена Кальме), в которых отрицается присутствие сведений о вампирах в мифологических системах античности и в египетской и еврейской мифологиях [28, с. 27], тогда как упоминания о существах, поедающих человеческую плоть и / или высасывающих кровь, обнаруживаются еще в древних традициях: в шумерских и индуистских верованиях.

В связи с этим актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления места и роли фигуры вампира в мифологических представлениях народов мира, черты которого нашли свое отражение в литературе западноевропейских и русских авторов.

Теоретической базой статьи явились работы исследователей мифологических систем народов мира Э. У. Баджа [2], Я. Липинской [15], Н. А. Куна [13], П. Томаса [27], В. Эрмана [29] и др.

Цель исследования – выявить специфику изображения образа вампира в мифологии и фольклоре народов мира. Цель определила задачи статьи: во-первых, определить ряд черт, позволяющих судить о степени соотнесенности изучаемого

¹ Бережной С. Те, которые всегда возвращаются (Краткий очерк истории киновампиризма) // «Звёздная дорога». 2002. № 9. 10/11. Электронный ресурс. URL: http://barros.rusf.ru/article_159.html (дата обращения: 13.01.2025).

мифологического и фольклорного образа с фигурой вампира; во-вторых, обозначить мифологические и фольклористские системы народов мира, в культуре которых образ вампира фигурирует наиболее часто и явно.

Материалы и методы

Материалом исследования явились мифы, сказания и фольклорные жанры народов мира, в которых находит свое отражение образ вампира [8–9; 18; 24–25]. Кроме того, нами были использованы материалы мифологических словарей и энциклопедий, непосредственно связанных с исследуемой нами областью [5; 12; 16–17; 26].

Для осуществления поставленных задач использованы следующие методы исследования: сравнительно-исторический, способствующий сопоставлению образа вампира в разных мифологических и фольклорных системах народов мира, а также выявлению сходства и различия в его рецепции; метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому фольклорный образ вампира соотносится с мифологическим, что находит свое отражение и в литературе.

Образ вампира в шумерской и египетской мифологиях

Для понимания истоков появления фигуры вампира необходимо обратиться к древним мифологическим системам. Так, среди аккадских демонов определенными чертами вампира обладала Ламашту: исследователи указывают на то, что она не только крала детей и насылала на людей различные болезни, но и нередко выпивала кровь похищенных младенцев [32, р. 40]. Следует отметить, что образ Ламашту не был полностью антропомимическим: она изображалась женщиной с головой льва, кормящей грудью свинью и собаку [18, с. 36].

Определенный круг источников относит к вампирическим существам также некоторых богинь аккадского и египетского пантеона, в частности, Исиду и Иштар [28, с. 64]. Более подробное рассмотрение этих образов не позволяет согласиться с подобной точкой зрения, что станет понятнее впоследствии, поскольку настоящее исследование древних вампиров по представлениям (индусским, еврейским, гре-

ческим) других народов определит ряд вампирических признаков, которые никак не могут быть соотнесены с образами упомянутых богинь. Например, Исида и Иштар так или иначе выступают покровительницами матерей и детей, не крадут и / или убивают их, а воплощают проявление супружеской любви или платонических свободных отношений [16, с. 254; 260], причем Исида нередко выступает также богиней плодородия, «творцом урожаев, создателем плодов, овощей разного рода трав и деревьев» [2, с. 77] и охранительницей умерших [12, с. 346], а Иштар соединяет в себе две противоположные крайности – является богиней любви и войны [12, с. 351].

Кроме того, обращение к письменным источникам, непосредственно описывающим деяния и жизнь богов, позволяет подтвердить отсутствие вампирических черт у Исиды. Так, последователи ее культа провозглашали «проповедь надежды и счастья» [2, с. 77], что в корне расходится с идеей и сущностью вампирического образа. В самих сказаниях Исида предстает защитницей и спасительницей: она избавляет бога Ра от укуса ядовитой змеи (которую, однако, Исида, в чьих «устах дыхание жизни» [15, с. 166], сама создает и насылает), когда узнает настоящее имя Ра. В ее действиях нет соотнесенности с процессом высасывания у Ра крови, а нейтрализация яда происходит только с помощью слов и чар: «Уходи, яд, выйди из Ра. Пусть Око Хора, выходящее из бога, засияет золотом на его устах. Я делаю так, чтобы яд упал на землю, ибо он побежден» [15, с. 168]. Подобным же способом Исида впоследствии будет удалять яд из ребенка чужой женщины, но никак не выпивать его кровь или пожирать его плоть как вампиры-женщины у других народов: «И Исида, чтобы оживить задыхающегося ребенка, возложила свои руки на него: "Уйди, яд Тефена, сойди на землю, не продвигайся далее, не проникай"» [15, с. 171].

Образ вампира у народов Индии

Как отмечает исследовательница оккультных практик Е. П. Блаватская, индусы твердо верили в существование вампиров [1, с. 611]. В индийской мифологии злобными духами, нападающими на людей, поедающими их мясо и выпивающими кровь, считались пищачи, которые рассматриваются в следующих аспектах: в качестве проклятых душ; как сущ-

ности, сотворённые «Брахмой из своего гнева» [18, с. 317], или же оборотни, составляющие свиту «мучителей» (праматхов) грозной разрушительной ипостаси Шивы [14, с. 206]; как «демоны племени гномов, великаны-вампиры» [4, с. 142]; как враги людей, насылающие на них болезни и питающиеся их кровью [14, с. 197]; имеющие историческую основу представители чуждых племен аборигенов [18, с. 316–317].

Справедливость отнесения пищачей к существам с вампирическими чертами подтверждается и при анализе индийских сказок. В одной из них, «Топор, Барабан, Чаша и Алмаз», юноша, претерпевая череду столкновений с различными колдунами и получая ценные магические артефакты, становится правителем города. Одним из последних противников на его пути оказывается «огромный великан». Тот, выменяв у юноши миску, аналог скатерти-самобранки, в первую очередь «пожелал целую чашу крови» [8, с. 149]. После победы над великаном главный герой обнаруживает в его доме тела попавших в лапы к пищачу путников, «и они были сухими, как пыль, и сморщенными, как печеное яблоко», поскольку великан «высасывал их кровь до тех пор, пока они не высохали» [8, с. 149].

Кроме того, в индийской мифологической системе, кроме пищачей, вампирическими чертами, как пишет Е. П. Блаватская, обладает Баитал Начиси – «индусский вампир народной фантазии, который живёт в мёртвых телах и питается только гниением материи» [4, с. 803].

Представление общей картины исследуемого образа в мифологии многочисленных народов, населяющих регионы Индии, осложнено разнообразными вариантами тех или иных сказаний. Герои и фантастические существа в них могут косвенно или напрямую обладать вампирическими чертами по воззрениям данной общности, однако у другой – такие признаки вовсе могут не выделяться. Кроме того, ряд исследователей, например, Б. Каррен, связывает образ вампира, фигурирующий в индусской мифологии, в большей степени с женскими образами, чем с мужскими, выделяя таких представителей, как: «чурелы», «писакасы», «дже(а)ялы» [10, с. 186–190]. Все эти демоны, ракшасы тем или иным образом, как указывается, пьют кровь и / или нередко пожирают человеческую плоть.

Несмотря на то, что в ряде источников вампиром, наряду с другими древними богинями или женскими духами (рассмотренными выше Исидой, Иштар и др.), называется и Кали [28, с. 65], отнесение этой ипостаси индийской богини Парвати к исследуемому образу вызывает ряд сложностей по причине наличия нескольких вариантов сказаний о битвах Кали с разными злобными существами, асурами. Так, в ряде источников Кали-воительница создается другими богами (причем единого варианта ее «рождения» также нет) для уничтожения демона-буйвола Махиши. В ходе сражения Кали вскакивает на врага и пронзает его копьем [17, с. 236]. Победа над демоном-буйволом, в свою очередь, понимается как подавление эго и самоутверждение [22, с. 166].

Согласно другим сказаниям, Кали также сражается с асурами, на этот раз с братьями Шумбхой и Нишумбхой, покорившими небожителей. В ходе битвы с Кали Шумбха, проигрывая, призывает на помощь полководца Рактавиджу. Именно в сражении с последним Кали выпивает его кровь, чтобы прекратить появление новых асуров, встающих на поле боя из каждой капли пролитой полководцем крови [29, с. 275–276]. Тем не менее, существует версия, описывающая победу над Рактавиджой / Рактавирой более подробно: Кали не просто подняла поверженного полководца на копье вверх, но и «пила его кровь по мере того, как она изливалась из раны» [27, с. 110], а затем проглотила его самого [26, с. 148]. Примечательно, что в ряде источников Кали не просто обескровливает Рактавиджу, но и при борьбе с демонами успевает пить их кровь, а затем пожирать их тела [17, с. 236].

Хотя культ «кровавых» человеческих жертвоприношений, распространенный в Бенгалии, Калькутте, «чуждый ортодоксальному индуизму» [16, с. 269], может служить основанием для понимания Кали как существа, выпивающего кровь людей в ходе ритуала, прямых свидетельств ее вампиризма в источниках не наблюдается (кроме вышеупомянутого эпизода с Рактавиджой). Некоторые же из исследователей, описывая внешность богини, выделяют ряд признаков, по которым Кали можно идентифицировать как вампира: свидетельствующие о ее кровожадности отрубленные головы в руках и язык, высывающийся из пасти, обгаренный кровью жертв [19, с. 282], или

покрытые кровью лицо и грудь от поедания человеческой плоти, приносимой, как указывает Б. Каррен, ракшасами [10, с. 195].

Кроме того, в религиозных текстах шактизма (ответвление индуизма. – Н. М.), последователи которого признают женскую энергию, в отличие от мужской, главной, изначальной, – Девы за счет принятия человеческой плоти «насыщается» на определенное время, что позволяет отсрочить конец света и приход новой эпохи – юги. Например, в «Калика-пуране» Шива следующим образом определяет правила жертвоприношения: «На одну тысячу лет Богиня принесением в жертву человека, / Совершенным в соответствии с предписаниями, достигает насыщения, и на сто тысяч лет – / [принесением в жертву] троих людей. / На три тысячи лет [подношением] человеческой плоти / Удовлетворяется Камакхья Бхайрави, принимающая мой образ. / Очищенная мантрами кровь обращается в нектар; / И голову, и плоть [жертвы] принимает Благая» [9, с. 325]. Все это позволяет судить об отсутствии разработанности критериев, относимых к вампирскому образу в индийской мифологии, в частности, к образу богини Кали.

Фигура вампира в иудейской и античной традиции

В иудейской традиции чертами вампира обладала Лилит: по одной из версий – первая жена Адама, по другим – злой дух [16, с. 312]. Своими корнями же этот образ уходит в шумерскую мифологию: ее имя «восходит к именам трех шумерских демонов: Лилу, Лилиту и Ардат Лили; первый и второй – инкуб и суккуб» [18, с. 55]. Лилит, по иудейским представлениям, как и Ламашту, наносила вред роженицам, матерям и их детям: кроме магических действий, она также нередко похищала младенцев и пила их кровь [18, с. 55; 20, с. 231].

В античной мифологической традиции образ вампира также находит свое воплощение. Показательно, что, в основном, общие черты с ним имеют существа женского пола, а не мужского. Кроме того, они так или иначе будут связаны с фигурой богини Луны Гекаты, связанной с привидениями и покровительствующей колдунам [25, с. 124].

В греческих сказаниях одной из таковых выступает Ламия, чьих детей из ревности к своему мужу Зевсу убивает Гера. Ламия после этого превращается в монстра (или фантома), приносящего

вред младенцам других рожениц: она, подобно Ламашту и Лилит, похищает и умерщвляет детей, пожирает их плоть [31, p. 713].

Нужно отметить, что в греческой мифологической традиции образ существа, крадущего новорожденных с целью их последующего умерщвления, не всегда напрямую связан с воплощением вампирических черт. Подобным воровством, например, занималась и Мормона – чудовище в образе женщины [25, с. 363], или Мормо – призрак, которым пугали непослушных детей [30, p. 1113]. Свидетельств о ее вампиризме нет, однако Б. Каррен, считает, что мормо – существа, посещающие детей ночью, могли иметь качества вампиров [10, с. 275].

Впоследствии образ Ламии утрачивает персонифицированные черты, и персонажей легенд со схожим функциональным набором начинают называть ламиями, подобно гарпиям, мойрам и др., но схожести между обозначенными образами, как общеизвестно, нет. Ламиями также считали и ночные привидения, которые охотились за молодыми людьми и выпивали их кровь [16, с. 305], затем же, насладившись их энергией и молодостью, пожирали [31, p. 713].

Другим женским существом, входящим в «триаду», связанную с Гекатой, являлась Эмпуса, которая воспринималась и как привидение, «многоликое и изменчивое» [25, с. 656], чье лицо «пылает жаром» [16, с. 616], и как чудовище, оборачивающееся по желанию в животное с ослиными копытами или бронзовыми башмаками [17, с. 534], жаждущее человеческого мяса [25, с. 373], и как прекрасная девушка. С образом последней и связана вампирическая сторона Эмпусы – она, как и Ламия, завлекала юношей, душила их [5, с. 475] и выпивала их кровь «как вампир» [30, p. 14].

С Ламией Эмпусу связывает и то, что впоследствии персональные черты стираются, на первый план выдвигаются основные функции (завлечение и высасывание жизненных сил и / или крови), и эмпусы воспринимаются как персонажи мифологии, наносящие вред людям. Общность черты между обозначенными выше существами в греческой традиции находит Б. Каррен, упоминая при этом и Лилит, чей функциональный набор может быть соотнесен с действиями ламий и эмпус [10, с. 275].

В римской мифологической традиции образ ламий находит свое продолжение и развитие. Известные как стриги / стрик-

сы, чаще всего изображавшиеся в качестве крылатых существ, эти ведьмы могли нападать на детей ночью и похищать их [16, с. 503], а также выпивать кровь мужчин, причем с последними стриги нередко совершали половой акт [7, с. 553].

Вампир в фольклоре цыган

Весьма примечателен образ существ, которым могут быть присущи вампирические качества, в народных представлениях цыган. Как отмечается учеными, до конца этногенез последних не выяснен, однако существуют версии об их «исходе» из регионов Египта, Индии и пути через многие страны, в которых проживали как славянские, так и романские племена [24, с. 5–7].

С персонажами индийской мифологии, пишачами, у цыган отчасти соотносятся лошоличи и джуклануши, являющиеся непримиримыми врагами и при встрече вступающие в борьбу. И те, и другие представлялись великанами с различными телесными деформациями: у лошоличей – громадные уши и длинные, свисающие до земли руки, а у джукланушей – ноги и голова собаки [13, с. 27; 30]. Для лошоличей не характерна жажда крови, но они насылают болезни и нападают на людей, в особенности на женщин, чтобы превратить свою жертву в «безобразную, худую клячу» [13, с. 28]. Джуклануши же, напротив, часто помогают людям, а потребность в крови выражается в восстановлении тела от ран, нанесенных им лошоличами: чтобы исцелиться, джуклануши просят у человека, найденного ими в горах, несколько капель крови, а затем «капают на язык раненого, и он немедленного исцеляется» [13, с. 31].

Совсем другой образ, обладающий рядом качеств, соотносимых с мифологическим вампиром, рассмотренным ранее, представляется в цыганских сказках: это женщина, так или иначе связанная с колдовством, чья природа может быть соотнесена со славянскими ведьмами, еретиками и пр., поскольку ее жажда крови не обозначена как ведущая в целом ряде «способностей»; она нередко возвращается в дом после смерти или своим ведьмовством портит жизнь людей в таборе.

Например, в сказке «Ведьма Саби» главная героиня после проводов возлюбленного на войну становится ведьмой, ходящей на реку к нивашу, водяному, чтобы обучаться колдовству, а платой за приобретенные навыки выступает каждодневная капля

крови из руки Саби [13, с. 237]. Кроме этого, она собирает яичную скорлупу, из которой едят бесы на шабашах, а леска, которую Саби, якобы, вьет для удочки, является волшебной ниткой, «чтобы сосать кровь по ней из сердца спящего человека» [13, с. 238].

В сказке «Как цыган нечистую силу победил» в дом к мужу возвращается его умершая жена. Справиться с напастью вызывается старый цыган Федот, на протяжении трех ночей борющийся с колдуньей разными средствами. Нечистая сила не только усыпляет всех жителей в доме, но и качает люльку с младенцем до тех пор, пока у ребенка не начинает идти пена изо рта [24, с. 234]. Образ умершей жены может быть соотнесен не только с образами мифологических вампиров-женщин (Ламашту, Лилит, Ламией и др.), но и со славянскими ведьмами (например, борьба мужчины и умершей женщины-колдуньи, эпизоды которой находит яркое воплощение в повести «Вий» Н. В. Гоголя). Хотя в сказке не показывается, что жена выпивает у кого-либо кровь, Федот, чтобы остановить ее, находит могилу ведьмы и вбивает туда осиновый кол [24, с. 235].

Обсуждение и выводы

Таким образом, можно говорить о функционировании образа вампира в ключевых мифологических системах. Несмотря на отсутствие общей разработанности критериев определения основных признаков этого образа, представляется целесообразным выделить ряд наиболее частотных из них.

В первую очередь, это жажда крови и / или жизненных сил человека, причем нередко их высасывание подразумевает и последующее пожирание плоти жертвы (ламии). Во-вторых, древними вампирами чаще всего выступают представительницы женского пола или образы с женскими чертами (однако, по индуистским верованиям, таковыми в большей степени были великаны пищачи, а отнесение богини Кали к вампирам осложнено многочисленными вариантами сказаний с ней), при этом в ходе взаимодействия жертвы и вампира нередко заметно проявление элемента эротизма: существо в образе красивой женщины соблазняет молодого человека, а после выпивает его кровь (Лилит, Эмпуса). В-третьих, женщины-вампиры в основном тяготеют к умерщвлению и / или похищению детей, а не юношей (Ламашту). Наконец, по происхождению ми-

фологические вампиры чаще всего являются не людьми или представителями нечистой силы (например, заложными покойниками или мертвецами), но имеют божественное начало, что в корне расходится с представлениями славян или цыган и последующими воззрениями на сущность вампиров.

Список литературы

1. Антонов С. А. Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах. – СПб.: Азбука, 2007. – С. 26–49.
2. Бадж Э. У. Легенды о египетских богах. – М.: Рефл-бук, 1997. – 304 с.
3. Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. В 2 кн. – М.: АСТ, 2003. – Кн. 1. – 832 с.
4. Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. В 2 кн. – М.: АСТ, 2002. – Кн. 2. – 836 с.
5. Большой мифологический словарь / сост. А. Черницкий. – М.: Гелеос, 2008. – 496 с.
6. Гопман В. Носферату: судьба мифа // Стокер Б. Дракула. – М.: Эксмо, 2005. – С. 553–557.
7. Гуили Р. Э. Энциклопедия ведьм и колдовства. – М.: Вече, 1998. – 672 с.
8. Индийские сказки / сост. У. Крук. – СПб.: СЗКЭО, 2024. – 216 с.
9. Калика-пурана / пер. и сост. А. Игнатъев. – М.: Касталия, 2017. – 436 с.
10. Каррен Б. Вампиры. – М.: Эксмо, 2009. – 288 с.
11. Ковальская А. С. Генезис образа вампира в европейской прозе // Science Time. – 2021. – № 9 (93). – С. 5–9. EDN: PKIVGV
12. Краткий энциклопедический словарь / отв. ред. Е. Хачанян. – М.: Внешсигма, 2001. – 1056 с.
13. Кун Н. А. Сказки цыган. – М.: Эксмо, 2023. – 256 с.
14. Лидова Н. Р. Демон и демоническое в древнеиндийской мифологии // Восточная демонология. От народных верований к литературе. – М.: Наследие, 1998. – С. 195–213.
15. Липинская Я., Марциняк М. Мифология Древнего Египта. – М.: Искусство, 1983. – 223 с.
16. Мифологический словарь / ред.: Е. М. Мелетинский, В. М. Макаревич, С. С. Аверинцев и др. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
17. Мифологический словарь / сост.: И. Н. Лосева, Н. С. Капустин, О. Т. Кирсанова и др. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 576 с.
18. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 2. К – Я – 719 с.
19. Немировский А. И. Мифы древности: Индия. Научно-художественная энциклопедия. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
20. Носенко Е. Э. Представления евреев о демонах, злых духах и прочей нечистой силе // Восточная демонология. От народных верований к литературе. – М.: Наследие, 1998. – С. 214–257.
21. Одесский М. П. Явление вампира // Стокер Б. Дракула. – М.: Эксмо, 2015. – С. 3–31.
22. Паттанаик Д. Индийские мифы. От Кришны и Шивы до Вед и Махабхараты. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. – 224 с.
23. Саммерс М. Вампиры в верованиях и легендах. – М.: Центрполиграф, 2010. – 352 с.
24. Сказки и песни, рожденные в дороге: Цыганский фольклор / сост.: Е. Друц, А. Гесслер. – М.: Наука, 1985. – 520 с.
25. Словарь античности / сост.: Й. Ирмшер, Р. Йоне. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.
26. Словарь мифов / под ред. П. Бентли. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 432 с.
27. Томас П. Легенды, мифы и эпос древней Индии. – СПб.: Евразия, 2000. – 352 с.
28. Трактат по вампирологии доктора Абрахама Ван Хельсинга, доктора медицины, доктора философии, доктора филологии и проч. С добавлением других древних, редких и драгоценных трактатов на эту тему / сост. и ред. Э. Бразе. – М.: Книжный клуб 36.6, 2012. – 480 с.

29. Эрман В., Темкин Э. Мифы Древней Индии. – М.: Эксмо, 2023. – 352 с.
30. Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology. In Three Volumes. Vol. 1 / ed. by W. Smith. – Boston: Little, Brown & Co, 1867. – 1103 p.
31. Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology. In Three Volumes / ed. by W. Smith. – Boston: Little, Brown & Co, 1867. – Vol. 2. – 1225 p.
32. Hurwitz S. Lilith, the First Eve: Historical and Psychological Aspects of the Dark Feminine. – Einsiedeln, Switzerland: Daimon Verlag Publ., 1992. – 272 p.

Nikita Mironov

Specifics of Vampire Image Reception in Mythology and Folklore of the World's Nations

The article deals with the specificity of representation of the vampire image in different mythological systems: Akkadian, Egyptian, Indian, ancient and others. The aim is to identify the main features inherent in the figure of the mythological vampire. The comparative-historical method and the method of holistic analysis were applied in the study. As a result, it was established that, firstly, the image of the vampire functions in key mythological systems. Secondly, the most important and most frequent features of this image, in addition to bloodlust, are the following: ancient vampires are most often female representatives or images with feminine features, and in the course of interaction between the victim and the vampire, an element of eroticism is often noticeable: a creature in the image of a beautiful woman seduces a young man and then drinks his blood (Lilith, Empusa). Nevertheless, female vampires show a primary focus on killing or abducting children, but not young men (Lamashtu). Finally, by origin, mythological vampires are most often not human or representatives of unclean forces (e.g., mortgaged dead or dead men), but have a divine origin, which is fundamentally at odds with Slavic or Romani representations and subsequent views on the essence of vampires.

Key words: vampire, phenomenon of vampirism, mythology of antiquity, Sumero-Akkadian mythology, Indian fairy tales, Gypsy folklore.

For citation: Mironov, N. M. (2025) *Specifics of reception of the vampire image in mythology and folklore of the world's nations*. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 10–23. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_1_10. EDN: VYZFHP

References

1. Antonov, S. A. (2007) *Tonkaya krasnaya liniya. Zametki o vampiricheskoy paradigme v zapadnoy literature i kul'ture* [Thin Red Line. Notes on the Vampire Paradigm in Western Literature and Culture]. «Gost' *Drakuly*» i drugiye istorii o vampirakh ["Dracula's Guest" and Other Vampire Stories]. St. Petersburg: Azbuka Publ. Pp. 26–49. (In Russian).
2. Budge, E. W. (1997) *Legendy o yegipetskikh bogakh* [Legends of the Egyptian Gods]. Moscow: Refl-Book Publ. (In Russian).
3. Blavatsky, E. P. (2003) *Razoblachennaya Izida*. V 2 kn. Kn. 1 [Isis Unveiled. In 2 Books. Book 1]. Moscow: AST Publ. (In Russian).
4. Blavatsky, E. P. (2002) *Razoblachennaya Izida*. V 2 kn. Kn. 2 [Isis Unveiled. In 2 Books. Book 1]. Moscow: AST Publ. (In Russian).
5. Chernitsky, A. (2008) (ed.) *Bol'shoy mifologicheskii slovar'* [Big Mythological Dictionary]. Moscow: Geleos Publ. (In Russian).
6. Gopman, V. (2005) *Nosferatu: sud'ba mifa* [Nosferatu: The Fate of a Myth]. Stoker B. *Dracula* [Stoker B. *Dracula*]. Moscow: Eksmo Publ. Pp. 553–557. (In Russ.).
7. Guili, R. E. (1998) *Entsiklopedia ved'm i koldovstva* [Encyclopedia of Witches and Witchcraft]. Moscow: Veche Publ. (In Russian).

8. Crook, W. (2024) (ed.) *Indiyskiye skazki* [Indian Fairy Tales]. St. Petersburg: SZKEO Publ. (In Russian).
9. Ignatiev, A. (2017) (ed.) *Kalika-purana* [Kalika Purana]. Moscow: Kastaliya Publ. (In Russian).
10. Curran, B. (2009) *Vampiry* [Vampires]. E. Anshakova (trans.). Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).
11. Koval'skaya, A. S. (2001) *Genezis obraza vampira v evropejskoj proze* [The Genesis of the Image of the Vampire in European Prose]. *Science Time – Science Time*. No. 9 (93). Pp. 5–9. (In Russian). EDN: PKIVGV
12. Khachanyan, E. (2001) (ed.) *Kratkiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Brief Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Vneshsiga Publ. (In Russian).
13. Kun, N. A. (2023) *Skazki tsygan* [Gypsy Fairy Tales]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).
14. Lidova, N. R. (1998) *Demon i demonicheskoye v drevneindijskoy mifologii* [Demon and The Demonic in Ancient Indian Mythology]. *Vostochnaya demonologiya. Ot narodnykh verovaniy k literature* [Eastern Demonology. From Folk Beliefs to Literature]. Moscow: Nasledie Publ. Pp. 195–213. (In Russian).
15. Lipinskaya, Y., Marciniak, M. (1983) *Mifologiya Drevnego Yegipta* [Mythology of Ancient Egypt]. Moscow: Iskustvo Publ. (In Russian).
16. Meletinsky, E., Makarevich, V., Averintsev, S. (1990) (ed.) *Mifologicheskiy slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ. (In Russian).
17. Loseva, I., Kapustin, N., Kirsanova, O. (1997) (eds.) *Mifologicheskiy slovar'* [Mythological Dictionary]. Rostov-on-Don: Feniks Publ. (In Russian).
18. Tokarev, S. (1994) (ed.) *Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kh t.* T. 2. K – YA [Myths of The Peoples of The World. Encyclopedia in 2 Volumes. Vol. 1. K – I]. Moscow: Rossiyskaya enciklopediya Publ. (In Russian).
19. Nemirovsky, A. I. (2001) *Mify drevnosti: India. Nauchno-khudozhestvennaya entsiklopediya* [Myths of The Ancient Times: India. Scientific and Artistic Encyclopedia]. Moscow: Labirint Publ. (In Russian).
20. Nosenko, E. E. (1998) *Predstavleniya yevreyev o demonakh, zlykh dukhakh i prochey nechistoy sile* [Jewish Beliefs about Demons, Evil Spirits and Other Devilry]. *Vostochnaya demonologiya. Ot narodnykh verovaniy k literature* [Eastern Demonology. From Folk Beliefs to Literature]. Moscow: Nasledie Publ. Pp. 214–257. (In Russian).
21. Odesskiy, M. P. (2015) *Yavlenie vampira* [The Appearance of the Vampire]. *Stoker B. Drakula* [Stoker B. Dracula]. Moscow: Eksmo Publ. Pp. 3–31. (In Russian).
22. Pattanaik, D. (2023) *Indiyskiye mify. Ot Krishny I Shivu do Ved I Makhabharaty* [Indian Myths. From Krishna and Shiva to the Vedas and Mahabharata]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ. (In Russian).
23. Sammers, M. (2010) *Vampiry v verovaniyah i predaniyah* [Vampires in beliefs and traditions]. Moscow: Centrpoligraf Publ. (In Russian).
24. Druts, E., Gessler, A. (1985) (eds.) *Skazki i pesni, rozhdenyye v doroge: Tsyganskiy fol'klor* [Tales and Songs Born on The Road: Gypsy Folklore]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
25. Irmsher, J., Jone, R. (1989) (eds.) *Slovar' antichnosti* [Dictionary of Antiquity]. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
26. Bentley, P. (2000) (ed.) *Slovar' mifov* [Dictionary of Myths]. Moscow: FAIR-PRESS Publ. (In Russian).
27. Thomas, P. (2000) *Legendy, mify i epos drevney Indii* [Legends, Myths and Epics of Ancient India]. St. Petersburg: Eurasia Publ. (In Russian).
28. Braze, E. (2012) (ed.) *Traktat po vampirologii doktora Abrahama Van Khel'singa, doktora meditsiny, doktora filosofii, doktora filologii i proch. s dobavleniyem drugikh drevnikh, redkikh i dragotsennykh traktatov na etu temu* [Treatise on Vampirology by Dr. Abraham Van Helsing, M.D., Ph.D., D.Phil. etc. with the Addition of Other Ancient, Rare, and Precious Treatises on the Subject]. Moscow: Knizhnyy klub 36.6 Publ. (In Russian).
29. Erman, V., Temkin, E. (2023) (eds.) *Mify Drevney Indii* [Myths of Ancient India]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).
30. Smith, W. (1867) (ed.) *Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology*. In Three Volumes. Vol. 1. Boston: Little, Brown & Co.

31. Smith, W. (1867) (ed.) *Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology*. In Three Volumes. Vol. 2. Boston: Little, Brown & Co.

32. Hurwitz, S. (1992) *Lilith, the First Eve: Historical and Psychological Aspects of the Dark Feminine*. Einsiedeln: Daimon Verlag Publ.

Об авторе

Миронов Никита Михайлович, аспирант, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация); e-mail: nikitamironov428@gmail.com, ORCID ID: 0009-0004-9583-8507

About the Author

Nikita Mironov, Postgraduate Student, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation); e-mail: nikitamironov428@gmail.com, ORCID ID: 0009-0004-9583-8507

дата получения: 14.01.2025 г.
дата принятия: 30.01.2025 г.
дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 14 January 2025
date of acceptance: 30 January 2025
date of publication: 27 March 2025

С. В. Ковыршина, В. Е. Угрюмов

С. Т. Аксаков о духе патриотизма

В статье предпринята попытка проследить трансляцию линии патриотизма в творчестве известного русского писателя С. Т. Аксакова. Обращение к двум его работам из «Семейной хроники» («Воспоминания» и «Детство Багрова-внука») и «Встрече с мартинистами» позволило выявить патриотические моменты. Патриотизм как одно из проявлений экологии культуры транслирует сохранение и передачу языковых и народных традиций, представлений о добре и зле, любви и преданности Родине, защите исторических, нравственных и национальных ценностей. Акцентировано внимание на трех составляющих: понимании добра как одной из вершин триады «Истина, добро и красота», в которой заключены подлинно русский образ жизни, любовь к Отечеству и любовь к природе. Авторы приходят к выводу, что линия патриотизма в творчестве С. Т. Аксакова представлена в двух направлениях. С одной стороны, это любовь к исконно родному, сохранение христианских ценностей. С другой стороны, в «Воспоминаниях» и «Детстве Багрова-внука» он демонстрирует трепетное отношение к природе, окружающему миру, родным и близким – в этом проявляется личное переживание любви к малой родине.

Ключевые слова: С. Т. Аксаков, патриотизм, мартинисты, противопоставление, добро, природа, культура.

Для цитирования: Ковыршина С. В., Угрюмов В. Е. С. Т. Аксаков о духе патриотизма // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 24–35. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_24. EDN: WRSVAC

Современное состояние тысячелетних споров о природе и сущности человека с необходимостью обращает наше внимание на проблему экологии человека. В. Д. Комаров обосновал выделение области специесантропозкологии – «собственно человеческой области экологии человека», которая изучает модификацию человеческой природы в различных исторических обстоятельствах. Появляется возможность рассматривать природу человека не через призму биосоциального единства, а через инте-

грацию трех составляющих человеческой жизнедеятельности: природной (биологической) сущности, общественной (социальной) и культурной [8, с. 73].

Вместе с этим, рассмотрение проблемы сущности и предназначения человека не представляется возможным без обращения к сугубо специфической области антропологического знания – экологии культуры. В 1984 году этот термин был введен академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. «Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности»¹. Язык, произведения художественной культуры и литературы – составляющие экологии культуры. Вместе с этим Д. С. Лихачев указывал на то обстоятельство, что «изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние на человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях»². Он приводит пример, иллюстрирующий приобретение определенных черт, свойственных определенной местности. Так, после войны вновь прибывшие в Ленинград люди, не являвшиеся до этого частью населения города, приобрели те черты образа жизни и ленинградского уклада, которые свойственны коренным ленинградцам. Это были не только процессы ассимиляции, но и аккультурации.

Для нас интерес представляет, в первую очередь, сохранение и передача языковых и народных традиций, представлений о добре и зле как показателей экологии культуры в ее важнейшей форме проявления – патриотизме, любви и преданности Родине, защите исторических, нравственных и национальных ценностей.

¹ Лихачев Д. С. Экология культуры. Электронный ресурс. URL: [http:// www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/ecolog_kult.pdf](http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/ecolog_kult.pdf) (дата обращения: 12.01.2025).

² Там же.

Патриотизм как форма проявления экологии культуры имеет достаточно широкое толкование¹. В понимании патриотизма мы будем отталкиваться от его широкого значения: любовь и преданность своей стране, Родине, вера в свои духовные способности. В ранних своих исследованиях [6–7] мы уже отмечали тот факт, что фактически на каждом этапе развития российского общества присутствовало влияние иного, чужого, будь то Золотая Орда или Византия. Реформы и преобразования Петра I вывели Россию на новый уровень и вместе с тем сформировали чувство любви и преданности Родине, особенно проявляющиеся во время войн.

Мы рассмотрим содержание ключевых моментов проявления патриотизма в творчестве С. Т. Аксакова. Линия патриотизма в его творчестве, на наш взгляд, представлена в двух направлениях. С одной стороны, в произведениях, в частности, во «Встрече с мартинистами», через образ Петра Балясникова Аксаков показывает силу и мощь патриотизма через противопоставление себя, своих юношеских исканий мартинистам в любви к исконно родному, сохранению христианских ценностей [7]. С другой стороны, в «Воспоминаниях» и «Детстве Багрова-внука» писатель демонстрирует трепетное отношение к природе, окружающему миру, родным и близким как личное переживание любви к малой родине.

Материалы и методы

Изучение жизни и творчества С. Т. Аксакова – непростая задача для исследователя. В его произведениях тесно переплелись художественные моменты с личной жизнью, поэтому материалом для нашего исследования послужили такие работы писателя, как две части «Семейной хроники» («Воспоминания», «Детские годы Багрова-внука») и «Встреча с мартинистами». Помимо этого, мы обращались к работам Е. И. Анненковой, М. П. Лобанова, Ю. В. Манна и других исследователей, посвященным биографии С. Т. Аксакова и анализу его творческого наследия [2; 10–13]. Вместе с этим мы опирались и на собственные исследования [6–7; 16] данной темы.

¹ Гармаев Б. Б. Природа патриотизма и формы его проявления. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-patriotizma-i-formy-ego-proyavleniya/viewer> (дата обращения: 15.01.2025).

Основными методами были описательный, сравнительный, герменевтической для более глубокого понимания исследуемого феномена.

Результаты

Любовь к природе Сергей Аксаков унаследовал от отца. С детства он полюбил рыбную ловлю и охоту. Будучи с отцом на рыбалке или в поездке, он проявлял недетскую наблюдательность за повадками и нравами зверей, птиц, рыб. Его первые впечатления и увлечения, которые в дальнейшем явились предметом его произведений, связаны с природой и семьей.

Отношение к своему старинному дворянскому роду, отцу, матери, сестре, деду, признание значимости семейных ценностей, патриархальный быт помещичьей жизни оказали значительное влияние на формирование мировоззрения писателя. В «Детстве...» он описывает этот процесс через призму миропонимания Сережи Багрова.

Исконно русская триада «Истина, добро и красота» формируется постепенно. Противостояние добра и зла в мироощущении маленького героя выглядит вполне естественно – как явление природы. Творчеству С. Т. Аксакова не присуща теодия: у него человек – изначально добр. А зло – это своеобразное неловкое проявление добра. Некая болезнь, от которой человек вольно или невольно, но излечивается. Злое забывается, остаётся только хорошее. Это мы видим в описании злого старика Куролесова, о котором остаются лишь хорошие воспоминания: устройство жизни своих крестьян и строительство церкви с золотыми крестами. Его жена, Прасковья Ивановна, добра в своем горе по мужу-злодею после его смерти. Добрым является причудливый помещик Каратаев, сохраняющий башкирские песенные традиции. Его милая жена, Александра Степановна, тоже добра, хотя и неприязненно относится к выбору брата. Добра Арина Васильевна, безжалостно относящаяся к дворне, издевающаяся над девушками, потому что это для них же лучше. Добры и крестьяне, и доктора. И как квинтэссенция: добра земля на урожай. До сих пор мы можем слышать в обыденной речи слова «богатый урожай», «богатая земля».

Доброта у С. Т. Аксакова субъективна, каждый персонаж транслирует свою собственную доброту, в которой он, как

ни странно, одинок: только ему ведомы мотивы его поступков, оправдание своим действиям.

Аксаков показывает амбивалентность добра, создавая образ старика Степана Михайловича Багрова. Степан Багров по натуре своей – добрый человек (вспомним булгаковского Иешуа Га-Ноцри, который всех называет добрыми людьми: и Понтия Пилата, и Крысобоя). Он своего рода ветхозаветный человек, но имеющий своего рода заболевание: легко гневаться. После гневления он страдает, ему плохо от приступов злобы. И сама мать-природа тоже сочувствует ему: «Природа точно сочувствовала происходившему в доме Багровых. С самого обеда две тучи, одна чернее другой, сошлись посредине неба и долго стояли на одном месте, перебрасываясь огнями молний и потрясая воздух громовыми ударами. Наконец все это разрешилось дождевым ливнем, тучи повалили на восток, и яркое солнце открылось на западе. Свежее, ароматнее стали луга и леса, громче, веселее запели птицы... Но не так бывает после грозы страстей человеческих!» [1, I, с. 223–224].

Стихийная, необузданная доброта старика Багрова инвариантна: она скупа на проявления в мелочах, но в то же время может быть и гневом, и благодатью. Доброта передается по наследству – как свойство природы, неизменно заложенное в человеке, только у одних ее много, у других – крупинцы, но она все же есть, только в другом объеме.

Олицетворение природы в образах злых людей – один из самых интересных стилистических приемов, часто используемых С. Т. Аксаковым. Истинность добра – в его проявлениях, внешних воздействиях, фразах, словах и, даже, в названиях и наименованиях.

В связи с этим необходимо сделать небольшое отступление по поводу того, почему С. Т. Аксаков дает своему герою фамилию Багров. Писатель родился в Уфе, в Башкирии. У башкир одними из излюбленных цветов и их сочетаний являются красный, белый, зеленый. Эти цвета позиционируют топонимику той местности, где вырос герой произведения: река Белая и ее притоки: Дема, Уфимка. Описывая вскрытие рек, С. Т. Аксаков уточняет, что смотреть на разлив полной воды – одно из любимых удовольствий русского народа. Среди цветов преобладающим является красный как олицетворение тепла, огня,

крови. Красный цвет имел и оберегающее значение: защищал от влияния злых сил и дурного глаза¹. Багровый цвет представляет собой оттенок красного. С этим значением может быть связана и фамилия героя. Зеленый цвет – цвет жизни, здоровья. Именно в лесу происходит исцеление Сережи Багрова: «Вынесли меня из кареты, постлали постель в высокой траве лесной поляны, в тени деревьев, и положили почти безжизненного. <...> Я все слышал и видел явственно и не мог сказать ни одного слова, не мог пошевелиться – и вдруг точно проснулся и почувствовал себя лучше, крепче обыкновенного. Лес, тень, цветы, ароматный воздух мне так понравились, что я упросил не трогать меня с места <...>. Я не спал, но чувствовал необыкновенную бодрость и какое-то внутреннее удовольствие и спокойствие, или, вернее сказать, я не понимал, что, но мне было хорошо. <...> На другой день поутру я чувствовал себя также свежее и лучше против обыкновенного» [1, I, с. 292].

Отмеченная Аксаковым самобытность русского народа и его культуры, величие природы позже дадут основание многим исследователям считать С. Т. Аксакова сторонником славянофильства. Но отношение С. Т. Аксакова к славянофильству нельзя назвать однозначным. Общеизвестно, что в его доме собирались представители русской передовой интеллигенции, в том числе и писатели, в разговоры и дискуссии которых был вовлечен и хозяин дома. Аксакову импонировало то, что славянофилы являлись приверженцами национальных традиций, говорили о любви к русской культуре, уважали народные обычаи. Но ему был чужд некоторый максимализм и категоричность взглядов славянофилов. Тем не менее, защита исконных русских ценностей предстает в его творчестве краеугольным камнем.

Так, актуальными сегодня являются его воспоминания о противостоянии чуждых западных мировоззренческих образцов русским традициям. Речь идет о том, как молодой С. Т. Аксаков получил опыт общения с мартинистами. Первая четверть XIX века – период в отечественной истории, насыщенный бурными событиями как во внутренней, так и во внешней политике. Преклонение перед всем французским – модой,

¹ Кондрацкий М. В., Миловзорова М. В. Традиционные цвета башкирского орнамента как отражение духа башкирского народа. Электронный ресурс. URL: <http://ufaschool118.narod.ru/ORNAMENT.htm> (дата обращения: 12.01.2025).

языком, образом жизни – дало свои результаты. В Россию хлынул поток разных мировоззренческих взглядов: герменевтическая философия, каббала, различного рода секты. В каждом уважающем себя салоне практиковались спиритические и мистические сеансы [4, с. 66]. Масонство во всевозможных формах искало и находило своих адептов в российском обществе. Несмотря на запрет и преследование масонов со стороны властей, в больших городах – Москве и Санкт-Петербурге – их деятельность достигла большого размаха.

Современная ситуация такова, что около 6 миллионов человек в мире считают себя масонами. А в тайное мировое правительство, согласно данным ВЦИОМ за 2023 год, верят 49 % россиян¹. В XIX веке в Петербурге самой известной масонской ложей была ложа мартинистов под руководством А. Ф. Лабзина «Умиравший сфинкс»² [5, с. 109]. Так что же предлагали масоны и почему неприятие и запрет масонских лож вызвали такой широкий общественный резонанс?

Ярким представителем масонства у С. Т. Аксакова выступает старик В. В. Рубановский (прототипом которого являлся действительный член масонской ложи В. В. Романовский). «Старик был огромного роста, сухощав, но атлетического, мускулезного сложения; глаза его выражали суровую строгость; лицо он имел необыкновенно длинное и бледное, с выдавшимся вперед подбородком; передние зубы, точно клыки, высовывались, когда он говорил, особенно когда смеялся; но и в смехе его не было ничего веселого и добродушного» [1, II, с. 223]. В народе он прослыл злым мартинистом (Енералом или Генералом Кулем), потому что был суров, строг, глубоко, и мы бы даже подчеркнули – до абсурда, религиозен. Фанатично предан своему делу, неподкупен, честен, независим, не щадил никого, его боялись: «Рубановский беспрестанно представлялся мне Авраамом, готовым закласть Исаака по гласу Иегова, и что я, слушая его, часто чувствовал невольный ужас» [1, II, с. 227–228].

Молодой С. Т. Аксаков узнает, что семья Рубановских живет в доме М. В. Ломоносова, но их совершенно это не волнует:

¹ ВЦИОМ: в России доля верящих в тайное мировое правительство сократилась до 49 %. Электронный ресурс. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18126369> (дата обращения: 20.01.2025).

² Кондаков Ю. И. Ложа «Умиравший сфинкс» в воспоминаниях С. Т. Аксакова. Электронный ресурс. URL: <https://statehistory.ru/1578/Lozha-Umirayushchiy-sfinks-v-vospominaniyakh-S-T-Aksakova> (дата обращения: 19.10.2024).

«С юношеским увлечением принялся я ораторствовать, что жить в доме Ломоносова, этого великого русского гения, истинное счастье» [1, II, с. 228]. Но Рубановские не придавали этому факту большого значения, что еще раз показало их оторванность от реальной жизни, уход в свой «личный мирок».

Будущий писатель сначала с интересом, а чуть позже с отвращением вспоминает о встречах и беседах с масонами. Их желание насильно приобщить его к своему кругу вызывает у Аксакова стойкое неприятие их идей, образа жизни, отношения к близким, похожее, в определенной степени, на помутнение рассудка. Массонская литература – бессмысленна, скучна и тяжела для понимания. Язык их изъяснения – тяжел и непонятен: «Я сейчас остановил и сконфузил их, сказав им, что во всех спорах первым условием должно быть ясное понимание языка, которым говорят говорящие, что их язык для меня китайский, и в доказательство повторил некоторые их выражения» [1, II, с. 232].

Как молодому человеку, которому свойственно обличать неправду, бороться с косностью и мракобесием, с неприятием чуждого и непонятного, С. Т. Аксакову хочется разоблачить мартинистов, показать их несостоятельность, ограниченность. Используя их догматизм и узость мышления, молодой писатель создает произведение, якобы принадлежавшее почившему Вольфу, и представляет его «уважаемым людям». Но воспитание берет вверх, хотя мартинисты высоко оценили «записки»: «Мне стало совестно дурачить целое общество, члены которого, при всем своем одностороннем ослеплении или увлечении, были люди умные, образованные и почтенные» [1, II, с. 262]. Таким образом, мы видим не только противопоставление двух мировоззренческих систем – западной, догматичной, и творческой, русской, но и собственную субъективную позицию [2, с. 4].

Еще одним значимым моментом, транслирующим патристическую линию С. Т. Аксакова, предстает история о Петре Балясникове, университетском друге писателя, участнике войны со шведами 1808–1809 гг. Фамилия героя этимологически обозначает вертикальную опору перил – балясину. Таким образом, образ друга – это образ опоры и поддержки. Это фундамент Отечества, «храбрый воин, только что сошедший с поля битвы» [1, II, с. 234].

Страдающий от ужасной раны, но не сломленный, он ищет помощи в лечении, чтобы залечить раны – и в бой. Это противостояние западу – не только Швеции, но и самому Наполеону. Балясников – «не театральный герой», как мартинисты, он не играет на публику, он живет чувством долга перед Отечеством, демонстрирует реальный героизм. Старик Рубановский не желает слушать ни про Аракчеева, ни про Балясникова, считая эти разговоры глупыми и бессмысленными. Он предлагает обратиться к своей правде – масонским книгам, дать их почитать Балясникову. Но не таков университетский друг Аксакова, который жаждет истины, жизни, справедливости. П. Балясников уезжает на войну. Получив назначение на должность командира конноартиллерийской роты, он довел ее до совершенства, что его голос и манеру отношения знали не только люди, но и лошади. Отношение к неприятелю и любовь к Отечеству привели его к гибели: он пришел в отчаяние, что Наполеону удалось спастись бегством. Всей душой желал он уничтожить врага и в гневе (оборотной стороне добра), он на р. Березине по колено в холодной воде почти сутки добивал остатки великой армии Наполеона. Простудившись, он подхватил горячку и через некоторое время умер. Но память о нем осталась в сердцах его товарищей.

Обсуждение и выводы

Таким образом, мы видим, что линия патриотизма в творчестве С. Т. Аксакова является фундаментом его воспоминаний [3, с. 20]. С одной стороны – любовь к Родине (защита от внешней опасности), с другой – отношение к природе, родным, близким, трансляция истинных русских черт сквозь призму добра. С. Т. Аксаков, обогащая собственные наблюдения художественным вымыслом, приближает читателя к суровой реальности.

Список литературы

1. Аксаков С. Т. Собрание сочинений. В 4 т. – М.: Художественная литература, 1955–1956. – Т. 3. – 814 с.
2. Анненкова Е. И. Аксаковы. – СПб.: Наука, 1998. – 366 с.
3. Гаврилков М. А. Определение ордена мартинистов в России начала XX века как предмет научной рефлексии // Мистико-эзотерические движения в теории и практике: мистицизм и эзотеризм в России и других странах постсоветского пространства: материалы Девятой всероссийской научной конференции с международным участием. – СПб., 2018. – С. 23–35. EDN: YWJOPQ

4. Дмитриев А. В. Государственно-правовые идеи русских масонов конца XVIII – первой четверти XIX века: вопросы источниковедения и историографии // *Genesis: исторические исследования*. – 2017. – № 8. – С. 65–86. EDN: ZDDARV

5. Кийченко К. И. Труды Луи Клода де Сен-Мартена и их влияние на становление русского мартинизма // *Научно-технические ведомости СПбГПУ*. – 2015. – № 4 (232). – С. 109–117. EDN: VONQZF

6. Ковыршина С. В., Угрюмов В. Е. Воспоминания С. Т. Аксакова о мартинистах: встреча двух дискурсов // *Art Logos (искусство слова)*. – 2024. – № 1. – С. 10–24. DOI: 10.35231/25419803_2024_1_10. EDN: CXMHYU

7. Ковыршина С. В., Угрюмов В. Е. Мнимый и подлинный патриотизм во «Встрече с мартинистами» С. Т. Аксакова // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов. Сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции. – СПб., 2023. – С. 154–159. EDN: QSGMIL

8. Комаров В. Д. Экология человека как научная теория. – М.: Наука, 1986. – 160 с.

9. Кучурин В. В. Масонские символы ложи Умирающего сфинкса: опыт интерпретации // *Труды государственного музея истории религии*. – СПб., 2009. – Вып. 9. – С. 141–148. EDN: FKWMPU

10. Лобанов М. П. Сергей Тимофеевич Аксаков. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 364 с.

11. Манн Ю. В. Аксаков Сергей Тимофеевич // *Русские писатели: биографический словарь*: в 2 т. – М.: Просвещение, 1990. – Т. 1. – 462 с.

12. Манн Ю. В. Семья Аксаковых: ист.-лит. очерк: [для ст. шк. возраста]. – М.: Детская литература, 1992. – 399, [1] с.

13. Машинский С. И. С. Т. Аксаков: жизнь и творчество. – М.: Художественная литература, 1973. – 575 с.

14. Минаков И. П. Социокультурная ситуация в современной России и актуализация проблемы формирования духовной личности // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. – 2022. – Т. 11. – № 2А. – С. 285–298. DOI: 10.34670/AR.2022.79.31.036 EDN: FCLDPF

15. Муратова Р. Т. Генезис, развитие и лексическая семантика цветообозначения кызыл 'красный' в башкирском языке // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. – 2018. – Т. 11. – № 5 (39). – С. 120–131. EDN: YSNOTR

16. Угрюмов В. Е. Образ русского масонства в воспоминаниях С. Т. Аксакова «Встреча с мартинистами» // *Национальный стиль русской литературной классики. Материалы VI Межвузовской с международным участием научно-практической конференции*. – М., 2021. – С. 118–124. EDN: FYRMED

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Svetlana Kovyrshina, Vladimir Ugryumov

S. T. Aksakov on the Spirit of Patriotism

The article attempts to trace the transmission of the line of patriotism in the work of the famous Russian writer S. T. Aksakov. An appeal to two of his works from the Family Chronicle: "Memories" and "Bagrov's Grandson's Childhood" and "Meeting with the Martinists" revealed patriotic moments. Patriotism, as one of the manifestations of cultural ecology, translates the preservation and transmission of linguistic and folk traditions, ideas about good and evil, love and devotion to the Motherland, protection of historical, moral and national values. The attention is focused on three components: understanding goodness as one of the peaks of the triad "Truth, goodness and beauty",

a truly Russian way of life and love for the Fatherland and love for nature. The authors conclude that the line of patriotism in the work of S. T. Aksakov is represented in two directions. On the one hand, it is the love of one's native land, the preservation of Christian values. On the other hand, in "Memoirs" and "The Childhood of Bagrov the Grandson" he demonstrates a reverent attitude to nature, the world around him, relatives and friends – a personal experience of love for a small homeland.

Key words: S. T. Aksakov, patriotism, Martinists, opposition, goodness, nature, culture.

For citation: Kovyreshina, S. V., Ugryumov, V. E. (2025) S. T. Aksakov o duhe patriotizma [S. T. Aksakov on the Spirit of Patriotism]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 24–35. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_1_24. EDN: WRSVAC

References

1. Aksakov, S. T. (1955–1956) *Sobranie sochinenij*. V 4 t. [Collected works. In 4 vols.]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. Vol. 3. (In Russian).
2. Annenkova, E. I. (1998) *Aksakovy* [Aksakovs]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
3. Gavrilkov, M. A. (2018) *Opreделение ordena martinistov v Rossii nachala XX veka kak predmet nauchnoj refleksii* [Definition of the Martinist Order in Russia at the beginning of the XX century as a subject of scientific reflection]. *Mistiko-ezotericheskie dvizheniya v teorii i praktike: misticizm i ezoterizm v Rossii i drugih stranah postsovetskogo prostranstva* [Mystical-Esoteric Movements in Theory and Practice: Mysticism and Esotericism in Russia and other Post-Soviet Countries]. Pp. 23–35. (In Russian). EDN: YWJOPQ
4. Dmitriev, A. V. (2017) *Gosudarstvenno-pravovye idei russkih masonov konca XVIII-pervoj chetverti XIX veka: voprosy istochnikovedeniya i istoriografii* [State-legal ideas of Russian Masons of the late XVIII – first quarter of the XIX century: questions of source studies and historiography]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: Historical Research*. No. 8. Pp. 65–86. (In Russian). EDN: ZDDARV
5. Kijchenko, K. I. (2015) *Trudy Lui Kloda de Sen-Martena i ih vliyanie na stanovlenie russkogo martinizma* [The works of Louis Claude de Saint Martin and their influence on the formation of Russian Martinism]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU – St. Petersburg State Polytechnical University Journal*. No. 4 (232). Pp. 109–117. (In Russian). EDN: VONQZF
6. Kovyreshina, S. V., Ugryumov, V. E. (2024) *Vospominaniya S. T. Aksakova o martinistax: vstrecha dvux diskursov* [S. T. Aksakov's Memoirs of the Martinists: The Meeting of two Discourses]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 10–24. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_1_10. EDN: CXMHXY
7. Kovyreshina, S. V., Ugryumov, V. E. (2023) *Mnimiy i podlinnyy patriotizm vo «Vstreche s martinistami» S. T. Aksakova* [The Imaginary and genuine patriotism in S. T. Aksakov's "Meeting with the Martinists"]. *Aktual'ny'e problemy' obshchestva, e'konomiki i prava v kontekste global'ny'x vyizovov. Sbornik materialov XXV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Current problems of society, economy and law in the context of global challenges. Collection of materials of the XXV International scientific and practical conference]. St. Petersburg. Pp. 154–159. (In Russian). EDN: QSGMIL
8. Komarov, V. D. (1986) *E'kologiya cheloveka kak nauchnaya teoriya* [Human ecology as a scientific theory]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
9. Kuchurin, V. V. (2009) *Masonskie simvoly lozhi Umirayushchego sfinksa: opyt interpretacii* [Masonic symbols of the lodge of the Dying Sphinx: experience of interpretation]. *Trudy gosudarstvennogo muzeya istorii religii – Proceedings of the State Museum of the History of Religion*. No. 9. Pp. 141–148. (In Russian). EDN: FKWMPU
10. Lobanov, M. P. (1987) *Sergej Timofeevich Aksakov* [Sergey Timofeevich Aksakov]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian).
11. Mann, Yu. V. (1990) *Aksakov Sergey Timofeevich* [Aksakov Sergey Timofeevich]. *Russkie pisateli: biograficheskij slovar'* [Russian writers: Biographical Dictionary]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
12. Mann, Yu. V. (1992) *Sem'ya Aksakovykh* [The Aksakov family]. Moscow: Detskaya literatura Publ. (In Russian).

13. Mashinskij, S. I. (1973) S. T. Aksakov: zhizn' i tvorchestvo [S. T. Aksakov: Life and Work]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).

14. Minakov, I. P. (2022) Sociokul'turnaya situaciya v sovremennoj Rossii i aktualizaciya problemy formirovaniya duhovnoj lichnosti [The socio-cultural situation in modern Russia and the actualization of the problem of the formation of a spiritual personality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke – Context and reflection: philosophy about the world and man*. No. 2A. Pp. 285–298. (In Russian). DOI: 10.34670/AR.2022.79.31.036. EDN: FCLDPF

15. Muratova, R. T. (2018) Genezis, razvitie i leksicheskaya semantika czvetooboznacheniya ky'zy'l 'krasny'j v bashkirskom yazy'ke [The Genesis, development and lexical semantics of color terms yyl 'red' in the Bashkir language]. *Vestnik Kalmy'czkogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 11. No. 5 (39). Pp. 120–131. (In Russian). EDN: YSNOTR

16. Ugryumov, V. E. (2021) Obraz russkogo masonstva v vospominaniyah S. T. Aksakova «Vstrecha s martinistami» [Russian Russian Freemasonry in the memoirs of S. T. Aksakov "Meeting with the Martinists"]. *Nacional'nyj stil' russkoj literaturnoj klassiki. Materialy VI Mezhvuzovskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoj konferencii* [National style of Russian literary classics. Proceedings of the VI Interuniversity with international participation scientific and practical conference]. Moscow. Pp. 118–124. (In Russian). EDN: FYRMED

Об авторах

Ковыршина Светлана Викторовна, доцент, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказания, кандидат философских наук, доцент (г. Новокузнецк, Российская Федерация); e-mail: kov.s.v@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7989-5107

Угрюмов Владимир Евгеньевич, доцент, Новосибирский государственный технический университет, кандидат филологических наук (г. Новосибирск, Российская Федерация); e-mail: v.u7@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-5455-7109

About the Authors

Svetlana Kovyrshina, Associate Professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, PhD in Philosophy (Novokusnetzk, Russian Federation); e-mail: kov.s.v@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7989-5107

Vladimir Ugryumov, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University, PhD in Philology (Novosibirsk, Russian Federation); e-mail: v.u7@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-5455-7109

дата получения: 21.01.2025 г.
дата принятия: 28.02.2025 г.
дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 21 January 2025
date of acceptance: 28 February 2025
date of publication: 27 March 2025

А. В. Громова

Рассказ И. А. Новикова «Пчелы причастницы» в контексте литературной и фольклорной традиции

Рассказ Ивана Новикова «Пчелы-причастницы» (1908) рассмотрен в фольклорном, литературном и религиозном контексте. Выявлены мотивы, перекликающиеся с народной и литературной традицией. Установлено, что центральный мотив испытания веры, раскрытый в нескольких аспектах, встречается в произведениях писателей XIX в. и религиозных текстах, которые могли послужить источниками для рассказа Новикова. Так, буквальное понимание религиозной заповеди встречается в повести Лескова «Гора» (будучи заимствованным из древнерусского Пролога), кощунственное поругание причастия – в статье Достоевского «Влас». Образ пчелы как чистого божественного создания характерен для народных представлений. Покаяние грешника перед иконой Божией Матери соотносится с образом Богородицы Нечаянная Радость и присутствует в сочинении Дмитрия Ростовского «Руно орошенное». Обратившись к распространенным в литературе и фольклоре мотивам, Новиков дает им неореалистическую трактовку в духе идей Серебряного века и утверждает не столько ортодоксальные христианские ценности, сколько «религию земли» и «живой жизни».

Ключевые слова: русская литература, Серебряный век, литературная традиция, неореализм, мотив кощунства, мотив испытания веры, символика пчелы.

Благодарности: автор выражает благодарность Российскому государственному архиву литературы и искусства и лично директору О. А. Шашковой за предоставленную возможность ознакомиться с рукописями И. А. Новикова и дополнения к содержанию исследования, А. М. Грачевой, Т. С. Карпачевой и И. Е. Мелентевой за ценные советы.

Для цитирования: Громова А. В. Рассказ И. А. Новикова «Пчелы причастницы» в литературном, фольклорном и религиозном контексте // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 36–50. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_36. EDN: WUXAYJ

Иван Новиков (1877–1959) – русский советский писатель, начавший свой творческий путь на рубеже веков сразу под двумя ведущими влияниями эпохи: реализма и символизма, что обусловило его принадлежность к «новому реализму» Серебряного века. После революции он входил в правление Союза советских писателей, был членом Пушкинской и Тургеневской комиссий, занимался переводами, писал исследования, посвя-

щенные Пушкину, Чехову, Толстому, «Слову о полку Игореве». Из его наследия наиболее известной остается художественно-документальная диалогия «Пушкин в изгнании», а ранние произведения только начинают переиздаваться и изучаться.

Большую роль в изучении и популяризации творчества Новикова сыграли работы литературоведов Я. В. Волкова [2], А. М. Грачевой [3–4], М. В. Михайловой – автора единственной на сегодня монографии о творчестве писателя [16], а также сотрудников Мценской центральной городской библиотеки, поддержавших переиздание произведений писателя, подготовивших его библиографию [11], организовавших содержательные конференции [12; 22]. Несмотря на оживление интереса к Новикову, научный анализ его наследия еще не осуществлен в полной мере, многие рукописи не опубликованы, не определено место писателя в литературном процессе своего времени. Для восполнения данных пробелов актуальным представляется многоаспектное изучение отдельных произведений.

Материалы и методы

В данной статье объектом анализа является рассказ «Пчелы причастницы». Он был написан в 1908 г. и опубликован в журнале «Золотое руно»¹, затем включен в авторский сборник 1912 г..² После революции Новиков не включал этот рассказ в свои сборники, вероятно, из-за мистико-религиозного содержания, актуального для культуры Серебряного века, но противоречившего советской реальности. Рассказ был переиздан профессором М. В. Михайловой лишь в 2004 г. [17, с. 266–280], автограф хранится в РГАЛИ.

В этом произведении автор рисует образ грешника и размышляет о сущности религиозной веры и ее альтернативных формах, в том числе проводя характерную для Серебряного века мысль о величии «живой жизни» и «религии земли». В рассказе присутствуют образы и мотивы, отсылающие к разнообразным литературным и фольклорным претекстам, а поиск и интерпретация этих отсылок позволяет глубже понять авторский замысел и включить произведение Новикова в обширный историко-культурный контекст.

¹ Золотое руно. 1908. № 10. С. 38–45.

² Новиков И. Рассказы: (1905–1912 г.). М.: Кн-во писателей, 1912. С. 9–19.

В статье рассказ «Пчелы причастницы» рассматривается в сопоставлении с литературными, народнопоэтическими и религиозными источниками, в числе которых: повесть-притча Н. С. Лескова «Гора», статья Ф. М. Достоевского «Влас» из «Дневника писателя», древнерусский «Пролог», «Руно Орошенное» свт. Димитрия Ростовского, «Грешников спасение» афонского монаха Агапия Ланда, народные представления и приметы, зафиксированные в этнолингвистическом словаре «Славянские древности»; также упоминаются повесть Л. Н. Толстого «Отец Сергей» и «Рассказ отца Алексея» И. С. Тургенева.

В качестве методов применяются мотивный, контекстуальный и мифопоэтический анализ.

Результаты

Основная тема рассказа «Пчелы причастницы» – искушения пасечника Семена. Изучение творческой истории произведения показывает, что образ центрального героя менялся, но незначительно [6]. В первоначальном наброске он немолодой вдовец, живущий с семьей брата, «односельчане Семена привыкли к нему и обходились с ним запросто», «семья была зажиточная и особых недостатков не терпела. Но Семен думал какую-то свою постоянную хмурую думу, и кажется под старость лет почувствовал он какую-то скрытую страсть к металлу, к деньгам»¹. В окончательном тексте Семен стал бобылем, акцентировалось его одиночество среди людей, которые считали его колдуном, жадность объяснена изначальной бедностью: «Был он беден, угрюм, молчалив и очень завистлив в душе к чужому достатку; не раз по ночам он обдумывал различные планы, из тех, что боятся света дня» [17, с. 267]. Перед нами тип «великого грешника», на что указывает и его внешность (огромный и черный, «как будто нарисованный углем»), и данное людьми прозвание «Черная Кровь».

Сначала Семен отчаянно борется с соблазнами и даже мечтает о «евангельском подвиге» [17, с. 269]. Страсть к деньгам и зависть стали для него первым искушением. Семен услышал в церкви слова: «И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя» [17, с. 267], – и отрубил себе

¹ РГАЛИ. Ф. 343, оп. 4, № 293. Л. 12.

руку. Во время пребывания в больнице Семена ждало другое искушение – страсть к отвергнувшей его фельдшерице Анне Васильевне. Любовь не прошла и через несколько лет, когда Семен отправился к фельдшерице с такими мыслями: «Если бы Бог мне сказал: “позабудь ее”, – я бы скорее Бога оставил, но ее не забыл. Если бы дьявол пришел и сказал, искушая: “вот тебе мир и богатства вселенной, оставь эту девушку” – я ее не оставил бы» [17, с. 270]. Узнав, что Анна Васильевна замужем, Семен окончательно утратил веру: «Теперь знал уже твердо, что Бога нет ни на земле, ни на небе» [17, с. 271].

После любовной неудачи Семен «весь ушел в своих пчел, в свою корысть, в лютую жадность» [17, с. 271], но на пчел напал мор, и тогда он послушал совета прохожего старца, научившего положить в улей церковное причастие. Так Семена настигает очередное искушение, он хочет задать «свой последний вопрос небесам»: принеся во рту святое причастие, не отнести его на пасеку, а кощунственно выплюнуть на пол: «Пусть гром и молния сойдут с небес и поглотят отступника, пусть погибнет он, но Господь проявит в мире Себя. А если не так, <...> то просто раздавят домашние в праздничной супотолоке этот малый кусочек просфоры, над которой читали молитвы, и тем разрешится все и навеки» [17, с. 274].

В данном произведении просматриваются мотивы, восходящие как к фольклорно-мифологическим представлениям, так и к предшествующей литературной традиции.

Мотив буквального толкования религиозных заповедей («И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя») встречается, например, в повести-притче Лескова «Гора: Египетская повесть (по древним преданиям)». Данное произведение было впервые опубликовано в журнале «Живописное обозрение» в 1890 г. (№№ 1–12) с цензурными изменениями, восстановленными писателем в X томе собрания сочинений. В библиотеке Новикова имелось собрание сочинений Лескова издания А. Ф. Маркса 1902–1903 гг. (36 томов приложения к «Ниве»). Неизвестно, обращался ли Новиков к тексту повести в 1908 г., но, как пишет Л. Г. Солодухина, более поздние издания Лескова из библиотеки Новикова хранят множество карандашных помет, что свидетельствует о его повышенном внимании к творчеству писателя-земляка [21, с. 111].

В основу повести Лескова положен сюжет древнерусского Пролога – сборника кратких житий святых, патериковых легенд и назидательных рассказов, расположенных по месяцам и дням года. Пролог сложился в X–XI вв. в Византии и вскоре был переведен на славянские языки. С XII в. в него включали русские жития святых, местные сказания и легенды, апокрифические повести. М. Г. Уртминцева отмечает, что в публицистическом и художественном творчестве Лескова «проложные сюжеты занимали важное место» [23, с. 9].

Сюжет Пролога от 7 октября повествует о торжестве христианской веры над языческой: истинный христианин злотокузнец, лишивший себя глаза, чуть было не соблазнившего его на грех, молитвой спасает единоверцев [19, с. 213–216]. В повести Лескова «Гора» Зенона-художника пытается соблазнить красавица Нефора. Увидев его стойкость в вере, Нефора сама обращается в христианство, и многие единоверцы оказываются спасены благодаря молитве Зенона. Лесков вводит в повествование отсутствующий в сюжете Пролога образ жреца Пеоха, который придумывает, как направить против христиан слово их Бога: сила веры может заставить гору «тронуться с места и броситься в воду» [15, с. 333]. Таким образом, буквальное понимание евангельских истин приписывается идеологу язычества. Христианам в итоге удается сдвинуть гору, но их союзником выступает природа, чем доказывается сила искренней веры и соборной молитвы в противовес начетническому буквализму их врагов. На горе, во время разразившейся грозы, Зенон объясняет Нефоре высший смысл христианства как путь «ко всеобщему счастью», для которого надо верить – то есть «сдвинуть в жизни что тяжелее и крепче горы» [15, с. 381]. «В кульминации повести Лесков представляет его как обладателя нравственной силы, соизмеримой с энергией божественного. Такая интерпретация проложного сюжета, несомненно, не может восходить к житийной традиции» [23, с. 12].

Сходный мотив борьбы с греховным искушением присутствует также в повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей», которая создавалась в 1890–1898 годах. Но она не могла стать источником рассказа Новикова, так как была опубликована только в 1911 г.¹

¹ Толстой Л. Н. Посмертные художественные произведения / под ред. В. Г. Черткова. М., 1911. Т. 2. С. 3–48.

Другой значимый в рассказе Новикова мотив – кощунственного выплевывания причастия – соотносится со статьей «Влас» из «Дневника писателя» Достоевского за 1873 г.¹

В этой статье, ссылаясь на рассказ старца-«советодателя», к которому идут «с раздавленной отчаянием душой» [10, с. 33], автор сообщает историю деревенского парня, который вступил в спор с другими парнями, «кто кого дерзостнее сделает» [10, с. 34]. По наущению своего товарища он сохранил во рту причастие, а затем выстрелил по нему из ружья: «Я поднял руку и наметился. И вот только бы выстрелить, вдруг предо мною как есть крест, а на нем Распятый. Тут я и упал с ружьем в бесчувствии» [10, с. 34]. Это происшествие привело парня к покаянию и желанию искупить свой грех.

Комментаторы указывают на фольклорный источник сюжета, связанный с охотничьими приметами. По народному поверью, святотатственная стрельба в причастие или в крест имеет магическое значение: она помогает охотнику стрелять без промаха [14, с. 397]. Это поверье, услышанное в Харьковской губернии, приведено, например, в книге фольклориста Н. Ф. Сумцова, изданной в 1890 г.²

Центральный герой рассказа Новикова – пасечник, который в народных представлениях воспринимался как «знающий» наряду с охотником, пастухом, мельником, кузнецом. «Становление охотника, во многом аналогичное превращению в колдуна, в поверьях представляет собой акт отречения от христианской веры и кощунственного поругания святынь» [14, с. 600].

В центре статьи Достоевского – два народных характера, один из которых становится искушаемым и хочет «дерзнуть», другой – искусителем, которого автор называет «Мефистофелем»³. У Новикова в роли искусителя выступает не вызывающий доверия прохожий старичок.

Достоевский из отдельного описанного случая делает обобщающие выводы о русском национальном характере,

¹ В собрание сочинений впервые включено в издании: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 14 т. СПб., 1883. Т. X. С. 34–45.

² Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. Киев, 1890. С. 392. Заметим, что Новиков с 1901 по 1908 гг. проживал в Киеве, интересовался славянским фольклором и мог ознакомиться с этим изданием.

³ Достоевский в качестве литературного предшественника «русского Мефистофеля» упоминает кузнеца Еремку в комедии Островского «Не так живи, как хочется». Комментаторы считают, что Достоевский мог учитывать и более раннее литературное воплощение образа «деревенских нигилистов», «переступающих черту» грешников из повести А. А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание» (1831) [10, с. 398]. Сходный сюжетный мотив осквернения причастия использован И. С. Тургеневым в «Рассказе отца Алексея» (1877).

которому свойственны стремление к страданию и саморазрушению, потребность «заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее как ошалелому вниз головой» [10, с. 35], страсть к отрицанию «всей народной святыни» [10, с. 35], стремительно сменяющаяся покаянием и самоспасением. Писателя в этой истории поразила «возможность таких мрачных и сложных ощущений в душе простолюдина», возросшая «почти до сознательной идеи» [10, с. 38]. Почвенник Достоевский видит в подобных «Власах» потенциал русской народной жизни, противостоящий интеллигенции и утверждающий окончание «петровского периода русской истории» [10, с. 41].

На рубеже веков простолюдин стал полноправным героем литературы, а исследование народной души и самосознания – одной из ведущих тем прозы. Новиков включается в этот процесс, хотя поэтика произведения отстоит от привычного реалистического канона с его психологизмом, и на первый план выходит символика и мифопоэтика. В концепциях Достоевского и Новикова можно увидеть и сходство, и различия. Близость обусловлена почвеннической ориентацией писателей, художественно воплощенной в образе земли. Но Достоевский был убежден, что русский человек носит в сердце Христа, у Новикова на первый план выдвигается женственное начало, воплощенное в образе Богоматери.

Кошунственно выплунутое на пол причастие в рассказе Новикова остается нетронутым, а Семену Григорьевичу является видение золотого огонька, спустившегося от иконы Божией Матери и поднявшего с пола святыне Дары. Голос Богоматери вопрошает: «Веришь ли ты, неверный, теперь?», а Младенец протягивает ручку с кровавой ранкой: «И коснулся губами Семен этой Божественной ручки, и приобщился вновь» [17, с. 279].

Данный эпизод повторяет сюжет о грешнике, воплощенный на иконе Божьей Матери «Нечаянная радость» и восходящий к книге Димитрия Ростовского «Руно орошенное». Этот сборник – описание чудес, произошедших при образе Божией Матери в черниговском Свято-Ильинском монастыре в XVII веке. Поскольку каждому чуду от иконы предшествовало ее слезотечение, то святитель Димитрий сравнил их с Божественной росой, которая по молитве праведного

судии Гедеона окропила руно в ветхозаветной книге Судей (Суд. 6–8). В Прилоге к последнему чуду «Роса воскресения» изложен сюжет о некоем «многогрешном человеке», который хотел помолиться образу Пресвятой Богородицы, «собираясь на скверное беззаконие», но увидел, что у Младенца открылись язвы и кровоточат, как на Кресте. Человек в страхе закричал: «О, Госпожа, кто это сотворил?», а Богородица ответила: «Ты и прочие грешники снова распинаете Сына Моего». Грешник просит Владычицу умолить о нем Своего Сына, Богородица трижды обращается к Христу с просьбой помиловать грешника, но Сын трижды отказывается, пока Мать не изъявляет намерение припасть к Его ногам вместе с грешником. Тогда Сын отвечает: «Да будет, как хочешь: ныне прощаются грехи ему Тебя ради. В знамение же прощения пусть лобызает язвы Мои». Коснувшись устами Пречистых язв, грешник начал рыдать и молиться, потому что «видел в ужасном видении благодать Господню, грехи прощающую. И с тех пор исправил он свою жизнь» [20].

Семен в рассказе Новикова слышит голос, неведомо откуда идущий: «Кто в муках неверен был, того верным поставлю над верными, ибо неверен был – в муках» [17, с. 279]. Молясь в слезах, он понимает, что святые Дары остались невредимы под защитой образа Божией Матери. Понимая, что он недостойн причастия, Семен понес их на пасеку, чтобы передать «тварям невинным и чистым», которые вознесут их к небу «в безгрешном сиянии воска» [17, с. 279].

Семен ложится меж ульев в ожидании смерти. И хотя «темные врата преисподней, раскрытые настежь, всю ночь ожидали его, оскорбившего Бога человеческим своим испытанием» [17, с. 280], утром «одна из причастниц спустилась тихо к устам и ужалила мягко мятежные губы черного человека» [17, с. 280]. Пчелы причащают Семена и помогают обрести покой: утром его нашли «с лицом просветленным и тихим и вместо осинового кола воздвигли на могиле его белый березовый крест. И не одна свеча с его пасеки горела чистой, безгрешной молитвою Небу, ибо дано ему было приобщить и природу божественным тайнам Христа» [17, с. 280].

Может показаться, что автор приводит своего героя к христианскому покаянию, но это не совсем так: в основе произ-

ведения лежит другая концепция, определяемая как пантеизм или характерная для Серебряного века «религия земли» [7]. Сквозь повествование проходит идея целостности и самодостаточности природной жизни: «Земля пела, цвела, любила, грустила, и не знала природа в первобытной мудрости своей ни единого томительного противоречия» [17, с. 278], «Природа ждала, как и он, но она не колебалась, не сомневалась совсем» [17, с. 276], и только Семен не чувствует единения с ней: «Бог, разлитый вокруг, не касался его одиноко покинутой в мире души. Был этот огромный и угрюмый человек в тот момент, как черная, окостеневшая заноза, инородное тело в живом и слитном организме природы» [17, с. 273].

Последнее причастие Семен принимает не от священника в церкви, а от пчел. Как отметила М. В. Михайлова, в творчестве Новикова сложилась авторская символика пчел, меда и медовых сот [16, с. 218]. Образ пчелы у писателя наделен мифопоэтической семантикой, восходящей к народным представлениям, которые были восприняты писателем с детства (Новиков вырос в деревне и с ранних лет помогал отцу в саду и на пасеке, а впоследствии окончил Московский сельскохозяйственный институт и служил агрономом [18, с. 27–44]).

В словарях символов выявляется не менее двенадцати значений слова-символа «пчела»: мед, солнце, молния и огонь, душа, верховный бог, смерть и бессмертие, воскресение, любовь, брак, плодородие, в христианстве – труд, порядок и послушание [24, с. 163]. В славянских народных представлениях пчела относилась к полезным и почитаемым насекомым, поскольку она производит мед и воск, в том числе для церковных свечей, «ее воспринимали как чистую, божью тварь, называли божьей угодницей (рус.) <...> Согласно восточнославянским дуалистическим этиологическим легендам, П. обязаны Богу самим своим происхождением, в отличие от шмелей, шершней или ос, которых сотворил дьявол, соперничавший с Богом» [8, с. 366]. Пчела также наделяется женской и богородичной символикой.

Образ пасечника амбивалентен: с одной стороны, пчеловодство имеет «сакральный характер, сближающий его со знахарством и колдовством» [8, с. 369] (односельчане считают Семена колдуном), с другой стороны, почитается как богоугодное занятие. Приношение Семеном святых Даров

пчелам не противоречит народной обрядности: для успешного разведения пчел использовались освященные в церкви предметы: пчел кропили святой водой, окуривали церковной свечой, клали в улей воск пасхальной свечи и т. п. [8, с. 371].

Даже с точки зрения официальной церкви ритуал не представлялся кощунственным. Так, в книге афонского инок Агапия Ланда «Грешников спасение» в главе «Некоторые чудеса Тела Господня» приводится история одной женщины, у которой на пасеке стали гибнуть пчелы. «Она причастилась, выпила Непорочную Кровь, а Божественное Тело удержала в устах и поместила в улей» [5, с. 193]. Через несколько дней заглянув в улей, она увидела, что пчелы построили из воска храм. Она сообщила об этом архиерею, тот «взял храм, как он был, и сохранил его в церкви. Так многие язычники поверили во Христа, пораженные этим прекрасным сооружением бессловесных тварей» [5, с. 193].

Книгу Агапия Ланда можно считать одним из возможных источников рассказа Новикова. Этот афонский монах XVII века был автором множества книг, в том числе книги «Земледелие» (которая могла заинтересовать Новикова как агронома). В книге «Грешников спасение» содержится целый ряд сюжетов, отразившихся в творчестве Новикова: например, глава о девице, вырвавшей глаза ради сохранения девства (перекликающаяся с повестью Лескова «Гора»), «О чаде, преданном матерью при зачатии бесу» (соотносится с сюжетом сказки Новикова «Юда-разбойник»), и, наконец, притча о пчелах, спасенных от мора святым причастием.

По справедливому замечанию М. В. Михайловой, в рассказе «Пчелы причастницы» Новиков разрабатывает новые возможности духовной прозы: «Но, помимо религиозного наполнения, в этом произведении можно уловить и иной смысл: природа откликается на заботу человека о себе, она не безразлична к его усилиям. И то, что с церковной точки зрения расценивается как глубочайший, несомненный грех, может обернуться благом в другой системе ценностей» [17, с. 9].

Эта другая система ценностей отражает процессы мировоззренческого синтеза, характерного для неореализма, заявившего о себе в русской литературе на рубеже XIX–XX веков. Современные исследователи дают ему различные интерпре-

тации, сходясь на том, что это течение сложилось на стыке реализма и модернизма [1, 9, 13]. Новый реализм преодолел отвлеченные символистские теории с их пренебрежением к земному миру, реабилитировав «землю» и «живую жизнь», утверждая «пантеистическое» родство с природой, «ощущение причастности к единству мирового бытия во времени и пространстве» [13, с. 283–284].

Обсуждение и выводы

Иван Новиков в рассказе 1908 года разрабатывает мотивы, неоднократно встречавшиеся в светской и религиозной литературе предшествовавшего периода, в частности, мотив искушений. Под искушениями Новиков понимает не примитивные человеческие соблазны (жадность, зависть, плотскую страсть), а испытание веры, поиски доказательств бытия божия, что оказывается оборотной стороной неверия. Следствием становится буквальное понимание заповедей (отсечение руки или иное членовредительство ради избежания соблазна) и кощунственное осквернение святынь (выплевывание причастия и другие действия по отношению к Святым Дарам).

Выявленные мотивные переклички с произведениями Лескова, Достоевского, Толстого, а также духовной литературой свидетельствуют о глубокой укорененности Новикова в отечественной культурной традиции. Однако наполнение мотивов у писателя иное, поскольку они вбирают представления, характерные для культуры Серебряного века, в частности, «пантеистическое» обожествление природы, земли с ее изначальной целостностью, гармонией и мудростью. Данные идеи выражены, в частности, через образ пчел, соотносимый с народными представлениями.

Мифопоэтический и контекстный анализ одного произведения Новикова позволяет уточнить позицию писателя на данном этапе его творческого развития, отношение к традиции и место в литературном процессе своего времени.

Перспективным представляется дальнейшее расширение контекста новиковского рассказа и рассмотрение его в сопоставлении с произведениями Серебряного века, включающими сходные образы и мотивы (Л. Н. Андреева, И. Ф. Анненского, Ф. К. Сологуба, А. М. Ремизова, С. А. Есенина и др.).

Список литературы

1. Абишева У. К. Неореализм в русской литературе 1900–1910-х годов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – 286 с. EDN: HVKGXR
2. Волков Я. В. Светлый талант: очерк о писателе И. А. Новикове. – Орел: Орлов. кн. изд-во, 1961. – 64 с.
3. Грачева А. М. Новиков Иван Алексеевич // Русские писатели: биографический словарь. 1800–1917 / гл. ред. П. П. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – Т. 4. М–П. – С. 338–341.
4. Грачева А. М. Традиции Л. Н. Толстого в творчестве И. А. Новикова («Между двух зорь») // Русская литература. – 1988. – № 2. – С. 198–206.
5. Грешников Спасение / сост. общедоступ. речью Агапием, иноком Критским, подвизавшимся на святой горе Афон (1641 г.); [пер. с греч. А. Маркова]. – Единец: Единецко-Бричанская епархия, 2003. – 496 с.
6. Громова А. В. Рассказ И. А. Новикова «Пчелы-причастницы»: творческая история, проблематика, мифопоэтика // Творческое наследие И. А. Новикова в XXI веке. Материалы всерос. науч. конф., посвященной 145-летию со дня рождения И. А. Новикова / ред., авт. предисл. А. М. Грачева. – Мценск: [Картуш]; Центр. гор. б-ка им. И. А. Новикова, 2022. – С. 13–21.
7. Громова А. В. Заглавный образ в повести И. А. Новикова «Возлюбленная – Земля» в свете неореалистической эстетики // Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума: сб. трудов к 90-летию Т. Я. Гринфельд-Зингурс. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорokinа, 2017 (Серия «Слово и текст в контексте культуры». Вып. 1). – С. 54–62. EDN: ZFWJCL
8. Гура А. В. Пчела. Пчеловодство // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 369–372.
9. Давыдова Т. Т. Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция (Е. Замятин, И. Шмелев, М. Пришвин, А. Платонов, М. Булгаков и др.). – М.: Флинта; Наука, 2005. – 336 с. EDN: QRNRZV
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – Т. 21. – 551 с.
11. И. А. Новиков. Библиографический указатель. [сост. О. А. Приймак]. – Мценск: Центр. гор. б-ка им. И. А. Новикова, 2018. – 264 с.
12. И. А. Новиков в кругу писателей-современников: сб. науч. ст. [Ред. Л. В. Дмитриухина]. – Орел; Мценск: Орловская областная тип. Труд, 2003. – 263 с.
13. Келдыш В. А. Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. – Кн. 1. – С. 259–335.
14. Левкиевская Е. Е. Охотник // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 599–604.
15. Лесков Н. С. Собр. соч. В 11 т. – М.: Гослитиздат, 1958. – Т. 8. – 634 с.
16. Михайлова М. В. И. А. Новиков: грани творчества. – Орел: Издат. дом Орлик; Изд. Александр Воробьев, 2007. – 232 с.
17. Новиков И. А. Золотые кресты: роман, повести и рассказы / авт. предисл. М. В. Михайлова. – Мценск: Мценская центр. гор. б-ка им. И. А. Новикова, 2004. – 444 с.
18. Новиков И. А. Автобиография // Новиков И. А. Собр. соч. В 4 т. – М.: Художественная литература, 1966. – Т. 1. – С. 27–44.
19. Пролог. Избранные тексты. Слово о кузнеце, иже молитвою сотвори воздвигнутися горе и вверещися в Нил реку // Державина О. А. Древняя Русь в русской литературе XIX века. – М.: АН СССР, 1990. – С. 213–216.
20. Руно Орошенное: Беседы и поучения, сост. свт. Димитрием Ростовским. – СПб.: Мирь: Шпиль, 2003. – 232 с.
21. Солодухина Л. Г. Книги писателей-орловцев в библиотеке И. А. Новикова // Орловский текст российской словесности. Творчество И. А. Новикова. – Мценск: Мценская центр. гор. б-ка им. И. А. Новикова, 2013. – С. 107–111.

22. Творчество И. А. Новикова в контексте русской литературы XX века. Материалы всерос. науч. конф. к 130-летию со дня рождения И. А. Новикова / ред. О. В. Вологина. – Мценск: Центр. б-ка им. И. А. Новикова, 2007. – 144 с.

23. Уртминцева М. Г. Древнерусский Пролог в художественном сознании Н. С. Лескова // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2013. – № 3. – С. 7–13. EDN: REVDNB

24. Якушевич И. В. Семантико-семиотическая модель слова-символа «пчела» // Филологический сборник: в честь юбилея профессора Л. И. Осиповой. – М.: МГПУ, 2015. – С. 161–172. EDN: XGNUJN

Alla Gromova

I. A. Novikov's Short Story "The Bees of Communion" in the Context of Literary and Folklore Tradition

Ivan Novikov's short story *The Bees of Communion* (1908) is considered in the folklore, literary and religious context. The author reveals motifs that echo folk and literary traditions. It is established that the central motif of testing faith, revealed in several aspects, is found in the works of 19th century writers and religious texts that could have served as sources for Novikov's short story. For example, a literal understanding of the religious commandment is found in Leskov's story *The Mountain* (borrowed from the Old Russian Prologue), and a blasphemous desecration of communion is found in Dostoevsky's article *Vlas*. The image of a bee as a pure, divine creature is characteristic of folk beliefs. The repentance of a sinner before the icon of the Mother of God is associated with the image of the Mother of God Unexpected Joy and is present in the work of Dmitry Rostovsky *The Dewy Fleece*. Turning to motifs common in literature and folklore, Novikov gives them a neorealistic interpretation according to the ideas of the Silver Age and asserts not so much orthodox Christian values as the "religion of the earth" and "living life".

Key words: Russian literature, Silver Age, literary tradition, neorealism, blasphemy motif, faith test motif, bee symbolism.

Acknowledgments: The author expresses gratitude to the Russian State Archive of Literature and Art and personally to the director O. A. Shashkova for the opportunity to read the manuscripts of I. A. Novikov and the additions to the content of the study, to A. M. Grachev, T. S. Karpachev and I. E. Melentyev for valuable advice, as well as to the reviewers of the article.

For citation: Gromova, A. V. (2025) Rasskaz I. A. Novikova «Pchely` prichastnicy» v literaturnom, folklornom i religioznom kontekste [I. A. Novikov's Short Story "The Bees of Communion" in a Literary, Folklore and Religious Context]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 36–50. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_1_36. EDN: WUXAYJ

References

1. Abisheva, U. K. (2005) *Neorealizm v russkoj literature 1900–1910-h godov* [Neorealism in Russian Literature of 1900–1910s]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian). EDN: HVGXRX

2. Volkov, Ja. V. (1961) *Svetlyj talant: ocherk o pisatele I. A. Novikove* [Bright talent. Essays about the writer I. A. Novikov]. Orel: Orlov. kn. izd-vo. (In Russian).

3. Grachjova, A. M. (1999) Novikov Ivan Alekseevich [Novikov Ivan Alekseevich]. *Russkie pisateli: biogr. slov.1800–1917*. gl. red. P. P. Nikolaev [Russian Writers: biographical dictionary. 1800–1917. P. P. Nikolaev (ed.)]. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija Publ. Vol. 4. Pp. 338–341. (In Russian).

4. Grachjova, A. M. (1988) Tradicii L. N. Tolstogo v tvorchestve I. A. Novikova («Mezhdu dvuh zor») [L. N. Tolstoy's traditions in the works of I. A. Novikov («Between two dawns»)]. *Russkaja literatura – Russian Literature*. No. 2. Pp. 198–206. (In Russian).

5. Greshnikov *Spasenie. Sostavleno obshhedostupnoj rech'ju Agapiem, inokom Kritskim, podvizavshimsja na svjatoj gore Afon (1641 g.)* (2003) [Salvation of Sinners. Compiled by simplified language by Agapius, a monk of Crete, who lived on the holy Mount Athos (1641)]. Edinec: Edinecko-Brichanskaja eparhija. (In Russian).

6. Gromova, A. V. (2022) *Rasskaz I. A. Novikova «Pcholy-prichastnicy»: tvorcheskaja istorija, problematika, mifopojetika* [I. A. Novikov's short story «The Bees of Communion»: creative history, problems, mythopoetics]. *Tvorcheskoe nasledie I. A. Novikova v XXI veke. Materialy vseros. nauch. konf., posvyashchen. 145-letiju so dnya rozhdeniya I. A. Novikova* [I. A. Novikov's creative legacy in the 21st century. Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 145th anniversary of the birth of I. A. Novikov. Mcensk: [Kartush]; Centr. gor. b-ka im. I. A. Novikova. Pp. 13–21. (In Russian).

7. Gromova, A. V. (2017) *Zaglavnyj obraz v povesti I. A. Novikova «Vozljublennaja – Zemlja» v svete neorealistscheskoj jestetiki* [The title image in I. A. Novikov's story «Beloved – Earth» in the light of neorealist aesthetics]. *Chelovek v srede obitaniya: prostranstvo prirody, prostranstvo sociuma* [Man in his habitat: the space of nature, the space of society. Collection of works for the 90th anniversary of T. Ya. Grinfeld-Zingurs]. Serija «Slovo i tekst v kontekste kul'tury». Vyp. 1. [Series "Word and Text in the Context of Culture". Issue 1]. Syktyvkar: Syktyvkar State University Pitirima Sorokina Publ. Pp. 54–62. (In Russian). EDN: ZFWJCL

8. Gura, A. V. (2009) *Pchela. Pchelovodstvo* [Bee. Beekeeping]. *Slavjanskije drevnosti* [N. I. Tolstoy (ed.) Slavic Antiquities]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. Vol. 4. Pp. 369–372. (In Russian).

9. Davydova, T. T. (2005) *Russkij neorealizm: ideologija, pojetika, tvorcheskaja jevoljucija* (E. Zamjatin, I. Shmelev, M. Prishvin, A. Platonov, M. Bulgakov i dr.) [Russian Neorealism: Ideology, Poetics, Creative Evolution (E. Zamjatin, I. Shmelyov, M. Prishvin, A. Platonov, M. Bulgakov etc.)]. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russian). EDN: QRNRZV

10. Dostoevskij, F. M. (1980) *Polnoe sobranie sochinenij*. 1–30 vols. [Collected works. 1–30 vols.] Bazanov V. G. (ed.) Vol. 21. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

11. Priimak, O. A. (comp.) (2018) *I. A. Novikov. Bibliograficheskij ukazatel'* [I. A. Novikov. Bibliographic index]. Mcensk: Centr. gor. b-ka im. I. A. Novikova. (In Russian).

12. Dmitrijuhina, L. V. (ed.) (2003) *I. A. Novikov v krugu pisatelej-sovremennikov* [Novikov in the circle of contemporary writers]. Orjol; Mcensk: Orlovskaja oblastnaja tip. Trud. (In Russian).

13. Keldysh, V. A. (2001) *Realizm i neorealizm* [Realism and neorealism]. *Russkaja literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-h godov)* [Russian literature at the turn of the century (1890s – early 1920s)]. Moscow: IMLI RAN, Nasledie Publ. Vol. 1. Pp. 259–335. (In Russian).

14. Levkieskaja, E. E. (2004) *Ohotnik* [Hunter]. *Slavjanskije drevnosti* [N. I. Tolstoy (ed.) Slavic Antiquities]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 3. Pp. 599–604. (In Russian).

15. Leskov, N. S. (1958) *Sobranie sochinenij*. 1–11 vols. [Collected works. 1–11 vols.] Vol. 8. Moscow: Goslitizdat Publ. (In Russian).

16. Mihajlova, M. V. (2007) *I. A. Novikov: grani tvorchestva* [I. A. Novikov: facets of creativity]. Orel: Izdat. dom Orlik; Izd. Aleksandr Vorob'jov. (In Russian).

17. Novikov, I. A. (2004) *Zolotyje kresty: roman, povesti i rasskazy* [Golden crosses: novel, stories and short stories] Avt. predisl. M. V. Mihajlova. Mcensk: Mcenskaja centr. gor. b-ka im. I. A. Novikova. (In Russian).

18. Novikov, I. A. (1966) *Avtobiografija* [Autobiography]. *Sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ. Pp. 27–44. (In Russian).

19. Derzhavina, O. A. (1990) (ed.) *Prolog. Izbrannye teksty Slovo o kuznece, izhe molitvoju sotvori vozdvignutisja gore i vovreshhisja v Nil reku* [Prologue. Selected texts. The word about the blacksmith who by prayer made a mountain rise up and fall into the Nile River]. *Drevnaja Rus' v russkoj literature XIX veka* [Drevnyaya Rus' v russkoj literature XIX veka]. Moscow: AN SSSR Publ. Pp. 213–216. (In Russian).

20. Rostovskij, D. (2003) *Runo Oroshennoe. Besedy i poucheniya* [Dewy Fleece. Conversations and Teachings]. St. Petersburg: Mir: Shpil' Publ. (In Russian).

21. Soloduhina, L. G. (2013) *Knigi pisatelej-orlovcev v biblioteke I. A. Novikova* [Books by Oryol writers in the I. A. Novikov's library]. *Orlovskij tekst rossijskoj slovesnosti. Tvorchestvo I. A. Novikova* [Orlovskij tekst rossijskoj slovesnosti. Tvorchestvo I. A. Novikova]. Mcensk: Mcenskaja centr. gor. b-ka im. I. A. Novikova. Pp. 107–111. (In Russian).

22. Vologina, O. V. (2007) (ed.) *Tvorchestvo I. A. Novikova v kontekste russkoj literatury XX veka* [The works of I. A. Novikov in the context of Russian literature of the 20th century]. *Materialy vseros. nauch. konf. k 130-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Novikova* [Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 130th anniversary of I. A. Novikov's birth. Mcensk: Centr. b-ka im. I. A. Novikova. (In Russian).

23. Urtminceva, M. G. (2013) *Drevnerusskij Prolog v hudozhestvennom soznanii N. S. Leskova* [Old Russian Prologue in the Artistic Consciousness of N. S. Leskov]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 7–13. (In Russian). EDN: REVDBN

24. Jakushevich, I. V. (2015) *Semantiko-semioticheskaja model' slova-simvola «pchela»* [Semantic-semiotic model of the word-symbol "bee"]. *Filologicheskij sbornik: v chest' jubileja professora L. I. Osipovoj* [Philological collection: in honor of the anniversary of professor L. I. Osipova]. Moscow: Moscow City University Publ. Pp. 161–172. (In Russian). EDN: XGNUJN

Об авторе

Громова Алла Витальевна, профессор, Московский городской педагогический университет, доктор филологических наук, профессор (Москва, Российская Федерация); e-mail: gromovaav@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-8420-7567

About the Author

Alla Gromova, Professor, Moscow City University, Doctor of Philology, full professor (Russian Federation, Moscow); e-mail: gromovaav@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-8420-7567

дата получения: 12.01.2025 г.
дата принятия: 28.02.2025 г.
дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 12 January 2025
date of acceptance: 28 February 2025
date of publication: 27 March 2025

В. В. Высоцкая

Словесный импрессионизм как прием в романе М. Булгакова «Белая гвардия»

Эффект изменения значения слова под воздействием окружения в художественном тексте подобен тому, как это происходит в живописи, когда цвет принимает иной оттенок в соседстве с другими цветами. Принцип цветовой индукции, заключающийся в изменении характеристик цвета под влиянием соседних красок, наиболее ярко проявился в технике импрессионизма. Аналогичное явление наблюдается в словесном поле, где сопутствующие слову элементы, ближние и дальние, меняют его окраску. В обоих случаях смысл каждого элемента определяется тем, как он сосуществует со своим окружением. Изменение значения слова под влиянием среды можно определить как «словесный импрессионизм» по аналогии с художественным течением в живописи. Такой метод мы наблюдаем в художественной стилистике М. Булгакова, когда контекстное словесное окружение меняет окраску слова. Цель настоящего исследования – анализ художественного приема «словесного импрессионизма» в романе «Белая гвардия». Основным методом исследования является семантический анализ лексических единиц зрительного модуса с учетом их контекстуального окружения.

Ключевые слова: словесный импрессионизм, М. Булгаков, роман «Белая гвардия», языковая среда, перцептивная лексика, субъективность восприятия.

Для цитирования: Высоцкая В. В. Словесный импрессионизм как прием в романе М. Булгакова «Белая гвардия» // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 51–61. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_51. EDN: XGUXKT

Известно, что любой видимый человеком цвет относителен, поскольку расположенные рядом цвета оказывают влияние друг на друга. По этой причине какой-либо цвет, добавленный в палитру, преобразует все соседние цвета и сам принимает иной оттенок под их воздействием, так что в этой сложной конструкции каждая переменная влияет на другую. Такое же явление наблюдается в художественном тексте, где значение слова меняется под влиянием среды.

Восприятие цвета, света, звука, запаха играет очень важную роль в процессе общего восприятия мира человеческим сознанием. Перцептивные характеристики приобретают и в реальности, а особенно в искусстве и литературе, ассоциативные связи с теми объектами, которые наделены определенным цветом, звуком, формой, запахом. В этом случае перцептивный компонент приобретает семантическую нагрузку, часто символизируется. В современной филологии изучение перцептивной и эмотивной лексики осуществляется на основе обращения к художественному тексту. Область художественной перцепции писателей активно изучается в лингвокультурологии, стилистике и при анализе художественных средств определенного художественного стиля или языка конкретного писателя. В булгаковедении достаточно активно изучается художественная цвето-, свето- и звукопись в текстах писателя, а также эмотивная лексика эмоциональной сферы как в диссертационных работах¹, так и в отдельных исследованиях (см.: [1–2; 5–6; 8–9] и др.). Очевидно, что одной из категорий поэтики Булгакова, передающей настроение и состояние героев являются перцептивные образы и символы.

Материалы и методы

Изменение цвета под влиянием соседних красок используется в технике импрессионистов, открывших новый метод, благодаря которому можно было легко вводить одну краску в зону другой. При этом краски не теряли своей силы, но, соседствуя, взаимно обогащали колорит. Эффект изменения значения слова под воздействием окружения в художественном тексте подобен тому, как это происходит в живописи, когда цвет принимает иной оттенок в соседстве с другими цветами. Такой метод мы наблюдаем в художественной стилистике Булгакова, когда контекстное словесное окружение меняет окраску слова.

Цель настоящего исследования – анализ художественного приема «словесного импрессионизма» М. Булгакова в романе «Белая гвардия».

¹ Юшкина Е. А. Поэтика цвета и света в прозе М. А. Булгакова: дис. ... канд филол. наук. Волгоград, 2008. 223 с.; Лысоиваненко Е. Г. Система и семантика цветообозначений в прозе М. А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 206 с.

Основным методом исследования является семантический анализ лексических единиц зрительного модуса с учетом их контекстуального окружения.

Результаты

В тексте романа «Белая гвардия» цвет, характеризующий человека или предметы и представляющий собой обычную цветовую характеристику, может принимать позитивный или негативный оттенок. Так, белый цвет есть символ чистоты (снег девственным пластом лежал на крышах), но в цитате Николка, измазанный снегом слово измазанный имеет значение «загрязненный, испачканный» и создает представление об утрате чистоты, хотя белый цвет снега сохраняется. В то же время, белый цвет на фоне черного становится еще белее: Очистилось место **совершенно** белое с одним только пятном – брошенной чьей-то шапкой.

Из соединения черного и белого образуется серый цвет. Этот цвет, расположенный между двумя активными цветами, сам по себе есть, по словам Кандинского, «безнадежная неподвижность» [3, с. 84], но принимает разные оттенки рядом с другим цветом, так что зрительное восприятие серого цвета меняется в зависимости от среды. В тексте романа это свойство выражено словесно. В предложении *Вылезли черные и серые, похожие на злых комаров, пулеметы* серый цвет приближается к черному и становится более угрожающим, что подчеркнуто сравнением со злыми комарами. И наоборот, на фоне белого серый цвет делается светлым и прозрачным: *Генерал побледнел серенькой бледностью*. Слово *серенький* в виде диминутива обозначает неполноту признака, а поскольку серый цвет по своей природе неяркий, то диминутив в сочетании с двойным показателем бледности высветляет серый цвет. Определение *серенький* в том же качестве ослабления признака используется в описании затухающего дня, а наречие *серенько* служит показателем угасающего света (*серенькая зимняя даль; серенько сквозь стекло лился последний жиденький светик*). Более заметным серый цвет становится в сочетании с голубым (серо-голубая завеса в церкви, серо-голубая кокарда Тальберга, серо-голубые френчи немцев), но чаще в тексте демонстрируется свойство серого

затушевывать цвет и делать изображение расплывчатым, что позволяет человеку остаться незамеченным: На черной безлюдной улице волчья оборванная серая фигура беззвучно слезла с ветви акации <...>. Пружинно прыгнув в сугроб, фигура ушла вверх по улице, а далее провалилась волчьей походкой в переулках, и метель, темнота, сугробы свели ее и замели все следы. В данном описании, как и в ряде других эпизодов романа, серому цвету сопутствует черный и белый цвета, сочетание которых и дает лишенный жизни серый цвет.

Изменение цвета под влиянием соседних красок используется в технике импрессионистов, открывших новый метод, который «позволял им легко вводить одну краску в зону другой, не ослабляя и не теряя силы этой краски и обогащая таким образом колорит», и это «привело их также к подчинению локального цвета, как абстрактного понятия, воздействию атмосферы» [7, с. 228].

Такой же эффект наблюдается в словесном поле, где окружение меняет окраску слова. В частности, определение *пыльный*, ассоциативно связанное с серым цветом, имеет целый спектр значений в зависимости от того, в какой среде оно находится.

Обычно пыльные предметы в доме создают ощущение запущенности. В романе больной Русаков смотрит в пыльное зеркало (*Обнаженное до пояса худое тело отражалось в пыльном трюмо*), и в описание общей ситуации включаются холод, страх в глазах, дрожащие руки и черное безотрадное окно. Такое же ощущение безнадзорности создает пыльное зеркало в салоне Анжу: *Он подошел к зеркалу в простенке, затянутому слоем пыли, как тафтой*. Зеркало покрыто толстым слоем пыли, это означает, что салон долгое время не выполнял своей прежней функции, для которой зеркало было непременным атрибутом и содержалось в чистоте. В описываемое время в салоне находится штаб, и помещение заполнено людьми, так что в новых обстоятельствах пыль – не показатель запустения, а знак запущенности.

В романе представлены два описания гимназии, разделенные временем, где слово *пыль* создает совершенно разную атмосферу. В изображении гимназии, которое относится к декабрю 1918 года, слово *пыльный* включено в следующую картину: *Зазвенело в ушах, в патронных ящиках, в мрачных стеклах,*

в головах, и какие-то забытые пыльные стаканы на покатых подоконниках тряслись и звякали. Здесь в одном предложении сосредоточены разные признаки заброшенности: стаканы определены как какие-то и забытые, и это свидетельствует о том, что они стоят уже долгое время, и никто их не убирает. Стаканы находятся на покатом подоконнике и при этом трясутся, то есть находятся в положении неустойчивости, которое может привести к их падению. Общую атмосферу характеризуют сочетания: мрачные стекла, взорвало весь цейхгауз, пушечное эхо, пустая каменная коробка, ревела и выла, страшный марш.

В другом описании, а именно в воспоминаниях Турбина, душная пыль в классах гимназии, несмотря на определение душная, сопровождает позитивные чувства, так как окружение формируют слова: родная гимназия, кирпичный покой, растил и учил. Такие же позитивные эмоции возникают в связи со словом пыль в описании квартиры Турбиных, где пыль соседствует с уютом и говорит об обжитом пространстве: Все семь **пыльных и полных** комнат, вырастивших молодых Турбиных, все это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабея, цепляясь за руку Елены плачущей, молвила: – Дружно живите; Виною траура, виною разнобоя на жизненных часах всех лиц, крепко привязанных к **пыльному и старому турбинскому уюту**, был тонкий ртутный столбик.

Пыльные и полные комнаты, старый устоявшийся уют в доме и память о родителях поддерживают семью в самое трудное время несмотря на болезнь Турбина и смерть матери.

Другой вид памяти присутствует в описании бывших чиновников: *отставные чиновники с пыльными следами кокард*. В данной характеристике подчеркнут мотив потери, поскольку утрата статуса (*отставные*) отмечена тем, что от кокарды остался только пыльный след, в то же время это след неуничтожаемый, напоминающий о прежнем образе жизни. Такой же неуничтожаемый след оставили сорванные с шинели погоны, что позволило дворнику угадать в Николке юнкера: Держи, держи. Юнкерей держи. Погон скинул, думаешь, сволота, не узнают? Держи!

С образом жизни Турбиных связано также определение *тесный*. В обычном употреблении *тесный* имеет значения: недостаточный по пространству, близко прилегающий, стесняющий

движения, узкий, затруднительный. Именно в этом значении однокоренное существительное «теснота» используется в «Московских сценах» Булгакова: *Через секунду в кабинете с грохотом рухнул таз, и я слышал, как черный, падая, ударился головой об велосипедную цепь. – Вот видите, товарищи, – зловеще сказал хозяин, – я предупреждал: чертова теснота.* (Ср. также у Достоевского в романе «Униженные и оскорбленные»: *Я заметил, что в тесной квартире даже и мыслям тесно.*)

В доме Турбиных теснота не вызывает ощущения узости, поскольку неразрывно связана с уютом и теплом родных и привычных вещей. В маленьком кабинете Алексея с белыми занавесками, книгами и лекарствами на полках Бедно и тесновато, но уютно. Такое же любовное отношение вызывает маленькая столовая: *У ног его на скамеечке Николка с вихром вытянул ноги почти до буфета – столовая маленькая.* В описании болезни Алексея наречие тесно принимает два значения, одно из них прямое и имеет в виду тесноту наполнения, другое переносное и обозначает близость связи, настолько тесной, что названа кровной: *Делать Турбиным и тем, кто был с Турбиными тесно и кровно связан, было нечего. Там и так стало тесно от трех мужчин.* На фоне такой заполненности пустая квартира кажется большой и пугающей: *Елена одна ходила по опустевшей гостиной от пианино <...> к двери в кабинет Алексея. Лицо у нее было несчастное.*

В обстановке непредсказуемых перемен особенно значение приобретает желание стабильности и покоя. Слово покой употребляется в романе в следующих значениях: отсутствие движения и шума (*В природе был полный покой*); отсутствие сильных эмоций, хотя в романе это не констатация состояния, а пожелание врача Турбину (*Полный покой...*) и Турбина Русакову (*Вам необходим покой*); спокойное физическое и душевное состояние, и здесь понятие покоя соединяется с очагом (*в очаге покоя Юлия*); пожелание или оценка, осуществляемые в диалоге (*Оставьте меня в покое; Он покоя ищет*).

Покой необходимо охранять: *башни, тревоги и оружие человек воздвиг, сам того не зная, для одной лишь цели – охранять человеческий покой и очаг.* Но в описываемое время в городе нет покоя: *Ни днем, ни ночью нет покоя; что касается покоя, <...> здесь в Городе, пожалуй, вы его не найдете.*

При этом внешние события настолько угрожающие, что могут нарушить покой даже убитого Най-Турса: Гроб какого-то неизвестного в углу закрыли крышкой, и тяжелый, неприятный и страшный чужой покойник-сосед не смущал покоя Ная.

В условиях войны покой соединяется со смертью – реальной или потенциальной (Ты, прежде чем в квартиру бы влез, получил бы пулю в живот. Вот и покойничек), а в связи со Шполянским речь идет об имитации смерти: сверкнули <...> глаза, до странности похожие на глаза покойного Шполянского.

В характеристике гимназии слово «покой» сочетается с негативными определениями, поэтому теряет свои прямые признаки и приобретает зловещий смысл: Черные окна являли полнейший и угрюмейший покой. С первого взгляда становилось понятно, что это покой мертвых.

Как видим, в романе состояние покоя выступает как желательное, но недостижимое положение. Во время междоусобных браней покой соединяется с гибелью в виде определения «мертвый» и деривата «покойник», и даже в природе покой противопоставляется внутреннему смятению персонажа: В природе был полный покой, но Николке было не до покоя.

Из вышеизложенного следует, что смысл любого слова становится функцией ситуации, и в тексте окружение слова выделяет одно из значений и даже может поменять значение на противоположное. В частном случае сочетания прилагательного (или причастия) с существительным осуществляется взаимное влияние: определение характеризует предмет, а значение существительного оказывает обратное влияние на трактовку определения. Так в сочетаниях веселые девушки и веселый пулемет слово «веселый» во втором случае получает прямо противоположное толкование по сравнению с первым, поскольку слово «пулемет» отбрасывает тень на слово «веселый» и придает ему негативное содержание. Такое же явление наблюдается в сочетаниях веселые румяные землячки-курсистки, румяный толстый юнкер, румян бабьим румянцем, румяный странненьким румянцем, где румянность как показатель молодости и здоровья усиливают определения веселые и толстый, но румянность теряет положительную коннотацию после уточнений бабьим и странненьким. В двух последних конструкциях повтор румян румянцем должен был бы усилить качество румяности, однако

в данных сочетаниях тавтология создает ощущение словесного излишества, а кроме того, соединяется с негативными определениями, усиливая отрицательную оценку.

В пределах текста определения, характеризующие какой-либо персонаж, по-разному трактуются в зависимости от уже сложившегося отношения читателя к персонажу. Так, сочетание с определением «румяный» по отношению к бандиту (*румяный гигант*) не воспринимается как позитивное, хотя слово «гигант» по прямому значению всего лишь характеризует человека могучего телосложения и высокого роста.

В описании Тальберга используются глаголы «блестеть» и «сиять» (*два значка сияют ровно; блестел в странной гетманской форме*), но параллельно возникают оценки автора и Турбина (*мерзавец, генерального штаба карьерист*), так что внешнее великолепие обесценивается, тускнеет и теряет блеск. Наружному блеску Тальберга противопоставлена вытертая георгиевская ленточка на плохой солдатской шинели Най-Турса, где слова «потертая» и «плохая» приобретают позитивные коннотации и создают положительный образ офицера, выполнившего свой долг.

Постоянный эпитет Елены – золотая, отражающий внутренние и внешние качества героини, остается с ней на протяжении всего романа и неизменно соединяется с ней даже там, где это определение отсутствует в тексте. В романе данная характеристика становится аналогом имени собственного, функционирование которого имеет в тексте свои особенности. По словам Лукина, имя собственное в конце текста «приближается к условному знаку, и к тому же во многих случаях мотивированному. Его мотивировка и коннотации – в предшествующем пространстве текста» [4, с. 46–47].

Желтый цвет в качестве упрощенного золотого упоминается в описаниях Ванды Лисович (*желтые волосы, желтые ключицы*), а совместно с другими качествами (*кривой стан, костлявые локти, сухие ноги*) создает неприглядный образ, особенно контрастирующий с видением Явдохы с ее царственной екатерининской шеей, белыми сверкающими зубами и общим ощущением сияния.

В результате цвет, который вводит характеристику отдельного персонажа, одновременно организует цветовые связи между

персонажами по сходству или противопоставлению. Той же цели служат другие характеристики, взаимное сочетание которых определяет не только действующее лицо, но весь эпизод в его связях с другими эпизодами. Элементы, окружающие слово, создают определенную семантическую ауру, в результате окраска, оценка и даже значение слова может меняться в зависимости от словесного окружения, непосредственного и контекстного. В тех случаях, когда первоначально создается обычное для данного слова представление, оно может быть усилено или опровергнуто последующим словом, причем, на восприятие влияет не только соседство слов, но их очередность, поскольку вектор влияния действует в обе стороны.

Эффект изменения значения слова под воздействием окружения в художественном тексте подобен тому, как это происходит в живописи, когда цвет принимает иной оттенок в соседстве с другими красками. В живописи создание цельной художественной композиции, по словам Кандинского, создается двумя средствами – формой и красками, при этом «форма может существовать самостоятельно, как изображение предмета (реального и нереального) или как чисто абстрактное ограничение пространства плоскости». В создании же общего впечатления участвует, наряду с отграничением, соседство других цветов, меняющих субъективную характеристику» [3, с. 50].

Обсуждение и выводы

Таким образом, можно провести аналогию между формой, которая в технике живописи имеет целью выделить материальный предмет на плоскости, и словом, которое, называя предмет или явление, выделяет его в словесном пространстве и отграничивает от других, являясь самостоятельной, отдельной единицей языка. В то же время слово соседствует с другими словами, как изображаемый словом объект соседствует с другими объектами в физическом пространстве, а поскольку свойства объектов меняются в зависимости от их взаимного распределения в пространстве, также и их изображение – словесное или живописное – меняется в зависимости от окружения, при этом количество красок и форм бесконечно, как бесконечно число комбинаций в словесном поле.

Список литературы

1. Дождикова Н. А. Свет и тьма в художественном мире М. Булгакова // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 1 (34). – С. 33–37.
2. Герасименко И. А. Средства вербализации цветовой картины мира (на материале произведения М. Булгакова «Белая гвардия») // Русистика. Журнал Российского университета дружбы народов. – 2015. – № 2. – С. 30–36.
3. Кандинский В. В. Точка и линия на плоскости. О духовном в искусстве. – М., 2019. – 352 с.
4. Лукин В. А. Художественный текст. – М., 2005. – 559 с.
5. Лысоиваненко Е. Г. Приемы актуализации значений колоративов в прозе М. А. Булгакова // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2018. – № 2 (22). – С. 70–76.
6. Петров В. Б. Цветопись в романистике Михаила Булгакова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 2000. – Вып. 9. – С. 348–355.
7. Ревалд Дж. История импрессионизма. – М.-Л., 1959. – 455 с.
8. Чун Ен Хо. Цветосветовые мотивы и их значение в произведениях М. А. Булгакова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2015. – № 1 (31). – С. 210–214.
9. Юшкина Е. А. Поэтика цвета в творчестве М. А. Булгакова // Известия Волгоградского университета. – 2007. – № 5 (23). – С. 131–134.

Valentina Vysotskaya

Verbal Impressionism as a Technique (Based on Bulgakov's Novel *The White Guard*)

The effect of changing the meaning of a word under the influence of the environment in a fiction text is similar to how it happens in painting, when a color takes on a different shade in the vicinity of other colors. The principle of color induction, which consists in changing the characteristics of a color under the influence of neighboring paints, is most clearly manifested in the technique of impressionism, a similar phenomenon is observed in the verbal field, where the elements accompanying the word, near and far, change its color. In both cases, the meaning of each element is determined by how it coexists with its environment. Changing the meaning of a word under the influence of the environment can be defined as "verbal impressionism", by analogy with the artistic movement in painting. We observe such a method in the artistic style of Bulgakov, when the contextual verbal environment changes the coloring of the word. The purpose of this study is to analyze the artistic technique of "verbal impressionism" by Bulgakov in the novel *The White Guard*. The main method of the study is the semantic analysis of lexical units of the visual mode, taking into account their contextual environment.

Key words: verbal impressionism, M. Bulgakov, novel "The White Guard", language environment, coloring of meaning, subjectivity of perception.

For citation: Vysotskaya, V. V. (2025) Slovesnyj impresionizm kak priem v romane M. Bulgakova «Belaya gvardiya» [Verbal Impressionism as a Technique (Based on Bulgakov's Novel *The White Guard*)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 51–61. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_1_51. EDN: XGUXKT

References

1. Dozhdikova, N. A. (2021) Svet i t'ma v hudozhestvennom mire M. Bulgakova [Light and Darkness in the Artistic World of M. Bulgakov]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes of Novgorod State University*. No. 1 (34). Pp. 33–37. (In Russian).
2. Gerasimenko, I. A. (2015) Sredstva verbalizatsii cvetovoy kartiny mira (na materiale proizvedeniya M. Bulgakova «Belaya gvardiya») [Means of Verbalization of the Color Picture of the World (based on M. Bulgakov's Work "The White Guard")]. *Rusistika. Zhurnal Rossijskogo universiteta druzhby narodov* [Russian Studies. Journal of Peoples' Friendship University of Russia]. No. 2. Pp. 30–36. (In Russian).
3. Kandinskij, V. V. (2019) Tochka i liniya na ploskosti. O duhovnom v iskusstve [Point and Line on a Plane. On the Spiritual in Art]. Moscow. (In Russian).
4. Lukin, V. A. (2005) Hudozhestvennyj tekst [Fiction Text]. Moscow. (In Russian).
5. Lysoivanenko, E. G. (2018) Priemy aktualizatsii znachenij kolorativov v proze M. A. Bulgakova [Techniques for Actualizing the Meanings of Colors in M. A. Bulgakov's Prose]. *Uchenye zapiski nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki – Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics*. No. 2 (22). Pp. 70–76. (In Russian).
6. Petrov, V. B. (2000) Cvetopis' v romanistike Mihaila Bulgakova [Color Painting in Mikhail Bulgakov's Romance]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture]. Moscow; Magnitogorsk. Issue 9. Pp. 348–355. (In Russian).
7. Revald, Dzh. (1959) Istoriya impressionizma [History of Impressionism]. Moscow; Leningrad. (In Russian).
8. Chun, En Ho (2015) Cvetosvetovye motivy i ih znachenie v proizvedeniyah M. A. Bulgakova [Color and Light Motifs and Their Meaning in the Works of M. A. Bulgakov]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva – Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*. No. 1 (31). Pp. 210–214. (In Russian).
9. Yushkina, E. A. (2007) Poetika cveta v tvorchestve M. A. Bulgakova [Poetics of color in the works of M. A. Bulgakov]. *Izvestiya Volgogradskogo universiteta – Bulletin of the Volgograd University*. No. 5 (23). Pp. 131–134. (In Russian).

Об авторе

Высоцкая Валентина Васильевна, старший преподаватель, Университет Российской академии образования, кандидат физико-математических наук (Москва, Российская Федерация); e-mail: Valentinavv@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0000-3738-2901

About the Author

Valentina Vysotskaya, Senior Lecturer, University of the Russian Academy of Education, PhD in Physics and Mathematics (Moscow, Russian Federation); e-mail: Valentinavv@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0000-3738-2901

дата получения: 16.01.2025 г.
дата принятия: 30.01.2025 г.
дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 16 January 2025
date of acceptance: 30 January 2025
date of publication: 27 March 2025

А. В. Давыдова

Орнитоморфные образы как элемент художественной картины мира в произведениях северного текста русской литературы для детей

В статье впервые определяется значение орнитоморфных образов в художественной картине мира произведений о Севере для детей. Задачи исследования – изучение смысловых и поэтических характеристик образов птиц, определение их взаимосвязей с другими элементами художественного мира северного текста русской литературы для детей, представление опыта типологии орнитоморфных образов на основе анализа текстов Г. П. Аксенова, Н. П. Аурова, С. К. Безбородова, В. П. Бороздина, О. С. Бундура и других авторов. В исследовании применяются элементы методов хронопоэтического, мотивного, мифопоэтического, системно-семантического анализа, что отвечает самобытной природе локального сверткста. Установлено, что орнитоморфные образы птиц часто имеют в произведениях мифопоэтическую природу, которая тесно связана не только с архетипической основой, но и с определенным пространством. В рассмотренном корпусе текстов по геопоэтическому принципу выделяются образы птиц, связанные с пространством леса, тундрой, озерами, птичьими базами на арктических островах и водной стихией – морем и рекой. Орнитоморфные образы актуализируют мотивы богатства, биоразнообразия и красоты природы Севера.

Ключевые слова: северный текст, детская литература, орнитоморфные образы, художественная картина мира.

Для цитирования: Давыдова А. В. Орнитоморфные образы как элемент художественной картины мира в произведениях северного текста русской литературы для детей // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 62–83. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_62. EDN: SUOKCG

В последние годы актуальным для отечественной филологической науки является изучение локальных сверткстов. Современные исследователи, опираясь на труды Н. П. Анциферова, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Н. Е. Меднис и других, обращаются к различным аспектам этой проблемы. С одной стороны, ученых интересуют общие закономерности моделирования сверткстов и их сущность. Так, А. Г. Лошаков в статье «Сверткст: проблема целостности, принци-

пы моделирования» дает такое определение феномена: «...ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных словесных текстов, которые в лингвокультурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного, интегративного, диссипативного словесно-концептуального образования. Сверхтекст, таким образом, может квалифицироваться как составляющая ахронического лингвокультурного пространства, национальной текстовой концептосферы» [16, с. 102]. Размышления исследователя высоко оценены в статье С. О. Курьянова, Н. П. Ивановой и В. В. Курьяновой «Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловой сверхтекст», где авторы поднимают вопросы о «разграничении понятий ассоциативно-смыслового сверхтекста и текстового единства», предлагают типологию ассоциативно-смысловых сверхтекстов «по типу референта» [12, с. 125].

Среди общетеоретических исследований особо выделяются те, что касаются специфики функционирования локальных сверхтекстов, их места в историко-культурном процессе. И. О. Приходченко рассматривает провинциальный текст как особую разновидность локального текста. Думается, справедливы мысли исследовательницы о том, что локальный сверхтекст как смысловое поле образов и мотивов, «представительных для определенного локуса», имеет «центр» и «периферию» и является «потенциально открытым для пополнения» [24, с. 39]. Значимы и работы, осмысляющие локальные сверхтексты в аспекте регионалистики. Так, Л. М. Гаврилина рассматривает региональные сверхтексты «в качестве своеобразных опор национального семиозиса, которые акцентируют его важные смысловые точки, одновременно фиксируя его внешние границы» [7, с. 43]. Эту мысль подтверждают слова целого ряда других ученых, например, А. П. Люсый пишет о том, что в отечественной культуре «каждый региональный текст представляет собой не какую-то сугубо региональную точку зрения, а попытку концептуального "выворачивания" всей России через себя»¹.

¹ Люсый А. П. Крымский текст русской литературы: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 11 (760). С. 162. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krymskiy-tekst-russkoy-literatury-istoriya-i-sovremennost/viewer> (дата обращения: 01.10.24).

Другой группой научных работ являются труды, в основе которых попытки смоделировать структуру локальных свертхтекстов на основании различных критериев. Так, Л. М. Гаврилина вводит понятие архитектоники «как выражения внутреннего конструктивного единства локального свертхтекста» [6, с. 104] и рассматривает бинарный, ставший уже традиционным для понимания природы свертхтекста, принцип, «формирующий антитетическую напряженность ценностно-смыслового ядра текста» [6, с. 104]. Однако есть и другие подходы. Например, О. С. Шурупова, не отвергая бинарность, в качестве системообразующих в локальных свертхтекстах выделяет также принципы тернарности и единства¹, которые рассматривает на примерах московского и венецианского текстов. Н. Н. Старыгина предлагает выделять локальные, именные и событийные авторские тексты, формирующие соответствующие свертхтексты русской литературы [26].

Особое внимание хотелось бы обратить на диссертационное исследование А. П. Люсого «Русская литература как система локальных текстов»², который в качестве принципа выделения свертхтекстов предлагает способность того или иного региона порождать свой образ в литературе. Наряду со столичными городскими петербургским и московским текстами исследователь выделяет провинциальные и региональные и предлагает методологию создания смыслообразующих литературных карт России. Идеи А. П. Люсого развивает Д. В. Ларкович в статье «Локальные свертхтексты на литературной карте России» [13] на материале сибирского, уральского и югорского текстов. Исследователь делает попытки обоснования последнего, выделяя такие его черты, как «идеологическая вариативность и внутренняя противоречивость», обусловленные «его полиэтнической и поликультурной природой» [13, с. 40].

Среди этой группы работ отечественных ученых нам особенно интересны труды исследователей, рассматривающих свертхтексты, отражающие геопоэтику Сибири, поскольку зачастую художественное осмысление этого пространства имеет

¹ Шурупова О. С. Основные принципы строения концептосферы городского текста // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 1051–1055. Электронный ресурс. URL: <https://e-koncept.ru/2016/96127.htm> (дата обращения: 06.11.2024). EDN: VVENOR

² Люсий А. П. Русская литература как система локальных текстов: дис. ... д-ра филол. наук. Вологда, 2017. 341 с.

много общего с представлениями, сложившимися в литературе о Русском Севере. Широко исследуется сибирский текст в работах Т. А. Богумил, А. С. Янушкевича, А. А. Ревякиной, В. И. Тюпы. Последний, например, не давая однозначного определения сибирскому тексту, отмечает его устойчивые мифопоэтические черты на материале классической русской литературы [27, с. 27].

Близость сибирского и северного текстов подчеркивается в науке и терминологически. Так, Ж. В. Бурцева предлагает ввести в научный оборот понятие «Северный текст литературы Якутии» [4, с. 53], «семантическим ядром которого является литература малочисленных народов Севера Якутии (юкагирская, эвенская, эвенкийская, долганская), а также та часть произведений якутских и иных авторов, в которых отражена ценностная сущность образа Севера как географического места» [4, с. 53]. Последняя часть формулировки исследовательницы не выглядит убедительной, поскольку опирается на нечетко определенные границы Крайнего Севера. Обосновывая уникальность северного текста литературы Якутии, автор подчеркивает, что «он формируется вокруг реального локуса и самодостаточного культурного мифа о Крайнем Севере в различных контекстах, который рассматривается нами как интерпретирующий культурный код, ядро сверттекста и внехудожественная реальность Северного текста» [4, с. 53]. Думается, сводить художественные представления о северном тексте только к образу Крайнего Севера было бы неверным, о чем убедительно пишет Е. Ш. Галимова, определяя границы северного текста русской литературы, особой частью которого является и арктический субтекст: «Под Русским Севером понимается прежде всего территория Архангельской и Вологодской областей, бассейны рек, текущих в Белое море <...>. Эта территория – центр гораздо более обширного пространства <...> Русский Север, северорусская историко-культурная зона – это вся обширная территория к Северу от водораздела Волга – Северная Двина до берегов Ледовитого океана и от границ с Финляндией до Уральских гор» [8, с. 22].

Труды Е. Ш. Галимовой занимают важное место в области литературоведческой науки, посвященной исследованию северного текста русской литературы. Она формулирует определение северного текста как локального сверттекста [8, с. 21].

Среди его специфических черт как определяющую исследовательница выделяет мифопоэтический характер. Подобный подход разделяет и О. В. Пospelова, которая рассматривает «емкий, амбивалентный, обладающий особой мифопоэтической символикой» [23, с. 131] образ белой ночи в произведениях М. Пришвина, В. Ремизова и Е. Замятина. Близки мысли Е. Ш. Галимовой другим исследователям. В. Н. Матонин изучает мифологические «концептуальные основы антропологии движения» в северном тексте, «основанные на идеях перехода и Преображения» [18, с. 221]. О том, что «Русский Север предстает как мифологическое пространство, в котором человек выступает как культурный герой мифа» [19, с. 420], пишет А. А. Митрофанова. К мифопоэтическому характеру образа Севера выходит при анализе топонимов и гидронимов в поэтическом северном тексте А. В. Петров [21]. «Мифологизм» как один «из пространственных аспектов» «многопланового лингвокультурного концепта “Русский Север”», соотнесенность с которым является «главным признаком» северного текста, отмечает А. Г. Лошаков [15, с. 48].

Подходы к определению структуры северного текста как регионального сверхтекста, на наш взгляд, могут быть различны. Помимо геопоэтического принципа, который предполагает выделение в структуре северного текста более частных местных субтекстов (печорского, мезенского, арктического, архангелогородского и др.), подобное разделение может проводиться и на другом основании в контексте расширенного понимания художественной природы сверхтекста. Научная новизна работы состоит в том, что мы предлагаем наряду с субтекстом для взрослых читателей выделять субтекст северного текста русской литературы, ориентированный на читателя до 18 лет. Он, на наш взгляд, будет обладать всеми формально-содержательными характеристиками «материнского» текста, а также иметь ряд специфических особенностей, связанных с читательским адресом. Художественная картина мира, складывающаяся в произведениях северного текста русской литературы для детей, требует тщательного изучения и состоит из различных образных и мотивных элементов, формирующих в итоге самобытный образ Русского Севера. Одним из таких частных

элементов является образ птицы, рассмотрение которого является целью данной работы.

Задачи статьи – выявление семантической и формально-художественной специфики орнитоморфных образов в произведениях о Севере для детей, определение их места в художественной картине мира текстов, изучение их взаимосвязи с художественным пространством произведений. Гипотеза исследования строится на предположении автора о том, что орнитоморфный код в северном тексте русской литературы для детей тесно связан с художественным пространством и помогает раскрыть в локальном свертке его особенности через систему устойчивых мотивов.

Материалы и методы

Материалом исследования являются рассказы В. П. Бороздина «Краснозобая птица» (1986), А. И. Мошковского «Ночные крики лебедей» (1959), «Ученик пастуха» (1959), И. Д. Полуянова «Певучий мостик» (1966); роман Н. П. Аурова «Под полуночным солнцем» (1936); повести Г. П. Аксенова «Бажоний» (1995), С. К. Безбородова «На краю света» (1937), О. С. Бундура «Заповедный кордон» (2017), Н. А. Вурдова «Робинзоны студеного острова» (1978), Н. К. Жернакова «Поморские ветры» (1964), Е. С. Коковина «Полярная гвоздика» (1976), Ю. И. Коринца «В белую ночь у костра» (1973), А. С. Коткина «Заповедное озеро» (1977), В. С. Пикуля «Мальчики с бантиками» (1974), М. Е. Скороходова «Дым над островом» (1965), В. Д. Федорова «Летающие к Северу» (1979), В. Г. Фролова «В двух шагах от войны» (1986).

Методология изучения северного текста русской литературы только начинает складываться в современной науке. По мнению Е. Ш. Галимовой, характеризуя региональный текст, исследователь в первую очередь должен быть сосредоточен на выявлении специфики запечатленной в нем художественной картины мира, включающей «совокупность ландшафтных характеристик, образов природы, человека, его места в мире, общие категории пространства, времени, движения, а также особый склад мышления. Отражая своеобразие менталитета населения (края, провинции, территории), она оказывается связанной, с одной стороны, с индивидуально-авторским, субъективно-личностным образом мира (возникающим в твор-

честве отдельных писателей, как уроженцев этого края, так и «осваивающих» его как «чужую» территорию), а с другой – с общенациональной картиной мира, а ее воссоздание является одной из наиболее важных задач при исследовании феномена каждого регионального сверттекста» [9, с. 6]. Художественная природа северного текста диктует системный подход к его изучению, который предполагает соединение различных видов литературоведческого анализа (хронотопического, мотивного, мифопоэтического, системно-семантического) и использование элементов геопоэтического подхода.

Результаты

Орнитоморфные образы издревле являлись важным элементом различных национальных религиозно-мифологических систем и ритуалов. Птицы в сознании человечества воспринимались как божества, герои, тотемные предки. Они устойчиво связывались с небом, солнцем, пространственным верхом, неслучайно в сознании наших предков в структуре мирового древа птицы традиционно занимали вершину. Сакральная сущность орнитоморфных образов проявлялась в связи жрецов, шаманов, ведьм с птицами, людей, «особенно близких к природе, часто обладающих магической властью над нею» [20, с. 348].

Отметим также, что В. Н. Топоров и В. В. Иванов в мифологических представлениях человечества предлагают выделять образы «реально существующих видов», «фантастических» птиц (Ворон Воронович, жар-птица и пр.) и образы «существ гибридной породы» [20, с. 346] (сфинкс, грифоны, Пегас и др.). Опираясь на эту классификацию, рассмотрим орнитоморфные образы в текстах о Севере для детей. Кроме того, для нас важно, что для мифопоэтической основы регионального сверттекста особенно значима связь животного или птицы с определенным пространством (духи-покровители лесов, полей, рек, болот и пр.). Так, в произведениях для детей о Севере образы птиц актуализируют мотив богатства и разнообразия мира северной природы и в этом контексте связываются с пространством леса, либо – тундры и ее озер, либо с птичьими базарами на арктических островах, или с водной стихией – прежде всего морем и рекой.

Образы птиц, обитающих в лесах Севера, часто встречаются в произведениях для детей и юношества и выступают как художественные детали, точно характеризующие изображаемый природный мир. Так, например, в повести Г. Аксенова «Бажонный» Василек воспринимает жизнь тайболы: «Взлетали тетерева, посвистывали рябчики, белой снежной тучей поднимались на крыло с края болота куропатки, уже поменявшие свой серый цвет на белый» [1, с. 30]. Или О. С. Бундур в «Заповедном кордоне», повествуя о заповеднике, в котором словно намеренно были собраны около пятидесяти видов различных птиц, делает это в лучших традициях природоведческой литературы для детей, точно подмечая частные уникальные черты таких птиц, как «император»¹ орлан-белохвост, гага, хищная скопа, хитрый глухарь, крохаль, чайка и др. Все они призваны составить у читателя представление о северном острове Великом как о богатом и разнообразном мире, где человек – только гость.

В сборнике рассказов И. Полуянова «Певучий мостик» доминирующими звуками мира становятся голоса птиц. Разнообразие природного космоса отражено в их самобытности, передаваемой автором часто через прием первичного звукового символизма. В рассказе «Родная земля» повествователь, наблюдая за неприметной лесной птичкой славкой-черноголовкой, за тем, как она «оделяет» своих птенцов «крупницами влажной, пряно пахнущей земли», замечает, что «будущей весной еще певучей станет этот лес – ведь вместе со старыми прилетят, принесут сюда песни и молодые славки, из материнского клюва доподлинно узнавшие вкус родной земли» [22, с. 34]. Метонимический эпитет «певучий лес» указывает на устойчивую для прозы Полуянова метафору птицы-голоса мира. Она в полной мере оправдывается и в рассказе «В краю непуганых птиц», в котором автор выходит к лирическим размышлениям о поиске «края, где не ступала нога человека», пришвинского «края непуганых птиц» [22, с. 35].

Пространство тундры также видится писателям разнообразным благодаря птичьему многоголосью. Так, например, его воспринимает героиня повести Е. С. Коковина «Полярная гвоздика»: «Островная тундра была полна птиц. Куропатки

¹ Бундур О. С. Заповедный кордон. Электронный ресурс. URL: <http://bundur.ru/category/проза/> (дата обращения: 06.11.2024).

вылетели из-под копыт оленей передней упряжки. Птичий гомон царил над маленькими озерами <...>. Маленькие пичуги стригли воздух, кружили над упряжками, взмывали в небо и там, в высоте, исчезали»¹.

Особое значение для характеристики пространства тундры в произведениях о Севере для детей имеет образ лебедя. Издревле образ этой птицы сакрализуется, связываясь с космогоническим мифом о космическом яйце, мотивами метаморфозы, превращения и преображения (царевна-лебедь и пр.) и образом солнца (лебедь как зооморфное воплощение Аполлона, например) [20, с. 40–41]. Лебедь мыслится авторами северного текста для детей как редкий и прекрасный обитатель тундровых озер. На заповедном озере в Заполярье близ сопки Хальмеркамень наблюдают за лебединым семейством, а потом спасают израненного сапсаном лебедя братья Федька и Костя и их дедушка Кирилл Петрович в повести А. Коткина «Заповедное озеро». Автопсихологический рассказчик А. Мошковского из новеллы «Ночные крики лебедей» видит символом Севера этих птиц, которых до того он встречал только в зоопарке: «Издалека донеслись гортанные крики: “Кланк, кланк!” В них явственно звенел металл... Мы плыли во тьму, а лебединые крики тревожно и победно звенели над озером. Они не нарушали тишины и величия ночи, а дополняли ее, давали ей душу и значение». Крики лебедей, покидающих Север, становятся для героя символом прощания с тундрой, «с ее застенчивой и сдержанной красотой»².

Мотив видового богатства северной природы в северном тексте русской литературы для детей устойчиво сопровождает образ птичьего базара, маркирующего, как правило, островной локус. Первый создают М. Скороходов в повести «Дым над островом», А. Миронов в книге «Остров Розовых Скал», В. Фролов в повести «В двух шагах от войны», Н. Вурдов в «Робинзонах студеного острова», С. Безбородов в повести «На краю света» и др. Характеристики птичьих базаров в произведениях северного текста для детей часто энциклопедичны, авто-

¹ Коковин Е. С. Полярная гвоздика // Мы поднимаем якоря. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1972. Электронный ресурс. URL: https://lib.ru/PRIKL/KOKOWKIN/polyarnaya_gvozdika.txt (дата обращения: 06.11.2024).

² Мошковский А. И. Ночные крики лебедей // Мошковский А. И. Твоя Антарктида. М.: Детская литература, 1974. Электронный ресурс. URL: <https://litlife.club/books/111142/read?page=55> (дата обращения: 06.11.2024).

ры обращают внимание на видовое разнообразие северных птиц (например, Н. Вурдов особенно подробно рассказывает о кайрах и чайках, на которых охотятся его герои [5, с. 31]). Кроме того, писатели часто используют гиперболы, пытаясь передать удивление своих персонажей многочисленностью птичьих гнездовий («Миллионы, не миллионы, но птиц здесь было столько, что от их беспорядочного мельканья кружилась голова <...>. Скалы были словно присыпаны солью и перцем <...>. Черное и белое, белое и черное. Птицы на воде, птицы в воздухе, птицы... птицы, птицы! Шум от непрерывного движения крыльев был похож на шум прибоя, а гвалт <...> стоял такой, что надо было кричать»¹). Для прозаиков птичий базар – плоть от плоти мира Севера, неслучайно при их описании часто используются характерные пейзажные ассоциации (например, герою В. Фролова птичий гвалт напоминает шум прибоя, а рассказчику из повести Н. Безбородова полет птиц – «шум ветра в сосновом лесу» [3, с. 449]).

Однако образы птиц в северном тексте русской литературы для детей могут решаться не только в документально-реалистическом, но и в мифопоэтическом ключе. Нередко последний вариант возникает в тексте, когда авторы стремятся передать национальные представления героев. Так, например, ненецкий мальчик Сохо, герой рассказа В. Бороздина «Краснозобая чудо-птица», как диво воспринимает редкую уже на Севере раненую красавицу-казарку, которая ищет у него, человека, защиты от напавшего на нее сапсана: «...И спинка, и хвост, и шея тоже сверху черные. А весь низ – чисто-чисто белый. День и ночь. А красная грудка – сразу восход и закат»². Описание птицы, данное автором, с одной стороны, реалистично, а с другой – коррелирует с образом птицы из космогонического мифа о создании вселенной, который существует в культуре многих коренных северных народов. Славянское миропонимание отражено в образе мифологической птицы Сирин в повести Ю. Коринца «В белую ночь у костра». Ее, душу Севера и мира, как великую тайну открывает Мише дедушка Пантелеймон: «Флейта запела высоко-высоко, и темнота

¹ Фролов В. Г. В двух шагах от войны. М.: Детская литература, 1986. 159 с. Электронный ресурс: URL: https://royallib.com/read/frolov_vadim/v_dvuh_shagah_ot_voyni.html#0 (дата обращения: 06.11.2024).

² Бороздин В. П. Большая Хета сердится. М.: Детская литература, 1986. Электронный ресурс: URL: https://royallib.com/read/borozdin_viktor/bolshaya_heta_serдится.html#61440 (дата обращения: 06.11.2024).

впереди зашевелилась, загораясь пламенем, обретая форму, и я увидел огромную птицу. Я увидел, как темным золотом осветилось ее курносое женское лицо, зашевелились полуопущенные крылья и ярко вспыхнула над головой золотая корона <...>. Птица Сирин!.. И в то же мгновение вся чаща запылала, как огромный костер <...>, ослепительной паутиной зажглись ветви деревьев, столбом искр взметнулись в красном воздухе золотистые мошки, и опять все потухло – остались черные ветви на фоне заката и высокий оранжево-белесый камень» [11, с. 88]. Сказка, которую на протяжении всего пути обещал рассказчику Север, сбылась в финале в образе древней волшебной птицы – «вешуньи», предсказывающей радость, в чудесном видении, в котором соединились все нити приключения героя. Эта тайна, что в книге обозначается одним из любимых дядиных слов – «этвас»! [11, с. 85] – «нечто», – так и остается до конца неразгаданной рассказчиком, тем не менее уже само прикосновение к ней открывает ребенку новые горизонты, в том числе в самом себе, обозначает важный этап в его судьбе, очерчивает грань, где заканчивается детство.

Элементы художественной условности в орнитоморфных образах могут быть мотивированы в северном тексте русской литературы для детей и жанровыми особенностями произведений. Подобный пример находим в повести-сказке В. Федорова «Летающие к Северу» 1973 года, где автор совместил точную научную информацию и фантастику. Остановимся на ней более подробно, поскольку это единственный известный нам художественный текст о Севере, где главными героями являются орнитоморфные персонажи.

В центре повествования – семья уток-гаг (мама Вперёдсмотрящая и ее пятеро утят: Большой Ляп, Тяп, Чап, Ябеда и Чип). Орнитоморфные герои очеловечены, каждый из них у Федорова обладает своим, непохожим на других характером. Они в тексте исполняют узнаваемые социальные роли взрослых и детей: гагачата ссорятся, играют, задают вопросы, познают мир; Вперёдсмотрящая несет ответственность за них, заботится, болезненно переживает гибель своих детей. Думается, автор так подробно показывает межличностные отношения персонажей, чтобы в трагические кульминационные моменты повествования вызвать у читателя острое сопереживание

им. Попутно автор сообщает читателю важные биологические и экологические факты о жизни гаг. То есть орнитоморфные образы создаются в повести В. Федорова по принципу соединения фантастики и реальности. Важно отметить, что первый компонент в основе своей имеет не волшебнo-фантастическую, а мифопоэтическую составляющую, которая проявляет себя не только в персонификации героев-птиц, но и в их взаимодействии с окружающим их природным миром Севера, который в тексте приобретает особые черты благодаря смещению точки видения с авторской на позицию героев-гаг.

В. Федоров географически точен. Действие произведения разворачивается на территории Кузаконского архипелага в Кандалакшском заливе Белого моря. Видимо, на одном из его островов мать-гага и построила «сухое, теплое гнездо» [28, с. 80]. Образ островного леса открывает пространственную картину мира Севера в повести. Он представлен более частным растительным кодом и традиционным для северного текста русской литературы для детей мотивом пути: пространство леса должны преодолеть птенцы, чтобы оказаться в по-настоящему своей стихии – море. Оно у В. Федорова тесно связано с комплексом устойчивых мотивов – жизни, богатства и красоты. Оно спасает гагачат, его литораль поражает богатством, биоразнообразием, дает птенцам пищу и силы для роста и жизни. Оказавшись на вершине одной из Горбатых луд, гаги у В. Федорова видят красивую морскую панораму, которая восхищает их [28, с. 145]. Слова Впередсмотрящей, резюмирующие описание, вполне отражают и авторское художественное восприятие: «На море можно смотреть очень долго, ведь оно всегда разное... и всегда красивое если не бывает страшным» [28, с. 145].

Еще один признак моря в повести – его одушевленность. Действительно, оно у В. Федорова воплощает некую живую и жизнь дающую стихию: оно «шепчет» Горбатым лудам «об успокоении» [28, с. 154]; говорит своими особыми голосами (старый Олле, брат Впередсмотрящей, который в финале ведет свою стаю на зимовку, «ловит шорохи бегущих волн и привычные с детства голоса моря, доносившиеся из глубин – низкие, глуховатые и долгие. Старый Олле верил, что это поют рыбы», море «тяжело вздыхает» [28, с. 166].

Мифопоэтический характер образа моря в повести создается также с помощью мотивов вечности и пути. Олле ощущает море как древнюю, вечную, вневременную стихию, первостихию: «Тысячи лет назад было море таким же, как застал его Олле, и через тысячи лет после него останется оно таким» [28, с. 167]. Свою жизнь и жизнь своих сородичей, а, возможно, и других существ гагун соизмеряет с вечным морем, единение с которым позволяет герою инстинктивно ощутить себя частью мудрого и вечного круговорота жизни.

Сама частная жизнь гаг тоже подчинена этому круговороту, что подчеркивает автор, вводя в текст мотив пути. Море, что типично для северного текста русской литературы для детей, становится для героев-птиц В. Федорова своеобразной дорогой (в конце июля Впередсмотрящая начинает приучать птенцов к «кочевой жизни» [28, с. 122] на море). Однако не только море для орнитоморфных героев В. Федорова становится дорогой, но и небо. Эти образы объединяют мотивы вечности и пути. Небо, как и море, Олле ощущает первостихией. Гагун в ночь перед отлетом осознает, что его время проходит, «а море и небо остались такими же, как в те далекие дни» [28, с. 166]. Только по небу героям возможно достичь далеких берегов Мурман, где «соберутся гаги со всего Белого моря и даже с Новой Земли» [28, с. 168]. Движение орнитоморфных героев циклично, оно повторяется из года в год и подчинено, по В. Федорову, не просто инстинкту, но чувству долга. Автор наделяет природу Севера сакральным разумом, который мудро выстраивает жизнь вокруг: старый Олле, «выполняя свой долг» [28, с. 167], ведет каждый год стаи на север и обратно; повинувшись священному материнскому долгу, Впередсмотрящая каждый год приносит миру птенцов, заботится о них, страдает за них... Гаги, по В. Федорову, как и другие живые существа, выполняют свою, часто не осознаваемую миссию спасения и продолжения жизни. То, что в начале повествования казалось сказкой или рассказом о жизни одной семьи северных уток, в финале оказывается притчей о жизни вообще, о долге как силе, которая заставляет живое существо идти по своему трудному пути.

Орнитоморфные образы в повести В. Федорова раскрываются и через призму художественного времени. Время действия повести – время взросления гагачат с момента появ-

ления на свет (1 глава «Рождение Чипа») до отлета на Север, с весны до осени. Автор очень точен во временных характеристиках различных этапов онтогенеза орнитоморфных героев. Для них самих важными временными этапами года являются две линьки, которые во многом определяют особенности их жизни, так как во время первой полной смены оперения птицы теряют способность летать и становятся беззащитными.

Кроме биологических критериев, связанных с жизнью орнитоморфных героев, художественное время в повести характеризуется климатической спецификой северного лета. В связи с этим особое значение приобретает образ солнца. В начале повести он связан с образом белых июньских ночей, сентябрьское солнце в финале книги, взаимодействуя в смысловом отношении с образами моря и неба, как и они, приобретает мифопоэтические характеристики: «На востоке появилась оранжевая полоска света. Она постепенно росла, ширилась, и предрассветные короткие сумерки казались лиловой шалью, наброшенной на плечи сентябрьского утра. Но вот показалось солнце из-за горизонта, совсем крохотных кусочек солнца, и неудержимый поток света, переливаясь через край горизонта, хлынул и затопил пространство над морем. В тот же миг небо блеснуло голубизной, и наступило утро» [28, с. 169]. Эта пейзажная зарисовка не только фиксирует пробуждение дня, когда гаги должны отправиться в трудный перелет на Крайний Север, но и утверждает единство мира. Ведь сам солнечный свет похож на воду («поток света», «переливаясь», «хлынул», «затопил»), которая разливается над морем; создается ощущение, что небо, рассвет и море слиты воедино. Являясь пространственно-временным элементом пейзажа, образ солнца включается в циклический мифологический хронотоп, актуализирует особенности геопозитики повести, связанные с возникающим в финале текста мотивом вечного движения жизни.

Мотивы единства мира и пути возникают в финале и в диалоге орнитоморфных героев и родной для них земли. С их стороны это просьба быть добрее «к детям» и заверение о прощении за ее жестокость, о памяти о ней. Голос северных островов, просящий прощение у птиц за «несчастья, которые были на их берегах» [28, с. 170], и желающий счастья в пути, словно примиряет автора и героев с самой жизнью, миром,

который несмотря на потери, трудности и боль, все-таки устроен прекрасно и мудро.

Среди орнитоморфных образов, связанных с гидронимами, особое место в северном тексте русской литературы для детей занимает также образ чайки. Он становится частотной художественной деталью морских и речных пейзажей в разных произведениях: в повести Н. Жернакова «Поморские ветры» («Погляжу вверх по Двине: простор!.. Чайки сумяжутся-толкнутся над водой» [10, с. 13]); в романе Н. Аурова «Под полуночным солнцем» («Когда солнце <...> задремало, <...> обессиливший ветер <...> улегся прямо на волнах; задремали и остановились облака в небе, задремали чайки на воде...» [2]) и др.

Интересно, что чайка в восприятии русских детских писателей разных поколений так или иначе соотносится с образом человека. Так, в повести В. Пикуля «Мальчики с бантиками» встречаем пример взаимосвязи внешнего и психологического пространства, созданный автором с помощью образа чайки. Писатель сопоставляет главного героя, боящегося воды, и птенцов чаек: «Савка с берега наблюдал, как птенцы чаек, едва вылупившись из яйца, уже плавали в море. Это они умели от рождения. Но зато от рождения им не дано умение летать <...>. Савка вдруг спросил себя: – А разве человек от рождения не создан для воды?»¹. Пример, поданный природой, вселяет уверенность в героя, помогает преодолеть страх.

Новые горизонты наблюдение за северными чайками открывает и перед героем повести М. Скорородова «Дым над островом» Сергеем. В пейзажной зарисовке в конце 3 главы произведения он на полярном необитаемом острове видит редких розовых чаек: «Зрелище было необычайное. Легкие, как лепестки, нежно-розовые птицы время от времени прерывали плавный бесшумный полет, стремительно падали вниз и, не касаясь воды, снова взмывали вверх. Их мягкие грудные крики удивительно гармонировали с розовым оперением и неповторимо изящными очертаниями тела <...>. Рождалось впечатление чего-то нереального <...>. Неспроста Нансен, впервые увидев розовых чаек, забыл все тяготы ледяного плена, невероятные трудности пути по бескрайним просторам океана

¹ Пикуль В. С. Мальчики с бантиками // Пикуль В. Баязет. М.: Голос, 1996. Электронный ресурс. URL: <https://militera.lib.ru/prose/russian/pikul9/index.html> (дата обращения: 10.10.2024).

и назвал себя счастливейшим человеком в мире» [25, с. 116]. В этом эпизоде возникает такое несвойственное поначалу для взгляда сурового охотника Сергея двоемирие. Это момент, который даруется лишь избранным художникам, мгновение полного слияния с миром, прикосновения к таинственной сути жизни, дар, который дается в результате большой и нелегкой внутренней работы. По сути, развязкой внутреннего сюжета (обретение героем себя-настоящего через преодоление преград) и должен считаться этот эпизод.

Кроме того, чайка в произведениях о Севере для детей зачастую связывается с образом обновления и пробуждения природы весной. Так, В. Пикуль в повести «Мальчики с бантиками» открывает 4 часть пейзажным описанием весенней Секирной горы, на которую с Мурмана прилетает первая «чайка-вестница» весны¹. Возвращение на архипелаг чаек – природный процесс, который в книге приобретает мифопоэтический подтекст, связываясь с мотивом цикличности, вечной повторяемости жизни.

Обсуждение и выводы

Орнитоморфные образы нередко привлекают внимание современных исследователей (вспомним, например, коллективную монографию «Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке», 2019). Можно назвать целый ряд работ лингвистов, в которых образ птицы рассматривается в контексте изучения различных языковых единиц и феноменов. Например, исследователей интересует место концепта «птица» в структуре функционально-семантических и ассоциативных полей (Э. В. Пугачева, «Ассоциативные поля образа птицы в поэзии А. Ахматовой», 2010). Кроме того, в лингвистическом аспекте часто рассматривается образ птицы как элемент поэтики (И. В. Янушевич, «Птицы: символ, метафора, метаморфоза», 2019) и единица номинативной языковой системы (А. В. Алексеев, «Соотношение номинации и коннотации в синхронии и диахронии (на материале названий врановых)», 2019 и пр.)

В целом ряде работ рассматривается мифопоэтическая сущность образа птицы в различных литературных и культур-

¹ Пикуль В. С. Мальчики с бантиками // Пикуль В. Баязет. М.: Голос, 1996. Электронный ресурс. URL: <https://militera.lib.ru/prose/russian/pikul9/index.html> (дата обращения: 10.10.2024).

ных контекстах. Стоит вспомнить исследования К. А. Максимо-
вича «Птица феникс в древнерусской литературе (к интерпре-
тации образа)» (1992), К. Н. Дубровиной и М. В. Кутьевой «Образ
птицы: от Библии к художественному тексту» (2009) и др.

Зачастую мифопоэтическое начало орнитоморфных обра-
зов становится ведущим при анализе художественных миров
конкретных произведений или авторских творческих систем
(К. А. Чеснокова, «Образы птиц и их символика в произведе-
ниях. М. Достоевского», 2023 и др.).

Несмотря на то, что образы птиц нередко становятся
предметом изучения в современной филологической нау-
ке, мы не обнаружили системных исследований, в которых
бы рассматривался орнитоморфный код в северном тексте
русской литературы, адресованной взрослому читателю или
читателю-ребенку. Это свидетельствует о перспективности
научного осмысления рассматриваемой в статье темы.

Таким образом, орнитоморфный код в северном тек-
сте русской литературы для детей совмещает конкретно-
исторические и мифопоэтические черты жизни природы
и человека на Севере. С одной стороны, птицы выступают как
представители чуждого мира, где являются хозяевами, как
душа природы, с другой, отношения «птица – человек» в се-
верном тексте русской литературы для детей часто выстраи-
ваются по принципу антиномии, а не антитезы, то есть авторы
указывают на связь орнитоморфного персонажа и человека,
что, возможно, объясняется в том числе и древними представ-
лениями о птице-покровителе рода, своеобразно воплощен-
ными в образной структуре произведений для детей о Севере.

В художественном сознании авторов северного текста рус-
ской литературы для детей орнитоморфные образы тесно
соотносятся с тем или иным топосом: северным лесом (те-
терев, рябчик, славка-черноголовка, дрозд, трясогузка и др.),
тундрой и ее озерами (куропатка, казарка, лебедь, сапсан
и др.), образом арктического острова с птичьими базарами
(кайра, люрик, поморник, чистик и др.) и взаимосвязанным
с ним северным морем (гага, чайка, кайра) и рекой (чайка).

Особое место в структуре художественного мира северного
текста русской литературы занимают орнитоморфные образы,
сочетающие реалистический и фантастический элементы в сво-

ей художественной природе. Они, с одной стороны, отражают национальные мифопоэтические представления и выступают как символические воплощения души Севера (образ краснозобой казарки у В. Бороздина или птицы Сирий у Ю. Коринца), а с другой – актуализируют индивидуально-авторские представления о сути жизни на Севере, о законах и закономерностях ее вечного круговорота на этой земле (В. Федоров, «Летающие к Северу»; А. Мошковский, «Ночные крики лебедей»).

Орнитоморфные образы в рассмотренном корпусе текстов не только актуализируют мотивы богатства, разнообразия и красоты мира северной природы, но и маркируют разные виды художественного пространства в северном тексте русской литературы для детей: обобщенное (тундра, полярный остров, Арктика, лес, море) и конкретное (например, окрестности Хольгеркамня в повести А. Коткова «Заповедное озеро» или Соловки в повести В. Пикуля «Мальчики с бантиками»), внешнее и психологическое, реальное и мифопоэтическое.

Список литературы

1. Аксенов Г. П. Бажонный. – Северодвинск: Северная неделя, 1995. – 98 с.
2. Ауров Н. П. Под полугодным солнцем // Избранное / сост. Л. Е. Каршина, Е. Ш. Галимова. – Архангельск: АОНБ им. Н. А. Добролюбова, Правда Севера, 2014. – С. 20–347.
3. Безбородов С. К. На краю света. – М.: Белая ворона, 2020. – 512 с.
4. Бурцева Ж. В. Формирование локального Северного текста в литературе Якутии: структура и культурным код // Новый филологический вестник. – 2021. – № 2 (57). – С. 53–66. EDN: TQLFUQ
5. Вурдов Н. А. Робинзоны студеного острова. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1978. – 106 с.
6. Гаврилина Л. М. Архитектоника локального сверхтекста культуры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2016. – № 3. – С. 104–111. EDN: XBFDON
7. Гаврилина Л. М. Локальные сверхтексты как форма осмысления регионального многообразия российской культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 2 (82). – С. 43–50. EDN: XVFKRV
8. Галимова Е. Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. – Т. 1. – С. 9–26. EDN: URWWBC
9. Галимова Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) гуманитарного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2012. – № 1. – С. 121–129. EDN: PFSBOB
10. Жернаков Н. К. Поморские ветры. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1964. – С. 7–108.
11. Коринец Ю. В белую ночь у костра. – М.: Детская литература, 1973. – 48 с.
12. Курьянов С. О., Иванова Н. П., Курьянова В. В. Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловый сверхтекст // Litera. – 2022. – № 11. – С. 124–136. EDN: QWEDLH

13. Ларкович Д. В. Локальные сверхтексты на литературной карте России // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. Вестник. XXVI Международная научно-практическая конференция. – Будапешт, 2021. – С. 63–69. EDN: IEAODH
14. Ларкович Д. В. «Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы // Вестник угроветения. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 40–52. EDN: ZIHAL
15. Лошаков А. Г. Сверхтекст и Северный текст русской литературы // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. – Т. 1. – С. 26–57. EDN: XPYUDV
16. Лошаков А. Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 66 – С. 100–109. EDN: JYUXAR
17. Люсьи А. П. Московский текст: текстологическая концепция русской культуры. – М.: Вече, Русский импульс, 2013. – 317 с.
18. Матонин В. Н. Образы «движения» и «цели» в Северном тексте русской культуры // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 6. – С. 221–223. EDN: SCVSKP
19. Митрофанова А. А. Интертекст Северного текста // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. научных статей. Серия: Поморские чтения по семиотике культуры. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2011. – С. 412–421. EDN: YLUXTH
20. Мифы народов мира / под ред. С. А. Токарева. В 2-х тт. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2. К – Я. – 719 с.
21. Петров А. В. Топонимы как выразительное средство в Северном тексте // Филологическая регионалистика. – 2010. – № 1–2 (3–4). – С. 48–53.
22. Полуянов И. Д. Певучий мостик. – М.: Детская литература, 1966. – 142 с.
23. Поспелова О. В. Образ «полуночного солнца» в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 2. – С. 131–136. EDN: YKORXV
24. Приходченко И. О. Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2023. – Т. 17. – № 1. – С. 30–42.
25. Скороходов М. Е. Дым над островом // Скороходов М. Северные робинзоны. Приключенческие повести. – Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1965. – С. 77–121.
26. Старыгина Н. Н. Система локальных сверхтекстов русской литературы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2017. – № 3–2 (95). – С. 129–136. EDN: YLQPRPT
27. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 28–35. EDN: YBSLLF
28. Федоров В. Д. Летящие к Северу. – М.: Детская литература, 1979. – С. 76–171.

Alyona Davydova

Ornithomorphic Images as an Element of the Artistic Picture of the World in the Works of the Northern Text of Russian Literature for Children

The article for the first time systematically examines ornithomorphic images in the works of the Northern text of Russian literature for children. The purpose of the work is to determine the place and significance of ornithomorphic images in the structure of the artistic picture of the world of works for children about the North. The objectives of the study are to study the semantic and poetic characteristics of bird images, determining their rela-

tionships with other elements of the artistic world of the Northern text of Russian literature for children, presentation of the experience of typology of ornithomorphic images based on the analysis of texts by G. P. Aksyonov, N. P. Aurova, S. K. Bezborodova, V. P. Borozdin, O. S. Bundura, N. A. Vurdova, N. K. Zhernakova, E.S. Kokovina, Yu. I. Korinets, A. I. Moshkovsky, I. D. Poluyanov, V. S. Pikulya, M. E. Skorokhodova, V. D. Fedorov, V. G. Frolova. The author, when analyzing samples of works functioning on the border of the Northern and children's texts, combines elements of methods of chronotopic, motivational, mythopoetic, system-semantic analysis, which meets the original nature of the local supertext. During the study, a number of conclusions were made. Ornithomorphic code occupies an important place in the artistic picture of the world of the Northern text of Russian literature for children. The images of birds often have a mythopoetic nature in their works, which is closely connected not only with the archetypal basis, but also with a certain space. In the considered corpus of texts on the geopoietic principle, one can distinguish images of birds associated with the forest space, the tundra and its lakes, bird markets on the Arctic islands and the water element – the sea and the river. In addition, ornithomorphic images actualize the motives of the wealth, biodiversity and beauty of the natural world of the North.

Key words: Northern text, children's literature, ornithomorphic images, artistic picture of the world.

For citation: Davydova, A. V. (2025) Ornitomorfnye obrazy kak element hudozhestvennoj kartiny mira v proizvedeniyah severnogo teksta russkoj literatury dlya detej [Ornithomorphic Images as an Element of the Artistic Picture of the World in the Works of the Northern Text of Russian Literature for Children]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 62–83. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_62. EDN: SUOKCG

References

1. Aksyoov, G. P. (1995) *Bazhonyj* [Bazhony]. Severodvinsk: Severnaya nedelya Publ. (In Russian).
2. Aurov, N. P. (2014) *Pod polunochnym solncem* [Under the Midnight Sun]. *Izbrannoe* [Favourites]. Arhangel'sk: AONB im. N. A. Dobrolyubova, Pravda Severa Publ. Pp. 20–347. (In Russian).
3. Bezborodov, S. K. (2020) *Na krayu sveta* [At the edge of the world]. Moscow: Belaya vorona Publ. (In Russian).
4. Burceva, ZH. V. (2021) *Formirovanie lokal'nogo Severnogo teksta v literature Yakutii: struktura i kul'turnym kod* [Formation of the local Northern text in the literature of Yakutia: structure and cultural code]. *Novyj filologicheskij vestnik – New philological bulletin*. No. 2 (57). Pp. 53–66. (In Russian). EDN: TQLFUQ
5. Vurdov, N. A. (1978) *Robinzony studynogo ostrova* [Robinsons of Cold Island]. Arhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).
6. Gavrilina, L. M. (2016) *Arhitektonika lokal'nogo sverhteksta kul'tury* [Architectonics of the local supertext of culture]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*. No. 3. Pp. 104–111. (In Russian). EDN: XBFDON
7. Gavrilina, L. M. (2018) *Lokal'nye sverhteksty kak forma osmysleniya regional'nogo mnogoobraziya rossijskoj kul'tury* [Local supertexts as a form of understanding the regional diversity of Russian culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstvo – Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. No. 2 (82). Pp. 43–50. (In Russian.). ENN: XVFKRV
8. Galimova, E. Sh. (2017) *Severnij tekst russkoj literatury: metodologija issledovaniya* [Northern text of Russian literature: research methodology]. *Severnij tekst kak logosnaja forma bytija Russkogo Severa* [Northern text as a logos form of being of the Russian North]. Vol. 1. Arhangel'sk: IMIDZH-PRESS Publ. Pp. 9–26. (In Russian). EDN: URWWBC
9. Galimova, E. Sh. (2012) *Specifika Severnogo teksta russkoj literatury kak lokal'nogo sverhteksta* [Specifics of the Northern text of Russian literature as a local supertext]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki – Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. No. 1. Pp. 121–129. EDN: PFSBOB

10. Zhernakov, N. K. (1964) *Pomorskie vetry* [Pomor's winds]. Arhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo. Pp. 7–108. (In Russian).
11. Korinets, Yu. I. (1973) *V beluyu noch' u kostra* [On a white night by the fire]. Moscow: Children's literature Publ. (In Russian).
12. Kur'yanov, S. O., Ivanova, N. P., Kur'yanova, V. V. (2022) Aktual'nye voprosy teorii sverhteksta: literaturovedcheskij aspekt. Associativno-smyslovoj sverhtekst [Topical issues of the theory of supertext: literary aspect. Associative-semantic supertext]. *Litera – Litera*. No. 11. Pp. 124–136. (In Russian). EDN: QWEDLH
13. Larkovich, D. V. (2021) Lokal'nye sverhteksty na literaturnoj karte Rossii [Local supertexts on the literary map of Russia]. *Sovremennyy russkij yazyk: funkcionirovanie i problemy prepodavaniya*. *Vestnik. XXVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya* [Modern Russian: functioning and problems of teaching. Herald. XXVI International Scientific and Practical Conference]. Budapesht. Pp. 63–69. (In Russian). EDN: IEAODH
14. Larkovich, D. V. (2019) "Yugorskij tekst" kak literaturnaya real'nost': k postanovke problemy ["Ugra text" as a literary reality: to solve the problem]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric studies*. Vol. 9. No. 1. Pp. 40–52. (In Russian). EDN: ZIIJAL
15. Loshakov, A. G. (2017) Sverhtekst i Severnyj tekst russkoj literatury [Supertext and The Northern text of Russian literature]. *Severnyj tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa* [Northern text as a logos form of being of the Russian North]. Vol. 1. Arkhangelsk: IMAGE-PRESS Publ. Pp. 26–57. (In Russian). EDN: XPYUDB
16. Loshakov, A. G. (2008) Sverhtekst: problema celostnosti, principy modelirovaniya [Supertext: integrity problem, modeling principles.]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena – News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. No. 66. Pp. 100–109. (In Russian). EDN: JVYXAR
17. Lyusy, A. P. (2013) *Moskovskij tekst: tekstologicheskaya koncepciya russkoj kul'tury* [Moscow text: textual concept of Russian culture]. Moscow: Veche Publ., Russkij impul's Publ. (In Russian).
18. Matonin, V. N. (2013) Obrazy "dvizheniya»" i "celi" v Severnom tekste russkoj kul'tury [Images of "movement" and "goals" in the Northern text of Russian culture]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and socio-educational thought*. No. 6. Pp. 221–223. (In Russian). EDN: SCVSKP
19. Mitrofanova, A. A. (2011) Intertekst Severnogo teksta [Intertext of the Northern Text]. *Geokul'turnoe prostranstvo Evropejskogo Severa: genezis, struktura, semantika*. Ser. "Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury" [Geocultural space of the European North: genesis, structure, semantics. Ser. "Pomeranian readings on the semiotics of culture"]. Arhangel'sk: Severnyj (Arkticheskij) federal'nyj universitet im. M. V. Lomonosova Publ. Pp. 412–421. (In Russian). EDN: YLUXTH
20. Tokarev, S. A. (1988) (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Vol. 2. K – Ja. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ. (In Russian).
21. Petrov, A. V. (2010) Toponimy kak vyrazitel'noe sredstvo v Severnom tekste [Toponyms as an expressive medium in the Northern text]. *Filologicheskaya regionalistika – Philological regionalism*. No. 1–2 (3–4). Pp. 48–53. (In Russian).
22. Poluyanov, I. D. (1966) *Pevuchij mostik* [Singing bridge]. Moscow: Detskaya literatura Publ. (In Russian).
23. Pospelova, O. V. (2017) Obraz "polunoshchnogo solnca" v proizvedeniyah o Russkom Severe A. Remizova, M. Prishvina, E. Zamyatina [The image of the "midnight sun" in the works about the Russian North by A. Remizov, M. Prishvin, E. Zamyatin]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki – Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. No. 2. Pp. 131–136. (In Russian). EDN: YKORXV
24. Prihodchenko, I. O. (2023) Lokal'nyj tekst provincial'noj literatury: k voprosu ob opredelenii ponyatiya i istorii izucheniya [Local text of provincial literature: on the definition of the concept and history of study]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya – Science of man: humanitarian research*. Vol. 17. No. 1. Pp. 30–42. (In Russian).
25. Skorohodov, M. E. (1965) *Severnye robinzony. Priklyuchencheskie povesti* [Northern Robinsons. Adventure stories]. Arhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo (In Russian).

26. Starygina, N. N. (2017) Sistema lokal'nyh sverhtekstov russkoj literatury [System of local supertexts of Russian literature]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva* – *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev*. No. 3–2 (95). Pp. 129–136. (In Russian). EDN: YLQPPT

27. Tyupa, V. I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o “Sibirskom tekste” russkoj literatury [Mythology of Siberia: to the question of the “Siberian Text” of Russian literature]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* – *Siberian Philological Journal*. No. 1. Pp. 28–35. (In Russian). EDN: YBSLLF

28. Fyodorov, V. D. (1979) *Letyashchie k Severu* [Flying to the North]. Moscow: Detskaya literatura Publ. Pp. 76–171. (In Russian).

Об авторе

Давыдова Алена Владимировна, доцент Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук (г. Архангельск, Российская Федерация); e-mail: a.davidova@narfu.ru; ORCID ID: 0000-0003-1702-0019

About the Author

Alyona Davydova, Associate Professor, Higher School of Social and Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University n. a. M. V. Lomonosov PhD in Philology (Arkhangelsk, Russian Federation); e-mail: a.davidova@narfu.ru; ORCID ID: 0000-0003-1702-0019

дата получения: 12.01.2025 г.

дата принятия: 30.01.2025 г.

дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 12 January 2025

date of acceptance: 30 January 2025

date of publication: 27 March 2025

В. В. Королева, О. В. Февралева

И. В. Гете и Э. Т. А. Гофман: к вопросу о творческом диалоге («Игра» с гетевскими аллюзиями как прием в позднем творчестве Э. Т. А. Гофмана)

Настоящая статья продолжает серию работ по изучению преломления аллюзий веймарского классика И. В. Гете в творчестве романтика Э. Т. А. Гофмана. Утверждается, что Гофман в позднем творчестве (роман «Житейские воззрения кота Мурра», новеллы «Двойники», «Повелитель блох», «*Datura fastuosa*», «Мастер Иоганн Вахт» и др.) не только вступает в полемику с Гете, но и пародирует популярные сюжеты корифея немецкой литературы («Годы странствий Вильгельма Мейстера», «Страдания юного Вертера», «Сказка о змее и Лилии», «Фауст» и др.), цитируя его произведения в ироническом контексте, а также обрабатывая литературные элементы гетеанского художественного мира. Реакция же Гете на гофмановские выпады проявляется в большей степени уже после смерти немецкого романтика в виде отдельных высказываний, критикующих художественный метод Гофмана (увлечение «больной» фантастикой). В статье делается вывод, что «игра» с гетевскими аллюзиями становится ярким художественным приемом в позднем творчестве Э. Т. А. Гофмана.

Ключевые слова: Гете, Гофман, романтизм, гетевские аллюзии, творческий диалог, ирония, пародирование, прием «игры» с чужими текстами.

Для цитирования: Королева В. В., Февралева О. В. И. В. Гете и Э. Т. А. Гофман: к вопросу о творческом диалоге («Игра» с гетевскими аллюзиями как прием в позднем творчестве Э. Т. А. Гофмана) // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 84–97. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_84. EDN: RMREUS

Два немецких писателя – И. В. Гете и Э. Т. А. Гофман – отличались разносторонней одаренностью и широкой сферой интересов. Современники и соотечественники, они были свидетелями одних и тех же событий, которые происходили в общественной жизни Германии. При этом между ними установилась заметная конфронтация. Однако если посмотреть на творческие пути Гете и Гофмана, складывается ощущение, что у этих художников было немало точек соприкосновения как биографических (оба юристы по образованию, выходцы из бюр-

герской среды), так и тематических (творческий процесс и натура артиста, страстная любовь и общественные предрассудки, живая во всех проявлениях природа и мертвая цивилизация). Более того, в позднем творчестве Гофмана можно наблюдать отход от романтических сказочных сюжетов и появление реалистических мотивов, сближающих его с Гете.

На наш взгляд, на творческом пути двух писателей не обошлось без скрытого творческого диалога, особенно со стороны Гофмана, который был воспитан на творчестве Гете и его предшественников. В отличие от Гете, который молчаливо игнорировал Гофмана, немецкий романтик регулярно обращался к произведениям веймарского гения как материалу, напрямую упоминая его имя или делая более или менее завуалированные отсылки к миру его произведений, о чем мы подробно рассуждаем в первой части данного исследования [5]. Эти отсылки рассыпаны по многим произведениям Гофмана. Немецкий романтик часто пародировал популярные сюжеты Гете и достаточно смело обрабатывал литературные элементы гетеанского художественного мира. «Игра» с гетевскими аллюзиями становится ярким художественным приемом в позднем творчестве Э. Т. А. Гофмана [7].

Материалы и методы

В статье исследуется влияние эстетики Гете на творчество Гофмана, выявляются гетевские аллюзии в позднем творчестве немецкого романтика, рассматриваются трансформации восприятия Гофманом образов и мотивов творчества Гете, которые приобретает характер интертекстуальной игры. Анализируются отсылки в произведениях Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра», новеллы «Двойники», «Повелитель блох», «*Datura fastuosa*», «Мастер Иоганн Вахт» и др. к таким произведениям Гете: «Годы странствий Вильгельма Мейстера», «Страдания юного Вертера», «Сказка о змее и Лилии», «Фауст» и др. В исследовании применяется сравнительно-исторический метод.

Результаты

Со стороны Гете можно отметить сдержанное отношение к Гофману, что, в первую очередь, могло быть вызвано неприятием романтического искусства вообще. Гете в немецкой

литературе олицетворяет целую эпоху, он стал символом культуры и человечности в самых светлых и созидательных ее проявлениях, предельно гармоничного мировоззрения, нравственности и несравненной духовной жизнестойкости. Однако романтическое искусство, зарождение и расцвет которого в Германии приходится на поздние годы жизни немецкого писателя, вызвали критику со стороны великого гения. Романтизм кажется Гете построенным на ложных фантазиях, мистике и хаотичных сторонах бытия и действующих в нем губительных силах. Об этом свидетельствуют высказывания Гете особенно в последнее десятилетие жизни поэта, когда он подводил итоги своего творчества, а также оценивал современное состояние немецкой литературы. «Романтизм уже скатился в бездну; невозможно представить себе что-нибудь отвратительнее его новейших продуктов». Он приходит к убеждению, что «Классическое – это здоровое, романтическое – больное» [2, X, с. 427–428]. Возможно, одной из причин отрицания романтизма Гете стал сам принцип «молодых, зараженных французским революционным вирусом романтиков иронизировать над резонером Шиллером, а также, по словам исследователя А. В. Карельского, их желание «сдернуть венок с чела Гете» [4].

Гофман – мастер фантастики и мистических мотивов [6], по всей видимости, вызывал у Гете особое раздражение, однако с открытой, публичной критикой в адрес младшего писателя при жизни последнего Гете не выступал, ограничиваясь лишь негативными отзывами в частных беседах, но упорная недоброжелательность авторитетного литератора стала одной из главных причин долгого пренебрежения наследием Гофмана на родине. Так, Гете отнес творчество Гофмана к «больной» струе. Автор «Фауста» считал, что «болезненные произведения» Гофмана прививали здоровым душам только заблуждения. Кроме того, Гете способствовал переводу статьи Вальтера Скотта «О сверхъестественном в литературе и, в частности, о сочинениях Эрнста Теодора Вильгельма Гофмана» (1827)¹, и настоятельно рекомендовал ее читателям-соотечественникам. В статье Скотт пытался

¹ Вальтер Скотт. Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 20. М.–Л.: Художественная литература, 1965. Электронный ресурс. URL: https://www.lib.ru/PRIKL/SKOTT/scott20_6.txt (дата обращения: 01.10.2024).

объяснить природу ужасного у Гофмана, называя его гениальным «страдальцем» с болезненной фантазией. После публикации этой статьи в Германии Гете дал развернутую рецензию, в которой высказался значительно резче Скотта: «Wer hat nicht mit Trauer gesehen daß diese krankhaften Werke des leidenden Mannes lange Jahre in Deutschland wirksam gewesen und solche Verwirrungen als bedeutend fördernde Neuigkeiten gesunden Gemütern eingeimpft worden?» [8, s. 94] (Кто не видел с грустью, что эти болезненные произведения страдающего человека долгие годы действовали в Германии и что подобные заблуждения прививались здоровым умам как важные новости, способствующие развитию?) (перевод с немецкого языка здесь и далее наш. – В. К.). Здесь Гете выступает не столько против покойного писателя, сколько против его популяризаторов, в числе которых был, например, Юлиус Эдуард Гитциг, в 1823 году опубликовавший биографическое сочинение «Aus Hoffmanns Leben und Nachlas» («Из жизни и наследия Гофмана»). Книга имелась в библиотеке Гете: есть свидетельства о том, что невестка Гете просила тестя подарить ему эту книгу (см. об этом: [9]).

Анализируя отзыв Гете, немецкий исследователь Фридрих Шнапп (Fridrich Schnapp) отметил, что высокого рецензента возмущали болезненные, «судорожные» фантазии Гофмана: «Zwar kam Goethe nicht umhin, Hoffmanns “talentreiches Naturell” zu erwähnen, doch brachte er seinen Abscheu gegen die “krankhaften Verirrungen”, ja die “krampfhaften Äußerungen eines vorzüglich auf den Tod gefolterten Wesens” deutlich zum Ausdruck» [9, s. 741–743] (Хотя Гете не мог не упомянуть «талантливую натуру» Гофмана, он ясно выразил свое отвращение к «патологическим отклонениям», даже к «судорожным выражениям прекрасного существа, замученного до смерти»). В письме 1827 г. Гете говорит о том, что сказки Гофмана не поддаются критике, поскольку являются не столько литературными произведениями, сколько психиатрическими симптомами: «Es ist unmöglich, Märchen dieser Art irgendeiner Kritik zu unterwerfen; es sind nicht die Gesichte eines poetischen Geistes, sie haben kaum so viel scheinbaren Gehalt, als die Verrücktheiten eines Mondsüchtigen allenfalls zugestanden wurde; es sind fieberhafte Träume eines leicht beweglichen kranken Ge-

hirns...»¹ (Сказки такого рода невозможно подвергнуть никакой критике; они не являются видениями поэтического ума, в них едва ли столько явного содержания, сколько, в лучшем случае, признавалось в безумии сумасшедшего; это лихорадочные сны подвижного, больного мозга...). В то же время в последнем романе Гете «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1821–1829) среди многочисленных сентенций находим высказывание, созвучное с Гофманом: «Микроскопы и подозрительные трубы, по сути дела, замутняют ясность человеческого разума» [2, VIII, с. 255]. Гофман, как никто иной, совмещал в своих фантазиях передовые технологии и темную магию, всегда замешанную на корысти. С помощью хитро устроенных линз Левенгук в «Повелителе блох» устраивает сенсационные, а порой пугающие зрелища для жадных до забав бюргеров. Натанаэль («Песочный человек») поддается наваждениям сперва влюбленности в куклу, затем смертельного ужаса перед преследующим его призраком, посмотрев в подозрительную трубу, проданную ему демоническим Копполой.

Гофман же относился к своему старшему современнику с уважением и сам сформулировал свое принципиальное отличие от Гете, которое вложил в уста Лотара во вступлении к одной из новелл в цикле «Серапионовы братья». Размышляя о предпосылках, необходимых автору трагедий, он называет в качестве главной предпосылки здоровую душу, свободную от какой бы то ни было душевной болезненности, «которую способно вызвать психическое недомогание или врожденный яд» [3, IV, с. 322]. Именно таким драматургом Гофман называет патриарха Гете, отмечая, с какой силой и внутренней чистотой были созданы его герои Гец фон Берлихинген, Эгмонт. Тем самым Гофман противопоставляет цельной личности Гете себя, лишенного душевной гармонии и страдающего от дуализма.

Особенно ярко гофмановская «игра» с текстом Гете проявляется в романе «Житейские воззрения кота Мурра» (1819–1821). М. И. Бент замечает, что в произведении не трудно распознать «пародию на "воспитательный роман" Гете (имеется в виду первый том «Вильгельма Мейстера»)» [1]. На наш взгляд, сама тональность записок кота отчасти воспроизводит также

¹ E. T. A. Hoffman portal. Available at: <https://etahoffmann.staatsbibliothek-berlin.de/portfolio-item/goethe-johann-wolfgang-von/> (accessed 30 September 2024).

стилистику «Поэзии и правды» – автобиографии, которую Гете публиковал в 1811 г.: уверенный в своей высокой значительности автор повествует о становлении своей личности, регулярно делая обобщающие отступления. Сходный вывод делает немецкий исследователь наследия Гофмана Вольфганг Бюнцель: «Der „Kater Murr“ parodiert den Bildungsroman und die selbstgewisse Autobiografie. Für beides stand Goethe Modell mit seinem „Wilhelm Meister“ und „Dichtung und Wahrheit“. Es ist eine augenzwinkernde Auseinandersetzung mit Goethe. Hoffmann will Goethe nicht denunzieren, sondern auf eine überraschende, witzige und verfremdete Art und Weise die Schwächen dieser Genres zeigen»¹ («Кот Мурр» пародирует роман воспитания и хвалебную автобиографию. Образцом для то и другого послужил Гете с его «Вильгельмом Мейстером» и «Поэзией и правдой». Это ироническая конфронтация с Гете. Гофман не хочет осуждать Гете, а скорее хочет показать слабости этих жанров удивительным, остроумным и отчуждающим образом).

В одном из персонажей романа о разумных котах и собаках читатель, досконально знающий труды Гете, не мог не узнать Мефистофеля, впервые явившегося Фаусту в виде черного пуделя. С Мефистофеля-пса будто скопирован пудель Понто, при первой встрече описанный Мурром как «черное косматое чудовище с горящими глазами» [3, V, с. 55]. Можно сказать, что это существо становится злым гением для ученого кота. Сначала он ворует рукописи приятеля и показывает своему хозяину, завистливому профессору филологии, так что творческая свобода Мурра оказывается под ударом. Затем он дает молодому коту циничные советы, достойные инфернального прототипа: «Делая что-то для себя, притворяйся, что делаешь это только для других» [3, V, с. 104]. Чрезвычайно ловкий и двуличный пудель во втором томе романа сознательно промышляет сводничеством между новым хозяином и женой профессора Лотарио. Понто же вводит Мурра в «высший свет» комнатных собак. Странные знакомства становятся причиной простуды кота, и это последнее событие его автобиографии, видимо, роковое. В истории отношений Мурра и Понто травестирована ситуация Фауста и Мефистофеля, и Гофман даже акцентирует

¹ Wolfgang Bunzel. Available at: <https://aktuelles.uni-frankfurt.de/forschung-frankfurt/unheimlich-fantastisch-e-t-a-hoffmann-als-tueroeffner-in-eine-andere-welt/> (accessed 30 September 2024).

внимание читателя на тех характеристиках своего пуделя, что совпадают с чертами адского оборотня в трагедии Гете. Понто известен умением плясать на задних лапах и носить что-либо в зубах, доставлять хозяину какие-то предметы. Коллега Фауста, усердный, но недалекий Вагнер отпускает по поводу пуделя-Мефистофеля следующие замечания: «Живой такой, понятливый и бойкий, / Поноску знает, может сделать стойку. / Оброните вы что-нибудь – найдет» [2, II, с. 45].

В сюжете «макулатурных листов» – отрывков из биографии капельмейстера Крейсlera – налицо перекличка с «Вильгельмом Мейстером» во всем, что касается Кьяры, одинокой смуглой девочки, предположительно итальянской цыганки, эксплуатируемой жестоким фокусником, но освобожденной маэстро Абрагамом. Точно так же развиваются отношения Вильгельма и Миньоны, но Гофман задает истории таинственной, трогательной смуглянки и ее благодетеля новый вектор: Абрагам и Кьяра становятся супругами.

Мотивы подмены детей, позднего выяснения происхождения сирот, которое, как правило, оказывается аристократическим, Гете использует в «Мейстере» в связи с Миньоной и Феликсом, но он был востребован и в барочной литературе («Симплициссимус» Гриммельсгаузена), и в романтической («Белокурый Экберт» Л. Тика), так что новелла Гофмана «Двойники» (1821–1822), главная интрига которой состоит в идентификации двух очень похожих друг на друга юношей, могла бы не рассматриваться в гетевском контексте, если бы имя героини, в которую влюблены оба молодых человека, не совпадало с именем девушки, ставшей женой Вильгельма Мейстера, Натальей, все коллизии вокруг сходства героев не объяснялись по-гетевски рационально, а в кульминации настойчиво, почти навязчиво не звучал мотив отречения («Ja, entsagen – entsagen – vergiß – vergiß mir, Bruder!»), перекликающийся с подзаголовком романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся (Die Entsagenden)», первая версия которого вышла в 1821 году. Наталия «встала на колени, подняла заплаканные глаза, сложила руки, как для страстной молитвы, и тихо проговорила печальным, душераздирающим голосом: – Отрекитесь!» [2, IV, с. 120].

¹ Hoffmann E. T.A. die Doppelgänger. Электронный псепс. URL: <https://bookchain.ai/read/hoffmann-e-t-a/die-doppeltganger> (дата обращения: 01.10.2024).

Соперники примиряются, причем отречение повторяется еще трижды в близком контексте. Сцена полна утрированной патетики: внезапная смена страстных притязаний героев самоотверженной кротостью кажется психологически сомнительной. В целом новелла обнаруживает приметы и пародии на Гете, и автопародии, если учесть, насколько значима была для Гофмана тема двойничества и какие мрачные, трагические исходы она имела, например, в романе «Эликсиры дьявола» (1815–1816). Здесь же развязка просветлена: каждый из героев находит свой особый путь примирения с судьбой.

В сказочной новелле Гофмана «Повелитель блох» (1821–1822) веймарский корифей вынужден был признать, что «удивительный способ», которым автор «соединяет банальные положения с невероятными, невозможными происшествиями, обладает известной привлекательностью, которой невольно полагаешься» [3, V, с. 66–67].

И Гете, и погруженный в его мир читатель не могли не обнаружить в канве сказки ставшие традиционными для Гофмана перевернутые заимствования. Ассоциации, возникающие в связи с мастером Блохой, возвращают нас к первой части «Фауста», в частности, к песенке Мефистофеля «Жил был король державный // С любимицей блохой» [2, II, с. 80]. Ее смысл кажется незатейливым – это обличение фаворитизма. Гофман же принимает это за игру и разворачивает ситуацию. Он изображает блох симпатичным вольным народом, который поработил шарлатан и использует ради наживы, а их лидера превращает в доброго вершителя судьбы главного героя, почти в ангела-хранителя. Стоит отметить, что королевский титул также дарован автором Перегринусу Тису, в фантастическом измерении существовавшему под именем короля Секакиса, образчика мудрости и справедливости, так что тандем короля и блохи воспроизводится Гофманом без сатирических коннотаций, напротив, скорее в идиллическом духе.

Небольшое ретроспективное отступление по поводу ассоциации Мефистофель–блоха следует сделать, упомянув шуточную стилизованную миниатюру Гофмана, открывающую пятый раздел «Серапионовых братьев» (1819) и ее последующий разбор. Старинный анекдот посвящен дьяволу, некоторое время гостившему в Берлине под видом весьма

любезного и щедрого господина, а среди странностей и чудес, сопровождавших его, называется способность подпрыгивать «на добрых шесть локтей вверх» [3, VI, с. 13]. Комментатор же говорит о «некой забавной наивности, которая <...> отвечает характеру немецкого черта» [3, VI, с. 17], и читатель, очевидно, должен был вспомнить Мефистофеля, являющегося в образе по-своему обаятельного эксцентрика, наружно доброжелательного ко всем, чья «наивность» состояла в притязаниях унижить человеческий дух.

Перипетия влюбленности в феминизированный цветок, восходящая к «Сказке о змее и Лилии», воспроизводится в «Повелителе блох» с новыми смысловыми трансформациями. Гофман заменяет лилию пестрым тюльпаном, в чашечке которого возрождается принцесса Гамахей, убитая принцем Пиявкой, но ее новое существование ущербно и нуждается в искусственной поддержке. Дертье Эльвердинк – так зовут принцессу в новой жизни – почти столь же онтологически неполноценна, сколь кукла Олимпия («Песочный человек»), а тюльпан оказывается антиподом мистической животворящей лилии. Фантазия Гофмана здесь имеет объективную историческую подоплеку. «Гарлемский тюльпан», плод селекционных усилий, стал предметом печально известного ажиотажа в Нидерландах, известного как «тюльпаномания», приведшего в тридцатые годы XVII в. к финансовым спекуляциям, обвалу рынка, бесчестному обогащению одних и разорению других участников торговли модными цветами. Такие же нездоровые страсти разгораются вокруг героини последней гофмановской сказки: ее красоту так же использует голландский микроскопист Левенгук, выведенный бесмертным магом, отношение которого к природе состоит в кошунственном и корыстном экспериментаторстве. Гофман углубляет символику цветка, подводя под сказочный антураж реальные культурно-исторические проблемы.

Полуискусственному тюльпану в «Повелителе блох» противопоставлена истинная суженая главного героя Розочка Лэммерхирт, старшая дочь в семействе бедного переплетчика. В этой девушке собраны добродетели, которыми наделял своих героинь Гете: скромность без жеманства, искренность и включенность в практическую жизнь. «Розочка проявляет

склонность к благородному переплетному искусству и <...> так преуспела в этом тонком ремесле, что <...> оставила далеко позади разных олухов-подмастерий» [3, VI, с. 467]. Гофман находит нужным добавить к уже благоприятному образу прямую аллюзию на Гете, когда Розочка намазывает хлеб маслом и кормит своих младших братьев: «Перегринуса восхищало все, что делала прелестная девушка, безо всякого отношения к Вертеровой Лотте с ее бутербродами» [3, VI, с. 467].

Разрушение культа Вертера и порожденного им трагического феномена – волны самоубийств среди впечатлительной молодежи в конце XVIII в. – стало делом и самого Гете, что можно было наблюдать в «Триумфе чувствительности», так что создавая демонстративные оппозиции на шумевшему роману, Гофман выступает скорее как союзник, чем как противник великого веймарца.

Уже после смерти Гофмана публикуются две его новеллы, овеянные духом Гете, – «*Datura fastuosa*» и «Мастер Иоганн Вахт». В первой отражается увлечение ботаникой, привитой молодым немцам Гете, разработчиком курса лекций по географии растений и их оригинальной классификации, устройтелем в Веймаре ботанического сада и музея. Имя выведенной в рассказе девочки-подростка, простодушной и невинной Гретхен, отсылает к первой части «Фауста». Вторая проследживает жизненный путь бамбергского плотника, человека здравомыслящего, честного и добродетельного, но имеющего категорические предубеждения против юристов и католиков. Ограниченность мировоззрения ремесленника угрожает счастьем его дочери, влюбленной в адвоката, а первые шаги к взаимопониманию между отцом, девушкой и ее поклонником происходят, когда старик тайком прочитывает те же книги, что и молодые люди, одна из которых «была творением Гете». Знакомство с поэзией умерило самоуверенность героя: «Великая душа Вахта признала и величие этого гения, и невозможность начинать свое образование сызнова» [3, VI, с. 193]. В устах плотника звучит панегирик поэту, очевидно, еще только начинающему во время, описанное Гофманом: «Среди нас, немцев, родился какой-то небывалый гений, дай Бог ему всякого успеха. <...> я завидую тебе, Ионатан, на твоём веку сколько еще будет интересного и великого» [3, VI, с. 208].

В преддверии кульминации семейной драмы Гофман пишет, что «уже имел случай заметить, что когда молодой адвокат вознамерился застрелиться, подобно юному Вертеру, то весьма счастливо случилось, что у него не было под руками <...> пистолетов [3, VI, с. 208]. Автор в очередной раз не преминул подтрунить над книжным и во многом мимолетным порывом несчастного влюбленного к самоубийству, подчеркнуть глубинное и стойкое жизнелюбие, как правило, присущее человеку. В конфликте поколений, ставшем пружиной сюжета «Мастера Вахта», можно усмотреть зашифрованное указание на пагубный раздор, возникший между «мастером» и живым классиком немецкой литературы Гете, чей психологический портрет близок к характеру Вахта, и романтиками, чьи литературные и философские новаторства Гете не оценил.

Итак, на протяжении сравнительно недолгого и тернистого творческого пути Гофман выработал для себя и предложил современникам особое отношение к Гете – лояльность без раболепства. Веймарский «олимпиец» не становится для позднего романтика неприкосновенным идолом, но автор «Повелителя блох» не желает «сдернуть венок с чела Гете». Гофман нацелен на живое, пусть и заочное, взаимодействие, в котором есть время и для искренних похвал, и для тонкой иронии, и для указания на негативные «побочные эффекты» успехов Гете.

В одной из интерлюдий «Серапионовых братьев» устами своего героя Лотара Гофман утверждает: «Кто мог бы и еще может похвалиться большим душевным здоровьем, чем наш патриарх – Гете? С какой неслабою силой, с какой внутренней чистотой были созданы его герои – Гец фон Берлихинген, Эгмонт!» [3, IV, с. 322]. В подтексте этого пассажа просматривается косвенное гофмановское противопоставление гармоничному, спокойно-жизнеутверждающему таланту Гете своего – болезненно аффективного, противоречивого, неуравновешенного, порой скользящего по краю безумия.

Обсуждение и выводы

Таким образом, можно говорить о скрытом диалоге Гофмана и Гете, который актуализируется в позднем творчестве немецкого романтика. Гофман «играет» образами и мотивами Гете, которые начинают звучать по-новому. Немецкий роман-

тик, развивая гетевские идеи, пропускает их через призму иронии, что вызывает резкие высказывания Гете о романтизме.

Анализ преломления гетевских аллюзий в произведениях Гофмана – перспективный вопрос для дальнейшего изучения. На наш взгляд, могут быть разработаны следующие темы: концепт *Sehnsucht* в поэтическом языке Гете и Гофмана; семантический потенциал флористических образов в творчестве двух авторов; их заочная дискуссия о театральном искусстве; двустороннее влияние Гете и Гофмана на немецких авторов позднейших времен. Отдельно может быть проанализировано влияние трагедии «Фауст» на мир фантазии Гофмана.

Список литературы

1. Бент М. И. Из лекции по немецкой литературе. Романтизм в Германии: «Воздушное царство грез» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2001. – № 2. – С. 116–122.
2. Гете И. В. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Художественная литература, 1975–1980.
3. Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1991–1996.
4. Карельский А. В. Сказки и правда Гофмана // Гофман Э. Т. А. Новеллы. – М., 1991. – С. 5–16.
5. Королева В. В. Интертекстуальность как прием в творчестве Э. Т. А. Гофмана // Вестник ТвГУ. – 2019. – № 1. – С. 28–34.
6. Королева В. В., Притомская А. Р. Алхимический символизм новеллы Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок: сказка из новых времен» // Вестник Костромского государственного университета. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 127–134. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-127-134
7. Королева В. В., Февралева О. В. И. В. Гете и Э. Т. А. Гофман: к вопросу о творческом диалоге (влияние И. В. Гете на формирование сказочной поэтики Э. Т. А. Гофмана) // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 78–90. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_7. EDN: OIRIGS
8. Goethe J. W. Sämtliche Werke nach Epochen seines Schaffens. Münchner Ausgabe, hrsg. von. Karl Richter. – München, 1986. – Bd. 18.2.
9. Schnapp F. E. E. T. A. Hoffmann in Aufzeichnungen seiner Freunde und Bekannten: eine Sammlung. – München: Winkler, 1974. – 964 p.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Vera Koroleva, Olga Fevraleva

I. V. Goethe and E. T. A. Hoffman: on the Question of Creative Dialogue ("The Game" With Goethe's Allusions as a Device in the Late Work of E. T. A. Hoffman)

This article continues a series of studies on the refraction of the allusions of the Weimar classic J. W. Goethe in the work of the romantic E. T. A. Hoffmann. It is argued that Hoffmann in his later work (the novel *The Everyday Views of the Murr Cat*, the short stories *The Doppelgangers*, *Lord of the Fleas*, *Datura fastuosa*, *Master Johann Wacht*, etc.) not only enters into a polemic with Goethe, but also parodies popular plots of the luminary of German literature (*The Years of Wilhelm's Wanderings*, *Meister*, *The Sufferings of Young Werther*, *The Tale of the Serpent and the Lily*, *Faust*, etc.), quoting his works in an ironic context, as well as processing literary elements of the Goethean artistic world. Goethe's reaction to Hoffmann's attacks is manifested to a greater extent after the death of the German romantic in the form of individual statements criticizing Hoffmann's artistic method (fascination with "sick" fiction). The article concludes that the "game" with Goethe's allusions becomes a vivid artistic device in the late work of E. T. A. Hoffman.

Key words: Goethe, Hoffmann, romanticism, Goethe's allusions, creative dialogue, irony, parody, the technique of "playing" with other people's texts.

For citation: Koroleva, V. V., Fevraleva, O. V. (2025) I. V. Gete i E. T. A. Gofman: k voprosu o tvorcheskom dialoge («Igra» s getevskimi allyuziyami kak priem v pozdnem tvorchestve E. T. A. Gofmana) [J. W. Goethe and E. T. A. Hoffmann: On the Question of Creative Dialogue ("The Game" With Goethe's Allusions as a Device in the Late Works of E. T. A. Hoffmann)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 84–97. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_84. EDN: RMREUS

References

1. Bent, M. I. (2001) *Iz lekcii po nemeckoj literature. Romantizm v Germanii: «Vozdushnoe carstvo gryzo»* [From a lecture on German literature. Romanticism in Germany: "The airy kingdom of dreams"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk State University*. No. 2. Pp. 116–122. (In Russian).
2. Gete, I. V. (1975–1980) *Sobranie sochinenij: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. (In Russian).
3. Gofman, E. T. A. (1991–1996) *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected works: in 6 volumes.]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. (In Russian).
4. Karel'skij, A. V. (1991) *Skazki i pravda Gofmana* [Tales and Truth of Hoffmann] Gofman E. T. A. Novelly [Hoffman E. T. A. Novellas]. Moscow. Pp. 5–16. (In Russian).
5. Koroleva, V. V. (2019) *Intertekstual'nost' kak priem v tvorchestve E. T. A. Gofmana* [Intertextuality as a technique in the works of E. T. A. Hoffmann]. *Vestnik TvGU – Bulletin of Tver State University*. No. 1. Pp. 28–34. (In Russian).
6. Koroleva, V. V., Pritomskaya, A. R. (2023) *Alhimicheskij simbolizm novelly E. T. A. Gofmana «Zolotoj gorshok: skazka iz novyh vremen»* [Alchemical symbolism of E. T. A. Hoffmann's novella "The Golden Pot: A Tale from Modern Times"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Alchemical symbolism of E. T. A. Hoffmann's novella "The Golden Pot: A Tale from Modern Times"*. Vol. 29. No. 3. Pp. 127–134. (In Russian). DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-127-134
7. Koroleva, V. V., Fevraleva, O. V. (2024) *I. V. Gete i E. T. A. Gofman: k voprosu o tvorcheskom dialoge (vliyaniye I. V. Gete na formirovaniye skazochnoj poetiki E. T. A. Gofmana)* [J. W. Goethe and E. T. A. Hoffmann: on the issue of creative dialogue (the influence of J. W. Goethe on the formation of the fairy-tale poetics of E. T. A. Hoffmann)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 78–90. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_4_78. EDN: OIRIGS

8. Goethe, J. W. (1986) *Sämtliche Werke nach Epochen seines Schaffens*. Münchner Ausgabe, hrsg. von Karl Richter. Bd. 18.2. München. (In German).

9. Schnapp, F. (1974) *E. T. A. Hoffmann in Aufzeichnungen seiner Freunde und Bekannten: eine Sammlung*. München: Winkler. (In German).

Об авторах

Королева Вера Владимировна, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, доктор филологических наук, доцент (г. Владимир, Российская Федерация); e-mail: queenvera@yandex.ru; ORCID ID 0000-0002-7608-9772

Февралева Ольга Валерьевна, доцент, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, кандидат филологических наук (г. Владимир, Российская Федерация); e-mail: 411@mail.ru; ORCID ID: 0009-0008-7230-6953

About the Authors

Vera Koroleva, Head of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University, Doctor of Philology (Vladimir, Russian Federation); e-mail: queenvera@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7608-9772

Olga Fevrалеva, Associate Professor, Vladimir State University, PhD in Philology (Vladimir, Russian Federation); e-mail: 411@mail.ru; ORCID ID: 0009-0008-7230-6953

дата получения: 07.01.2025 г.

дата принятия: 30.01.2025 г.

дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 07 January 2025

date of acceptance: 30 January 2025

date of publication: 27 March 2025

М. Яхьяпур, Х. Гариб-Хоссейни, Дж. Карими-Мотаххар Басни И. Крылова как источник вдохновения дидактических произведений Парвин Этесами

В статье исследуется влияние творчества Ивана Андреевича Крылова на литературный стиль и тематику творчества персидской поэтессы Парвин Этесами. Избранные басни в данном исследовании принадлежат к дидактической литературе и обладают сходными идеями и моральными посланиями. И. А. Крылов и Парвин Этесами в своих произведениях попытались отобразить современную им социальную, политическую и культурную обстановку и недостатки общества как представители своего народа. Сравнивая отдельные произведения И. А. Крылова и Парвин Этесами, авторы статьи рассмотрели условия жизни и общества, отраженные в произведениях вышеуказанных поэтов. Отмечено влияние великих мировых баснописцев на их творчество и раскрыты моральные и поучительные советы каждой басни. Сравнивая сходство и различия их творчества, авторы пришли к заключению о влиянии на творчество Крылова и Этесами ведущих мировых баснописцев, обнаружили присутствие тождественных социальных, политических и культурных условий, что привело к появлению сходных литературных произведений в России и Иране.

Ключевые слова: Иван Андреевич Крылов, Парвин Этесами, моназере, дидактическая литература, басня, мораль, аллегория.

Для цитирования: Яхьяпур М., Гариб-Хоссейни Х., Карими-Мотаххар Дж. Басни И. Крылова как источник вдохновения дидактических произведений Парвин Этесами // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 98–111. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_98. EDN: PHIOPU

Дидактическая литература является одним из самых популярных видов литературных произведений в мире. Многие поэты и писатели и в древности (Эзоп, 620–564 гг. до н. э.; Вишна Сарма, автор дидактического сборника «Калила и Демене» на санскрите¹; Аттар Нейшабури²,

¹ Вишну Сарма (Шарма) (4–6 вв. до н. э.) – индийский ученый и писатель, создатель сборника басен «Панчатантра».

² Фарид ад-Дин Абу Хамед Мохаммад Аттар Нейшабури – один из самых знаменитых иранских мастиков, ученых и поэтов, автор стихотворных сборников «Книга невзгод», «Книга тайн», «Небесные стихотворения» и др.

© Яхьяпур М., Гариб-Хоссейни Х., Карими-Мотаххар Дж., 2025

1145–1221; Маулана¹, 1207–1273; Саади, 1184–1291), в новое время (Лафонтен, 1621–1695; И. А. Крылов, 1769–1844 и др.) творили в дидактических жанрах. Как следует из названия, основная цель дидактической литературы заключается в передаче моральных идей, советов, рекомендаций и показе правильного образа жизни. Действительно, ее целью является поддержание благосостояния и счастья людей и помощь в выборе ими наилучшего жизненного пути. Находились ли эти поэты под влиянием друг друга? Влияние литератур разных народов, поэтов и писателей из дальних и ближних стран на протяжении многих лет было привычным делом. Поэты и писатели могли знакомиться с обычаями, нравами, национальными социальными и культурными интересами другого народа, путешествуя в разные страны.

Избранные басни в данном исследовании принадлежат к дидактической литературе и обладают сходными идеями и моральными посылами. Это также приводит к сходству между литературными произведениями писателей из разных стран. С другой стороны, с расширением объема переводов у писателей появилась возможность знакомства с творчеством иноязычных авторов. Таким образом можно было лучше узнать идеи и литературные стили писателей-современников и предшественников. Избранные произведения Крылова и иранской поэтессы Парвин Этесами (1907–1941) свидетельствуют о том, что оба поэта пытались с помощью басен научить своих читателей следовать морали. В настоящем исследовании мы попытались изучить причины сходства между произведениями И. А. Крылова и Парвин Этесами.

Материалы и методы

О значении басен Крылова и произведений Парвин Этесами в жанре моназерат² писали многие русские и иранские исследователи, в частности, Я. Арьянпур [8], М. Яхьяпур, Т. Кошемчук [6], Т. А. Кошемчук, М. Л. Рейснер и М. Яхьяпур [3], Х. Муайед [12], Р. Керачи [11], Бехар в предисловии к книге стихов Этесами [10] и другие, но до сих пор не проводил-

¹ Мавланá Джалаладдин Мухáммáд Балхí Румí (Румí, Мавланá) – персидский поэт-суфий XIII века, автор стихотворной эпико-дидактической поэмы «Маснави».

² Моназере – близкий к басне поэтический жанр в форме беседы двух персонажей в персидской поэзии, известный с древнейших времен. Моназерат – мн. ч. от слова моназере.

ся сравнительный анализ басен Крылова и Парвин Этесамии и влияния русского баснописца на творчество иранской поэтессы. С помощью сравнительно-исторического метода мы проведем такой анализ.

Результаты

Фольклорные произведения и басни существовали во все времена. Они создавались в соответствии с обычаями, верованиями, культурой и традициями своего народа. С помощью литературных средств: метафоры, преувеличения, сравнения и др., – создавались дидактические произведения, которые передавались в наследство от одного поколения к другому.

«Общие сказания того и другого вида существовали повсюду и во все времена. С тех пор, как первобытный человек стал проживать с домашними и дикими животными, он естественно попытался создавать истории, которые представляли воображаемые события с животными. Он описывал их так, как будто животные действуют, разговаривают и думают, как люди с их мотивами и эмоциями. Основная особенность сказаний заключается в том, что с их помощью можно легко передать нравственный или дальновидный совет» [7, р. 16]¹.

Собрания нравственных и моральных советов в разных жанрах есть у каждого народа: индийская «Панчатантра» Вишну Шарма, персидские «Гулестан», «Калила и Димна» Саади, арабский «Моаллакат», басни Эзопа и Федра, «Труды и дни» Гесиода, «Послания» Горация и многое другое. Это воспитательно-нравственные произведения, показывающие «важность человеческого воспитания в античные времена и в первые века нашей эры» [9, р. 110]. Жанр басни восходит к Эзопу. Именно его мастерство вдохновило персидских поэтов Насера Хосро Гобадяни и Маулана Джамалутдина Руми, которые переложили на персидский язык сюжеты басен Эзопа, вошедшие в эпос «Маснави» (к примеру, «Ворона в павлиньих перьях» и рассказ «Лев и Волк пошли охотиться»).

Жанр басни и ее дидактических вариантов был востребован и в Новое время. Произведения И. Крылова написаны в жанре басни, а стихи Парвин в жанре моназере. Оба жанра принадле-

¹ Перевод на русский язык персидских источников здесь и далее наш. – М. Я.

жат дидактической литературе. Обращая внимание на историю баснописания в русской литературе, можно указать на то, что русская басня, начиная от Кантемира и Сумарокова, «шла своим путем, отличным от басни западноевропейской. Она была тесно связана с фольклором, с народной речью, в отличие от галантной, салонной европейской басни XVII–XVIII веков» [4, с. 9].

И. И. Хемницер, И. И. Дмитриев, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, В. И. Майков писали басни, но именно И. А. Крылов включил в басни социальную русскую среду и отразил в своих произведениях жизнь простого народа. Отличие басен Крылова от произведений его предшественников заключалось именно в их острой социальной и современности. Благодаря этому басни Крылова имели огромный успех и получили мировую известность. В его баснях отразилась живая русская речь, бойкий народный ум и русский характер. Моназерат Парвин Этесами, как и басни Крылова, оказали значительное влияние на литературную историю своего времени. «Моназере – вершина творчества Этесами ...» [6, с. 97].

Укажем некоторые причины обращения Парвин Этесами к литературе других народов. Во-первых, она владела иностранными языками, помимо родного: «В детстве Парвин увлекалась чтением, читала не только персидскую литературу, но и зарубежную, благодаря изучению иностранных языков (английского и французского) и переводам отца, которые печатались в журнале "Бахар"»¹.

Во-вторых, для изучения истории народов и знакомства с их культурой в Парвин много путешествовала: «Она изучила историю родной литературы – персидской, а также арабской и турецкой, приобщалась к западной культуре в путешествиях по Европе» [6, с. 188].

В-третьих, на становление мировоззрения Парвин повлияла политическая и литературная деятельность ее отца – Этесам-Оль-Молка. Этесам-Оль-Молк «являлся активным членом литературного общества в Иране и организатором первой типографии в Тебризе. Он владел турецким, арабским и французским языками, его переводы Гюго, Шиллера

¹ Сафари Елизеи Т. Сопоставительный анализ лирики Парвин Этесами и Марины Цветаевой: дис. ... магистра по специальности» русский язык и литература. Научный руководитель: М. Яхьяпур. Тегеран, 2008. С. 7. Работа выполнена на персидском языке. Перевод здесь и далее наш. – М. Я.

и Горького широко известны»¹. Кроме того, Парвин принимала участие в деятельности литературных кружков в отчем доме: «В доме Этесам-Оль-Молка часто собирались известные литераторы и поэты того времени: Мохаммад-Таги Бахар, Али-Акбар Дехода, Мухаммад Казвини, Саид Нафиси и др.»².

Таким образом, Парвин Этесами удалось познакомиться с выдающимися поэтами и писателями своего времени и поучаствовать в литературных обсуждениях. «Отец Парвин был писателем и переводчиком. Он издавал литературный ежемесячник журнал под названием "Бахар". Парвин Этесами отдавала себе отчет об иностранных литературных произведениях благодаря владению несколькими иностранными языками, влиянию школьной среды, в которой она училась, изучению мировых литературных произведений и переводам своего отца, а также общению с литературными деятелями и интеллектуалами своего времени. Журнал "Бахар" <...> являлся окном в западный мир» [12, р. 224]. Парвин было известно и творчество русских писателей, ведь ее отец на страницах журнала впервые познакомил новое поколение с произведениями таких выдающихся европейских и русских поэтов и писателей, в числе которых были «Шекспир, Гете, Шиллер, Гюго, Мильтон, Толстой и Максим Горький» [13, р. 198].

Таким образом, у Парвин появилась возможность ознакомиться с образом мышления и мировоззрением западных поэтов. А с другой стороны, произведения И. Крылова были переведены на французский язык и опубликованы в различных изданиях. Возможно, она не знала прямых переводов басен Крылова с русского на персидский язык, но она хорошо знала французский язык, а он являлся одним из наиболее употребляемых языков дворянами при жизни Ивана Крылова.

«Основное содержание поэзии Парвин составляют нравственные советы и мораль» [14, р. 127]. Поскольку Парвин отличалась высокой нравственностью, она не могла терпеть отсутствие этических норм в окружающей ее среде. Иван Крылов также пытался отобразить в своих произведениях

¹ Сафари Елизеи Т. Сопоставительный анализ лирики Парвин Этесами и Марины Цветаевой: дис. ... магистра по специальности «русский язык и литература». Научный руководитель: Марзие Яхьяпур. Тегеран, 2008. С. 7.

² Там же.

недостатки общества: осмеивал несправедливость господствовавшего строя, показывал слабости людей у власти.

В баснях Иван Крылов и Парвин Этесами использовали образы животного и природного мира, олицетворяющие человеческие недостатки и пороки, чтобы аллегорически показать неприглядные человеческие качества, а также для того, чтобы обойти цензуру. По их мнению, животные (а также вещи, предметы, растения) могли символически обозначать качества человеческих характеров.

Литературный язык Крылова был понятен всем читателям. «Басни Крылова написаны простым, понятным языком. Они очень остроумны» [2, с. 77]. Парвин Этесами также писала простым языком: «Парвин мастерски доступным языком умела передать моральные идеи и описать человеческие характеры» [11, р. 84].

У Парвин Этесами есть касыда¹ «Вождь судьбы / Гаед таг-дир», написанная в форме моназере, в которой она непосредственно цитирует слова басни Крылова «Стрекоза и Муравей». В этой касыде поэтесса обращает внимание на важные аспекты, которые способствуют развитию человеческой души, ее воспитанию и очищению. Она призывает читателей ценить время и правильно использовать предоставленные возможности. В одной из строк она пишет: «О человек! Ты не можешь вернуть или купить ушедшее время. На самом деле ничто в этом мире не может возместить утраченные мгновения».

В другом месте она говорит о быстротечности времени и снова обращается к идее крыловской басни: «Знаешь, что сказал кузнечик, увидев холод и снег? “Когда я согрелся и напрыгался, настала зима”» (курсив наш. – М. Я.). Парвин Этесами через образ кузнечика (в басне Крылова это стрекоза) подчеркивает стремительный ход времени и утрату возможностей.

Далее автор предостерегает читателя от лени и излишней преданности удовольствиям, призывая избегать праздности. Она говорит: «О человек, стремись к знаниям, ибо связь науки и души подобна сочетанию соломы и янтаря». Физическое развитие человека само по себе не приводит к истинной цели, ведь душа художника или ученого оживает и становится

¹ Касыда, касида (کاسیده), поэтическая форма персидской поэзии. У Парвин есть касыды в форме моназере.

бессмертной благодаря науке и искусству. Тело, лишенное знаний, подобно голодному, слабому и немощному человеку. Следовательно, гармоничное развитие как души, так и тела может привести к прогрессу.

Поэтесса в этом произведении также подчеркивает важность выбора правильного пути в жизни, рекомендует искать помощи у опытных людей в выборе жизненного пути, ведь без наставника человек может заблудиться. Однако не каждый способен стать проводником. Те, кто следует за своими страстями и пороками, сами находятся в заблуждении и невежестве. Разумный человек не будет искать совета у того, кто сам блуждает без цели.

Этесами считает, что знания и искусство дают душе человека силу превращать обычное в драгоценное, наполняя его жизнь смыслом. Выступая в своих стихах в роли учителя морали, она призывает читателей различать друзей и врагов, не поддаваться внешним проявлениям и не очаровываться поверхностной красотой. Парвин упоминает Джамшида, который создал чашу для обозрения мира, но подчеркивает, что сам мир уже открыт для нашего познания.

Этесами рассматривает алчность и гордость как ржавчину для души, полагая, что их конечный результат – это унижение и позор. В касыде она сравнивает человека с земледельцем, который пожинает то, что посеял. Она подчеркивает, что люди должны стремиться к добру и благородным поступкам, так как именно это приведет к хорошим результатам.

Этесами восхваляет искреннее благочестие и набожность, однако замечает, что в наше время искренность редка. Например, она критикует судью своего времени, чья одежда соткана из взяток и лихвы. Человек может достичь величия, сохраняя сердце чистым и обретая знания, что символически означает успешный жизненный путь. Поэтесса считает, что единственное, что отличает человека от животных, – это умение приобретать знания и понимать искусство.

Далее мы сравним три басни Парвин Этесами и И. А. Крылова, чтобы раскрыть сходство их морали.

«Зеркало и обезьяна» И. Крылова и «Неуместный упрек / Некухеш биджа» Парвин Этесами

«Неуместный упрек»

Однажды Чеснок насмехался над Луком и сказал: «Какой неприятный запах у тебя, бедняжка!» Лук ответил: «Ты сам не осознаешь своего недостатка. Вот поэтому придираешься к людям. Если будешь разоблачать чьи-то недостатки, это не поможет тебе показать себя лучше. Ты представляешь себя цветком на ветке и думаешь, что выращен в одном ряду с кипарисом и тюльпаном. Или полагаешь, что у тебя тот же запах, как и у татарского мускуса, или он принадлежит к райским цветам? Не пытайся тщетно изображать величие, ты все тот же чеснок. Если этот путь извилист и неровен, то как ты думаешь преодолеть его? Тебе следует бросить более глубокий взгляд на себя и свою жизнь, описав свой собственный порок. Мы отвратительно злы и уродливы, но почему ты не омываешь нечистого тела?» [10, pp. 414–415]. (перевод с перс. яз. наш. – М. Я.).

Используя неодушевленные объекты, Парвин Этесами поэтически изобразила моральную дилемму. Мы знаем, что и чеснок, и лук полезны для человеческого здоровья, но у обоих есть неприятный запах. Эти двое являются символом людей с подобными чертами характера, как в басне. В самом деле, не существует человека, у которого нет недостатков, о чем на персидском языке есть пословица: «Цветок без порока – это Бог». Чеснок является символом высокомерных, самодовольных и эгоистичных людей, не признающих своих недостатков, но легко осуждающих других. Чеснок – совершенный вариант персидской пословицы о том, что человек замечает соломинку в чужом глазу, не замечая бревна в своем собственном. Он обвиняет других, указывает пальцем на них и считает себя безвинным. Заявляя об этой теме, Парвин Этесами намеревалась показать образ неприятного, придиричивого, не признающего свои недостатки человека. Несомненно, придирка – вечная тема, которая актуальна и во время Парвин Этесами, и Ивана Крылова. Чеснок безжалостно осуждает Лук, не замечая свои недостатки. Интересно, что он осуждает его в недостатке, которым обладает сам. Запах чеснока – более резкий и сильный, чем запах лука. Лук выступает как проповедник и пытается заставить Чеснок осознать свой порок. Эта басня напоминает нам о персидской пословице «Черный котел издевается над котлом за то, что он черный». Это значит у самого Котла есть недостатки, но он винит другой Котел в том же недостатке, что есть и у самого. В наследии Крылова существуют басни,

имеющие сходство в некоторыми моральными сентенциями, что есть и в моназере Парвин Этесами «Неуместный упрек». В басне «Зеркало и Обезьяна» И. Крылов, «высмеивая людские слабости и пороки – праздность, лень, тщеславие, лицемерие, трусость, <...> утверждал положительный идеал человека – гражданина и патриота» [1, с. 5]. Характер Матышки соответствует характеру Чеснока в моназере «Неуместный упрек» Парвин Этесами. Медведь обладает теми же характеристиками, что и Лук. Он мудр и проницателен. В этой басне отвратительной чертой Мартышки является придиричивость. Интересно, что она не осознает, что критикует свой же порок. И. Крылов в образе животного – обезьяны – представляет человека, который судит и обвиняет других. Мартышка так же, как и Чеснок, преувеличивает недостатки других и смеется над тем пороком, что есть у нее самой. Разница заключается в том, что у Медведя нет того порока, о котором судит Мартышка, а то, что она видит в зеркале и осуждает, на самом деле является собственным отражением. Она – символ глупых и невежественных людей, не осознающих свои собственные недостатки, но остро замечающих пороки других. Медведь намерен осведомить Мартышку о ее собственном недостатке, как и Лук в моназере Парвин Этесами.

«Роща и Огонь» И. Крылова и «КрОВАВАЯ КЛЯТВА / Ахде Хунин» Парвин Этесами

В «КрОвавой клятве / Ахде Хунин» поэтесса представляет разговор между Хищным Ястребом и Птицей. Однажды Хищный Ястреб предложил руку и сердце Птице. Всем ясно, что Ястреб и Птица никогда не бывают верными друзьями и помощниками друг другу. Ястреб является хищной птицей, а Птица является добычей для него. Ястреб обещает Птице, что если он женится на ней, то у нее все будет хорошо. Он обещает Птице внимание и поддержку. Основная мысль стихотворения заключается в ответе Птицы. Она ответила, что враг не сможет превратиться в друга, если схитрит. Если брак состоится, то их ждет в будущем только гибель, потому что они не являются соплеменниками и они не из одной породы. Ястреб обещал Птице дары: одежду, сделанную из перьев удода, просо. Но мудрая и дальновидная Птица знает, что не будет дружбы между врагами и запрещает и себе, и Хищ-

ному Ястребу обсуждение брака. Таким образом птица спасла себя от лап Ястреба, вспомнив жизненный опыт прошлого.

Иван Крылов описывает невозможность дружбы с врагом в нравоучительной басне «Роща и Огонь». Роще повредила дружба с Огнем и даже ее уничтожила. Эта дружба заканчивается гибелью Рощи. Но нравственный смысл обеих басен одинаков и заключается в персидских пословицах: «Свекла не заменяет мясо, а враг не превращается в друга» или «Нельзя считать своего врага презируемым и жалким». В басне «Роща и Огонь» Иван Крылов рассказывает историю в форме диалога между Огнем и Рощей. Это два элемента, между которыми не может быть дружбы с начала творения. Огонь и Роща никогда не соединяются в одном месте, и это всем понятно. В этой басне Огонь хитро обманывает Рощу, и они договариваются о дружбе.

Роща является символом непредусмотрительного и легкомысленного человека, не применяющего опыт прошлого, а Огонь является символом эгоистичного человека, который думает только о своих интересах. Он хитростью уговорил Рощу дружить. В персидском языке есть пословица: «Врага нельзя считать низким и жалким». Роща считала своего вечного врага другом, и вследствие этого произошла трагедия.

Роща легкомысленно согласилась на дружбу с Огнем, за что и поплатилась. Действительно, Иван Крылов намеревался в этой басне предостеречь от корыстной и ложной дружбы. Легковерная Роща обманута Огнем. На самом деле поэт собирался осведомлять публику о необходимости быть проницательным и предусмотрительным. И. Крылов также рекомендует читателям выбирать друзей внимательно и осознанно. Никогда ложные обещания не приведут к дружбе.

«Котел и горшок» И. Крылова и «Желание о равенстве / Шог Барабари» Парвин Этесами

Мудрая поэтесса Парвин Этесами указала на важность равенства в любви, дружбе и других социальных отношениях в произведении «Желание о равенстве». Это басня о маленькой Галке, которая гнездилась на вязе в Индии. Жила, пока однажды не подумала, что наступила весна, и ее друзья собирались гулять в саду. Галка думала, как долго ей надо оставаться на ветке? Хорошо бы полетать и везде побывать.

Наконец, Галка отправилась в сад. Там было несколько Павлинов, которые красовались перед ней, хвастались и привлекали ее внимание. Красота Павлинов очаровала Галку, она вдруг подумала о том, чтобы превратиться в Павлина. Осмотрев сад, она собрала несколько красивых перьев и украсила ими свою голову и хвост. Она оптимистично подумала, что никто не узнает ее в этом саду. Она представила себя в облике Павлина. Следуя за Павлинами, она гуляла в саду, и вдруг один из них осознал ее выдумку. Он сразу снял с нее чужие перья и сказал: «О, несчастная Галка, эти перья подходят нам, но не тебе. Наши перья не улучшили твою внешность и не приблизили тебя к нам в поведении. По своей натуре и природе ты не похожа на нас, ты – Галка, а не Павлин». Действительно, басня соответствует персидской пословице «Голубь с голубем, ястреб с ястребом». Задача поэтессы заключалась в том, чтобы донести до читателя значительность равенства и сходства в социальных отношениях. Это сходство не должно быть искусственным или достижимым, оно должно существовать по натуре. Если кто-то попытается создать сходство с помощью хитрости и обмана, то оно не будет истинным – все равно обман раскроется. Идея басни П. Этесами «Желание о равенстве» схожа с идеей басни Крылова «Котел и Горшок».

Басня Крылова начинается с описания глубокой дружбы между Котелком и Горшком, пока Котел не решил путешествовать. Никогда эти двое не разлучались ни на мгновение, всегда были вместе. Читателям очевидно, что материал, размеры и емкость Котла и Горшка различны, но из-за дружбы и сильной любви собственные отличия были проигнорированы ими. Горшок оказался уязвим при путешествии по горам на телеге. В результате Котел вернулся из поездки домой в полном здравии, а от Горшка осталось лишь несколько отломанных кусков. Сам поэт заключает, что равенство и сходство в любви и дружбе необходимо.

Обсуждение и выводы

Писателям и поэтам разных стран свойственно находиться под влиянием друг друга. В качестве сближающих факторов можно назвать знакомство с литературными произведениями, переводами, созданными в схожих социально-политических

и культурных условиях. После сравнительного анализа стихотворений Парвин Этесами и басен Ивана Крылова и беглого рассмотрения стиля письма того и другого, мы пришли к выводу, что Парвин Этесами не только была знакома с баснями И. Крылова, но и непосредственно цитировала фрагменты его басен. Сходные нравственные темы есть во многих стихотворениях Парвин Этесами и И. А. Крылова, что можно объяснить многими факторами. Прежде всего, следует отметить, что оба поэта писали о нравственности, считали себя близкими к народу и простым слоям общества, старались нравственно воспитывать читателей с целью улучшения социальной ситуации. По этой причине язык у них обоих выразительный, простой и понятный для всех слоев общества. Оба были защитниками прав людей, выступали против любого насилия, тирании, несправедливости в обществе и защищали права угнетенных и незащищенных людей. В процессе анализа мы также пришли к выводу, что пороки и недостатки в том и другом обществах очень похожи друг на друга, что стало причиной сходства тем и художественных приемов в произведениях обоих авторов. Интересно отметить, что хотя эти два поэта не были современниками, они видели проблемы общества одинаково, и оба они использовали такие темы, как призыв к труду и усилиям, патриотизм, уважение и поддержка незащищенных слоев общества, выступали против невежества и несправедливости в обществе своего времени. Парвин Этесами и Иван Крылов, русский и иранский поэты, своей творческой деятельностью произвели большие преобразования в литературе своих стран, их творчество стало поворотным моментом в создании основ национальных литератур.

Список литературы

1. Борковский Ю. И., Золина Н. А., Мацук А. Н., Озерова Н. И., Ушакова Н. П. Тексты художественных произведений и их лингвистический анализ: учебное пособие для иностранных студентов-филологов. – М.: Русский язык, 1986. – 76 с.
2. Карими-Мотаххар Дж. Учебное пособие по русской литературе: От фольклора и древнерусской литературы до конца XIX века. – Тегеран: Пажухешга-е Улум-е Энсани ва Муталеат-е фарханги, 2009. – 506 с.
3. Кошемчук Т. А., Рейснер М. Л., Яхьяпур М. Богопознание поэта: творчество Парвин Этесами в контексте иранской духовной традиции // Концепт: философия, религия, культура. – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 41–58.
4. Степанов Н. Л. Русская басня XVIII и XIX века. – Л.: Советский писатель, 1949. – 528 с.

5. Этесами П. Путешествие слезы: Избранные стихотворения. Предисловие к переводу Бехара. Пер. с перс. – М.: Наука, 1984. – 109 с.
6. Яхьяпур М., Кошемчук Т. А. (2019), Диалоги в лирике иранской и русской поэзии: Парвин Этесами и Анны Ахматовой // Филология и человек. – 2019. – № 4. – С. 96–110.
7. Aesop. Aesop's Fables, Ancient Greece / trans. by Halabi A.-A. – Tehran: Asatir, 1994. – 291 p.
8. Aryanpur Ya. From Nima to our time. Tehran: Zavvar, 2003. – 698 p.
9. Beig-zadeh Kh., Almasi A. Representation of Children's Educational Lessons in La Fontaine's Fables // Journal of Didactic Literature. – 2016. – Vol. 8. – Issue 31. – Pp. 109–138.
10. Etesamy P. Dyvan Parvyn Etesamy / By Rajabzadeh's efforts. – Tehran: Al-Ghadir. 1995. – 660 p.
11. Kerachi R. Descriptive bibliography of Parvin Etesami. – Tehran: Ministry of Culture and Islamic Guidance, 2009. – 135 p.
12. Moayyad H. Parvin Etesami's place in Persian poetry // Journal of Iranian Studies. – 1989. – Vol. 1. – Issue 2. – Pp. 212–239.
13. Mohseninia N., Mirzaie R. (2014) A survey on status of Mirza Yousefkhān Etesamolmolk (Etesami) and his contributions to Persian & Arab Literature // Arabic Literature (Faculty of Letters and Humanities). – 2013. – Vol. 1. – Issue 1. – Pp. 193–212.
14. Momtēhen M., Mohammadi G. Parvin Etesami in the passage of educational literature // Journal of Educational Literature. – 2011. – Vol. 3. – № 10. – Pp. 123–152.

Личный вклад соавторов
 Personal co-authors contribution
 40/20/40 %

Marzieh Yahyapour, Houra Gharib Hosseini,
 Janolah Karimi-Motahhar

Krylov's Fables as a Source of Inspiration Parvin Etesami's Monazerat

The article reflects the influence of the famous poet of Russian literature of the 18th century, Ivan Andreevich Krilov on the modern Persian poetess Parvin Etesami. The purpose of the essay is to compare the similarities in the literary style, subject, content of the works and opinion of the mentioned poets, moral teachings depending on the political, cultural and geographical situation. The didactic literature of each country expresses different moral teachings depending on its political, cultural and geographical situation. Existing social, political and cultural situation in the lives of the mentioned poets was reflected in their works. They, tried to portray the shortcomings of their society in the as a representative of their people. Comparing the selective fables of I. A. Krilov and Parvin Etesami, we will consider the living conditions and society of the poets. We noted the influence of the world's great fabulists on poets and reveal the moral and teaching messages of each fable. Comparing the similarities and differences of their work, we came to the conclusion that the influence of leading fabulists like Aesop and La Fontaine, the presence of identical social, political and cultural conditions, the reign of cultural and economic poverty, oppression, injustice, autocratic rule, etc. substantiated the appearance of similar literary works in Iran and Russia.

Key words: Ivan Andreevich Krilov, Parvin Etesami, Monazere, didactic literature, Fable, morality, allegory.

For citation: Yahyapour, M., Gharib Hosseini, H., Karimi-Motahhar, J. (2025) Basni I. Krylova kak istochnik vdohnoveniya didakticheskikh proizvedenij Parvin Etesami [Krylov's Fables as a Source of Inspiration Parvin Etesami's Monazerat]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 98–111. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_98. EDN: PHIOPU

References

1. Borkovskij, YU. I., Zolina, N. A., Macuk, A. N., Ozerova, N. I., Ushakova, N. P. (1986) *Teksty hudozhestvennykh proizvedenij i ih lingvisticheskij analiz: uchebnoe posobie dlya inostrannykh studentov-filologov* [Texts of works of art and their linguistic analysis: a textbook for foreign students majoring in philology]. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russian).
2. Karimi-Motahkhar, Dzh. (2009) *Uchebnoe posobie po russkoj literature: Ot fol'klora i drevnerusskoj literatury do konca XIX veka* [Textbook on Russian literature: From folklore and old Russian literature to the end of the 19th century]. Tegeran: Pazhuheshga-e Ulum-e Ensani va Mutaleat-e farhangi. (In Russian).
3. Koshemchuk, T. A., Rejsner, M. L., Yah'yapur, M. (2022) Bogopoznanie poeta: tvorchestvo Parvin Etesami v kontekste iranskoj duhovnoj tradicii [The poet's knowledge of God: the work of Parvin Etesami in the context of the Iranian spiritual tradition] *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura - Concept: philosophy, religion, culture*. Vol. 6. No. 2. Pp. 41–58. (In Russian).
4. Stepanov, N. L. (1949) *Russkaya XVIII i XIX* [Russian fable of the 18th and 19th centuries]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
5. Etesami, P. (1984) *Puteshestvie slazy: Izbrannye stihotvoreniya*. Predislovie k perevodu. Per. s pers. [Journey of a tear: Selected poems. Preface to Behar's translation. Transl. from Persian]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
6. Yah'yapur, M., Koshemchuk, T. A. (2019) Dialogi v lirike iranskoj i russkoj poetess: Parvin Etesami i Anny Ahmatovoj [Dialogues in the lyrics of Iranian and Russian poetesses: Parvin Etesami and Anna Akhmatova]. *Filologiya i chelovek - Philology and Man*. No. 4. Pp. 96–110. (In Russian).
7. Aesop (1994) *Aesop's Fables, Ancient Greece*. Trans. by Halabi A.-A. Tehran: Asatir. (In Persian).
8. Aryanpur, Ya. (2003) *From Nima to our time*. Tehran: Zavvar Publ. (In Persian).
9. Beig-zadeh, Kh., Almasi, A. (2016) Representation of Children's Educational Lessons in La Fontaine's Fables. *Journal of Didactic Literature*. Vol. 8. Issue 31. Pp. 109–138. (In Persian).
10. Etesami, P. (1995) *Dryan Parvyn Etesami*. By Rajabzadeh's efforts. Tehran: Al-Ghadir. Publ. (In Persian).
11. Kerachi, R. (2009) *Descriptive bibliography of Parvin Etesami*. Tehran: Ministry of Culture and Islamic Guidance Publ. (In Persian).
12. Moayyad, H. (1989) Parvin Etesami's place in Persian poetry. *Journal of Iranian Studies*. Vol. 1. Issue 2. Pp. 212–239. (In Persian).
13. Mohseninia, N., Mirzaie, R. (2013) A survey on status of Mirza Yousefkhani Etesamolmolk (Etesami) and his contributions to Persian & Arab Literature. *Arabic Literature (Faculty of Letters and Humanities)*. Vol. 1. Issue 1. Pp. 193–212. (In Persian).
14. Montehen, M., Mohammadi, G. (2011) Parvin Etesami in the passage of educational literature. *Journal of Educational Literature*. Vol. 3. No. 10. Pp. 123–152. (In Persian).

Об авторах

Яхьяпур Марзие, профессор, Тегеранский университет, кандидат филологических наук (Тегеран, Иран); e-mail: myahya@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0001-8195-6909

Гариб-Хоссейни Хура, магистр, Тегеранский университет (Тегеран, Иран); e-mail: hgharinhosseini@ut.ac.ir; hourahosseini1998@gmail.com; ORCID ID: 0009-0006-8827-3530

Карими-Мотакхар Джанолах, профессор, Тегеранский университет, кандидат филологических наук (Тегеран, Иран); e-mail: jkarimi@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0002-6072-5797

About the Authors

Marzieh Yahyapour, Professor, University of Tehran, PhD in Philology (Tehran, Iran); e-mail: myahya@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0001-8195-6909

Houra Gharib Hosseini, M.A. in Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran); E-mail: hgharinhosseini@ut.ac.ir; hourahosseini1998@gmail.com; ORCID ID: 0009-0006-8827-3530

Janolah Karimi-Motahhar, Professor, University of Tehran, PhD in Philology (Tehran, Iran); e-mail: jkarimi@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0002-6072-5797

дата получения: 26.12.2024 г.
дата принятия: 30.01.2025 г.
дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 26 December 2024
date of acceptance: 30 January 2025
date of publication: 27 March 2025

[illegible]

ЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

Г. М. Мандрикова

Прецедентная ситуация: возможности описания и верификации (на примере ПС «Петров и Боширов»)

В статье обсуждается проблема исследования такого прецедентного феномена, как прецедентная ситуация (ПС). Ее изучение заметно отстает от других прецедентных феноменов (прецедентного текста, прецедентного имени, прецедентного выражения). Связано это с тем, что исследователи, как правило, не практикуют ее комплексный анализ, решающий в том числе задачу верификации этой ситуации как прецедентной. Выбор определенных позиций такого описания связан с теми концептуальными для ПС характеристиками, которые были предложены исследователями, занимающимися теорией прецедентности в целом и научным описанием прецедентной ситуации в частности. Описание и верификация прецедентного статуса гипотетических ПС, активно используемых носителями языка в различных типах дискурса, позволит выйти на новый уровень изучения данного прецедентного феномена. Предлагаемая в работе 5-ступенчатая процедура описания ПС, представляющая комплексный анализ ПС, позволяет исследователю не только достичь поставленных целей, но и выявить так называемые проблемные места, указывающие на особенности функционирования конкретной ПС в современной коммуникации.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентная ситуация (ПС), когнитивный подход, процедура анализа ПС.

Для цитирования: Мандрикова Г. М. Прецедентная ситуация: возможности описания и верификации (на примере ПС «Петров и Боширов») // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 114–132. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_114. EDN: PXVVCC

Вопрос о возможности изучения прецедентных феноменов (прецедентного текста, прецедентного имени, прецедентного выражения, прецедентной ситуации и др.) как объекта когнитивных исследований является предметом научных дискуссий (см.: [3; 7–8, 10; 14; 17] и др.). Дело в том, что современное понимание теории прецедентности далеко ушло от упрощенного представления о ней как о системе прецедентных феноменов. В доказательство считаем нужным

привести слова Н. А. Голубевой о феномене прецедентности, который она описывает следующим образом: это когнитивное понятие, которое «раскрывается не только через набор таких когнитивных признаков, как общеизвестность, образность, отсылочность, ассоциативность, типичных для прецедентных феноменов», но и обладает «общей знаковой способностью любого лингвистического явления производить и быть производным на уровне системы языка и/или дискурса» [2, с. 48].

Из наиболее известных прецедентных объектов (текста, имени, выражения и ситуации) именно прецедентная ситуация (ПС) привлекает особое внимание, поскольку ее изучение связано с рядом трудностей, преодоление которых требует постановки некоторых теоретических и практических задач, главной из которых считаем доказательство «прецедентного» статуса ПС. Отметим, что ПС «проигрывает» другим прецедентным феноменам по числу посвященных ей исследований. Предполагаем, что некоторое «невнимание» к ее изучению отчасти может объясняться тем, что до сих пор нет какого-либо системно оформленного предложения о процедуре описания некоторой ситуации как прецедентной. Имеется в виду то обстоятельство, что, исследуя, к примеру, прецедентное имя (ПИ), любой автор может использовать схему анализа, предложенную в свое время Д. Б. Гудковым [5], как уже зарекомендовавшую себя исследовательскую процедуру. При этом в научной литературе, посвященной теории прецедентности, прецедентным феноменам в целом и ПС в частности, существует перечень основных характеристик ПС. Представляется, что признаки ПС, предлагаемые различными учеными, могут быть основой ее анализа как прецедентного феномена.

В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева, И. В. Захаренко в совместном исследовании «Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации» в первую очередь называют следующие характеристики ПС: а) это определенная «эталонная», или «идеальная», ситуация (т. е. она является неким образцом для всех последующих); б) она обладает набором признаков, известных лингвокультурному обществу; в) эта ситуация выражается через ПИ или ПВ [9].

Д. Б. Гудков в работе «Прецедентная ситуация и способы ее актуализации», определяет ПС как реальную единичную

ситуацию, которая 1) обладает семантикой (представление о каком-то действии); 2) дает представление об участниках действия; 3) имеет основные коннотации (то, что ассоциируется с данной ПС); 4) предполагает оценку; 5) является знаком для социализированных представителей общества [4].

По мнению Н. А. Голубевой, «прецедентная ситуация – это сюжет». Автор в качестве примера ПС называет ситуацию «предательства Иудой Христа, которая понимается как "эталон" предательства вообще» [1, с. 262]. К уже названным характеристикам ПС Н. А. Голубева добавляет то, что а) ПС выступают в качестве «фоновых знаний», которыми должен обладать слушающий / читающий и б) именно фоновые знания создают определенные образы для того, чтобы актуализировать эту ситуацию [1], уточняя по сути пункты 3 и 4 в характеристиках Д. Б. Гудкова. Примерно о том же пишет и П. С. Артемьева (актуализируя пункты 1 и 5 по Д. Б. Гудкову), ср.: прецедентная ситуация может а) являться определенным сюжетом; б) выполнять функцию напоминания, актуализируясь через упоминание в сознании слушающего / читающего¹.

К сказанному добавим, что большинство исследователей, описывая ПС, также опираются на утверждения о том, что ПС – это некоторое важное реальное событие, закрепившееся в языковом сознании носителей определенной (русской) лингвокультуры с какой-либо эмоциональной оценкой, причем выражаться и актуализироваться некая ПС может через другие прецедентные феномены (ПИ, ПТ, ПВ) и (или) атрибуты / реалии, сопровождающие эту ПС. Так, А. П. Чудинов считает, что «яркие признаки данной ситуации запечатлены в народном сознании с той или иной эмоциональной оценкой» [17, с. 137]. В свою очередь, Т. В. Лобан, описывая прецедентные феномены, уточняет, что в качестве ПС могут выступать: 1) реальные события, которые важны для лингвокультурного общества, например, трагедия Хиросимы и Нагасаки; 2) факт или случай из жизни реального известного человека, например, Ньютон и яблоко [10].

Все сказанное позволяет утверждать, что основные характеристики ПС, предложенные исследователями, могут лечь в основу создания процедуры комплексного анализа данного

¹ Артемьева П. С. Прецедентные феномены как выразительное средство: диалог культур в художественном тексте: дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2016. 163 с.

прецедентного феномена, которая, на наш взгляд, является сегодня актуальной исследовательской проблемой.

Материалы и методы

Объектом исследования является прецедентная ситуация, предметом – возможность ее комплексного описания с позиций когнитивного подхода. Цель исследования – предложить процедуру описания ПС и верификации ее прецедентного статуса на базе представленных в научных исследованиях характеристик ПС как прецедентного феномена. Практические задачи исследования состоят в следующем:

1) сделать выборку контекстов, содержащих единицу «Петров и Боширов» (в качестве источника выступают комментарии пользователей новостного сайта AfterShock.news – сообщества, в котором ежедневно обсуждают экономику, политику и финансы);

2) выявить: а) контексты, в которых идет сравнение с реальной ситуацией; б) контексты, демонстрирующие признаки / характеристики ПС; в) контексты, в которых представлены способы выражения рассматриваемой гипотетической ПС через другие ПФ и атрибуты, связанные с ПС «Петров и Боширов»;

3) провести описание по предложенной схеме анализа ПС.

Сразу оговоримся, что активное функционирование названной предполагаемой ПС отмечается, как правило, в медиакommunikации, причем в таком сегменте, как обсуждение / комментирование текущих новостей / событий международной политики, поскольку сама история возникновения данной ситуации напрямую связана именно с такой повесткой.

Всего было собрано около 100 контекстов с единицей «Петров и Боширов», однако последующий отбор исключил часть контекстов, так как они содержали упоминание «реальных личностей» Петрова и Боширова. Стоит отметить, что большая часть контекстов представляет собой реакцию пользователей на какую-то новость, точнее, комментарий к ней. Количество контекстов может постоянно пополняться, поскольку упоминание «Петрова и Боширова» на указанном ресурсе происходит практически ежедневно.

Характер материала и поставленные в работе задачи потребовали использования следующих методов: описательно-аналитического, контекстуального и концептуального анализа.

Результаты

Учитывая существующие взгляды исследователей на ПС как прецедентный феномен и предложенные ими характеристики данного объекта, считаем, что исследователь, изучая некоторую ситуацию как прецедентную, в своем анализе должен показать:

1) возможность соотнесения предполагаемой ПС с реальным событием (ситуацией / сюжетом) и потенциальную способность служить своего рода «образцом» при описании других (подобных) событий;

2) наличие в предполагаемой ПС когнитивной ценности, что позволяет выявить инварианты восприятия и представления данной ПС, а также может ли она служить неким знаком / напоминанием для общества в целом или его части;

3) наличие в предполагаемой ПС аксиологической ценности, т. е. той или иной оценки, разделяемой обществом в целом или его частью;

4) наличие в предполагаемой ПС лингвокультурной ценности для общества в целом или его части;

5) способы актуализации предполагаемой ПС в языковом сознании носителей языка.

Совокупность предложенных шагов позволяет говорить о возможности комплексного подхода к анализу гипотетической ПС. Для оценки предложенной процедуры анализа в качестве «рабочего инструмента» описания и верификации прецедентной ситуации предлагаем обратиться к двум ПС.

Первая ПС: «классическая» (почти всемирно известная), т. е. не вызывающая сомнений ПС *«Ромео и Джульетта»*. Обратим внимание на то, что именно эта ПС часто приводится в качестве примера в исследованиях по прецедентности, т. е. она давно подтвердила свой прецедентный статус в русском языковом сознании / лингвокультуре (и в европейском тоже). Считаем, что такая ПС сможет продемонстрировать «работоспособность» предложенной нами процедуры анализа, на основе которой можно доказать наличие / отсутствие прецедентного статуса единицы, рассматриваемой как ПС.

Вторая ПС: гипотетическая ситуация *«Петров и Боширов»*, несомненно существующая в настоящее время в языковом сознании части русского общества, но требующая, на наш взгляд, серьезного научного подтверждения в виде анализа «на прецедентность».

Поскольку ПС «Ромео и Джульетта» доказательств своей прецедентности не требует, то представим ее краткий анализ в виде таблицы (Таблица). В настоящем анализе, разумеется, все подобные выводы делаются на основе обстоятельной работы с большим количеством контекстов, подтверждающих упоминание некой ситуации не как реального факта [12].

Таблица

«Ромео и Джульетта» как прецедентная ситуация

Основные признаки / характеристики прецедентной ситуации	Описание характерных признаков прецедентной ситуации
Реальность события (ситуации, сюжета)	Как исторический факт не имеет подтверждения, считается вымыслом с целью привлечения туристов, но является всемирно известной литературной историей / сюжетом (благодаря В. Шекспиру).
Когнитивная ценность (инварианты восприятия и представления)	Реализация функции напоминания на основе фоновых знаний. Анализ контекстов показал наличие 3-х инвариантов восприятия данной ПС: 1) влюбленные, которые совершили самоубийство или умерли вместе: «А если судьба разлучит нас, то мы немедленно покинем этот мир, как Ромео и Джульетта» («Любовь – это болото, где тонут два идиота». КП, 2003); 2) влюбленные, чьей любви препятствуют их семьи: «... к примеру, родители принадлежат к разным сословиям или враждуют домами, а дети вдруг полюбили друг друга. Ромео и Джульетта, так сказать. Ну, и дети благородно борются за любовь» (Белкина Е. От любви до ненависти, 2002); 3) влюбленные, которые не могут воссоединиться из-за каких-либо препятствий: «Не стала снимать свой первый фильм в комфортных условиях и при участии именитых друзей, а поехала в бывшую Югославию, где вместе с натуральными боснийскими и сербскими артистами рассказала на их же языке историю сербского Ромео и боснийской Джульетты, разделенных войной на Балканах» («Русский репортер», 2012). Реализация того или иного варианта зависит от способа актуализации в коммуникации.
Аксиологическая ценность	ПС в основном оценивается как некое печальное событие, сочувствие к несчастным влюбленным, символ несчастной любви, которой кто-то / что-то помешало; реже – ирония (в зависимости от контекста).
Лингвокультурная ценность	Воспроизводится известная псевдоисторическая / литературная история, известная практически любому человеку в России (либо знание текста В. Шекспира, либо сюжета): изучение В. Шекспира в школе, знакомство с экранизациями, известность Ромео и Джульетты как символа несчастных влюбленных и т. п.
Способы актуализации	ПС выражается через другие ПФ – прецедентное двойное имя «Ромео и Джульетта» и прецедентный текст Шекспира.

Прежде чем обращаться к ПС 2 – «Петров и Боширов» (варианты «ПуБ», П&Б), обратим внимание на то, что данная ПС, как нам представляется, является социумно-прецедентным феноменом, поскольку она широко известна прежде всего тем людям, которые интересуются политикой и текущими событиями, за которыми они следят преимущественно в интернете. Сказанное позволяет нам рассматривать ситуацию «Петров и Боширов» в качестве потенциальной прецедентной ситуации.

Рассмотрим схему / процедуру комплексного анализа гипотетической ПС.

I. Возможность соотнесения предполагаемой ПС с реальным событием (ситуацией / сюжетом) и потенциальная способность служить своего рода «образцом» при описании других (подобных) событий

Для целей нашего исследования считаем необходимым, как бы странно это ни выглядело, обратиться за информацией о реальных событиях, связанных с возникновением ПС «Петров и Боширов», к Википедии, поскольку, по мнению В. А. Мишеневой, для «прототипических явлений, которые приобрели статус прецедентных знаков» (феноменов. – Г. М.), необходимо давать «культурологический комментарий» [14, с. 70].

Александр Евгеньевич Мишкин (по документам прикрытия – Александр Евгеньевич Петров) и Анатолий Владимирович Чепига (по документам прикрытия – Руслан Тимурович Боширов) – офицеры российской военной разведки (по данным властей США, Великобритании и Евросоюза), которые в марте 2018 года участвовали в отравлении бывшего агента ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери, осуществленного с использованием боевого отравляющего вещества «Новичок». В 2018–2019 годах США и Евросоюз ввели против Петрова и Боширова персональные санкции за «применение химического оружия». По данным Википедии, отравление Скрипалей произошло 4 марта 2018 года в г. Солсбери (Великобритания). «The Daily Telegraph» сообщила, что британская полиция и спецслужбы определили главных подозреваемых в покушении на Скрипалей, они находятся в России¹.

¹ Мишкин, Александр Евгеньевич // Википедия. Электронный ресурс. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.11.2024).

Как уже отмечалось, единица «Петров и Боширов» становится очень активной в комментариях интернет-пользователей, если обсуждаются новости, связанные с любыми происшествиями за рубежом, вроде взрывов, обрушений, падений конструкций, мостов, крушений поездов и т. п., поскольку в западной прессе сразу возникает пресловутый «русский след». Иначе говоря, так называемое «дело Скрипалей» – это, по сути, прототипическая ситуация, которая постоянно «воспроизводится», но – и это очень важно! – как насмешка над западной прессой и так называемым «общественным мнением», которые заняты поиском русских шпионов и диверсантов.

В реальности произошедшего в марте 2018 года нет сомнений: это точно некая реальная ситуация / событие / сюжет («дело Скрипалей»), о которой знают авторы высказываний и которую они используют посредством упоминания единицы «Петров и Боширов». Сравнение двух похожих, на их взгляд, ситуаций оправдано тем, что реальная ситуация «обвинение именно русских во всех бедах» (как это было в ситуации с реальными Петровым и Бошировым) может служить своего рода образцом для подобных случаев, где обвиняют русских, не приводя серьезных доказательств [11].

II. Наличие в предполагаемой ПС когнитивной ценности – выявление инвариантов восприятия и представления данной ПС, а также ее возможности быть знаком / напоминанием

Некоторые теоретические положения Д. Б. Гудкова о когнитивной базе, включающей представления носителей языка о прецедентных феноменах, прокомментировал С. А. Новиков, который считает, что «когнитивная база включает в себя не конкретные представления о ПФ, которые отражали бы весь спектр характеристик прецедента, а и н в а р и а н т ы (разрядка наша. – Г. М.) существующих и возможных представлений» [16, с. 125]. Эту же мысль высказывает и В. В. Красных: «Для включения в когнитивную базу прецедентные феномены должны получить инвариант восприятия» [9, с. 65], а Д. Б. Гудков называет такие инварианты «национально детерминированными минимизированными представлениями» [3, с. 84]. Следовательно, когнитивную базу образуют именно инварианты.

Добавим, что, по мнению В. В. Красных, «комплекс когнитивных структур, стоящий за прецедентным феноменом, представлен лингвистическими (знание словесной формы) и феноменологическими (знание какого-либо явления или ситуации) структурами. Соответственно прецедентному имени и высказыванию присущи оба типа структур, в то время как для прецедентной ситуации и текста характерны феноменологические структуры» [9, с. 110–111].

Анализ контекстов, включающих единицу «Петров и Боширов», показал, что обнаруживаются 3 инварианта ее восприятия:

1) русские (агенты / шпионы), которые стоят за разными чрезвычайными происшествиями (авиакатастрофами, взрывами и т. п.) во враждебных России государствах: Хорошо работают **П&Б** – скрытно; На востоке США в штате Индиана загорелся завод по переработке и хранению пластика. Произошел огромный выброс токсичного дыма. **Петров**: Да мы за одноразовой посудой в магазин при заводе зашли. **Боширов**: Ну да, на шашлычки шли!»; Август месяц. Астрологи предсказывают рост пожаров зернохранилищ в странах НАТО. **Петров и Баширов** крышуют польских фермеров?; Во Львове пропала гуманитарная помощь из США почти на \$1 млн. – Ай-ай-ай! Кто это сделал? **П&Б**, разумеется; У бритов считают, что французы виноваты. **Петрову и Баширову** на вид поставить, расслабились; Русские хакеры взламывают бортовой комп, тот выкидывает пилота, отключает систему слежения и угоняет борт на Кубу, где его принимают русские специалисты, Путин вручает госнаграды **ПиБ**; Израильский танк Merkava 2 исчез из тренировочной зоны на севере Израиля... Полиция заявила, что в связи с кражей арестовала двух подозреваемых. Опять **Петрова и Баширова** заочно?¹

2) люди, которые выполняют любое задание Родины: Интересно, **Петрову с Башировым**, по сумме выполненных заданий – какое звание теперь полагается? Маршальское? А если предложит скинуться и создать памятник **Петрову и Боширову** – непобедимым и скромным героям! Ведь их официально ни разу не наградили. А они столько уже сделали для Родины!; Популярность **Петрова и Баширова** затмила Джона Леннона. Пора им памятник при жизни ставить, место пропадает –

¹ Примеры здесь и далее взяты с сайта: <https://aftershock.news>

вместо Феликса. И по профилю; А заседание Палаты Лордов ирландские террористы **Петров и Боширов** подорвать не могут?

3) люди, которые на все способны: Россияне первыми в мире совершили прыжок из стратосферы на Северный полюс. Это более быстрый способ отправить «**Петрова и Боширова**» в некоторые места...; Начинаю подозревать, что Вован и Лексус на самом деле **ПиБ**; А доказательства где? Где фотки **Петрова с Бошировым**, управляющими РЭБ? Может, там было НЛО. Прилетело, посидело, и опять улетело; В Германии из-за слабого ветра наблюдается резкое подорожание электроэнергии. **Петров и Боширов** останавливают ветер и Гольфстрим?; **Петров и Боширов** до сих пор никогда не были в космосе (насколько мне известно).

Инвариант о русских агентах / диверсантах, который активно используется на Западе по мере надобности, далеко не нов, поэтому интернет-комментаторы позволяют себе различного рода шутливые высказывания по поводу событий из США и других стран, упоминая при этом именно «русских агентов» **Петрова и Боширова**, поскольку данная единица как раз выполняет функцию знака / напоминания о том, кто во всем виноват, – русские!

Инвариант «люди, которые выполняют любое задание (Родины)» также важен для восприятия единицы «**Петров и Боширов**», поскольку он придает «русским агентам» ореол патриотизма и преданности делу, которому они служат (возникает образ Штирлица – полковника Исаева, фильм «Подвиг разведчика» и под.). Иначе говоря, данная единица используется уже не в качестве намека на диверсию, а с целью показать готовность к выполнению поставленных Родиной задач в тылу врага (особенно хорошо этот инвариант представлен в различных мемах).

Инвариант «люди, которые на все способны», укладывается в мифологему о непредсказуемых русских, которых нельзя ни победить, ни перепить, ни понять ...

Таким образом, ПС «**Петров и Боширов**» обладает когнитивной ценностью, «встраиваясь» в определенный фрагмент картины мира как еще одно доказательство противостояния «Россия – Запад», которое продолжается уже несколько веков, и в котором русским приписываются самые злодейские умыс-

лы, при этом сами русские воспринимают подобное отношение как а) несправедливое и б) глупо-бездоказательное [11].

III. Наличие в предполагаемой ПС аксиологической ценности, разделяемой обществом в целом или его частью

Аксиологическая ценность ПС состоит в том, что та или иная оценка события в ПС разделяется обществом в целом или его частью. Каждое появление языковой единицы «Петров и Боширов» связано у авторов интернет-комментариев с иронией, насмешкой, иногда сарказмом по отношению к попытке иностранных журналистов, государственных / политических деятелей, историков, политологов, экспертов и т. д. «привлечь» русских к ответу за многие события, происходящие в их странах, да и в любой точке мира: В Сейревилле (Нью-Джерси, США) рыба, упавшая с неба, которую, по-видимому, уронила какая-то птица, уничтожила трансформатор и оставила без электричества 2100 абонентов почти на 2 часа. – Птица? Когда это **Петров и Боширов** стали птицами?; **Петров и Боширов** переоделись бобрами и устроили наводнение в Польше и Испании, не сомневайтесь; Кабель между Швецией и Латвией поврежден в Балтийском море. В настоящее время подозрения ВМС сосредоточены на двух судах, которые плавали рядом с кабелем в момент повреждения. – Суда "Капитан **Петров**" и "Майор **Боширов**"?; Глава британской разведки заявил, что Россия стоит за "ошеломляюще безрассудными" диверсиями в Европе. – Так, а что конкретно сотворили **Петров и Боширов** на этот раз? А то чет даже пробирочки никакой не видно – тут даже сову хайли-лайкли на глобус воспаленного воображения не натянешь...; Ну вот, наконец-то, а то **П и Б** извертелись все, что про них все забыли.

Можно сказать, что данная единица однозначно входит в разряд оценочной общественно-политической лексики, активно используемой в медиакоммуникации.

IV. Наличие в предполагаемой ПС лингвокультурной ценности для общества в целом или его части

Напомним, что прецедентные феномены – это определенные «целостные единицы коммуникации, являющиеся апелляцией к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью для отдельно взятой языковой личности или лингвокультурного сообщества в целом [15, с. 22].

С одной стороны, прецедентную ситуацию «Петров и Боширов» можно рассматривать как проявление определенных лингвокультурных концептов, уходящих в фольклорные традиции: очень ценится в русской картине мира мужская дружба, основанная на совместной борьбе, работе, идеалах, а также часто встречающиеся в литературе и искусстве парные герои – защитники, друзья, единомышленники ...: «Чук и Гек» Аркадия Гайдара, фильмы «Два бойца», «Приключения Петрова и Васечкина» и, конечно же, сразу вспоминается «Сын артиллериста» К. Симонова:

Был у майора Деева
Товарищ – майор Петров,
Дружили еще с гражданской,
Еще с двадцатых годов.
Вместе рубали белых
Шашками на скаку,
Вместе потом служили
В артиллерийском полку¹.

С другой стороны, именно прецедентные ситуации обладают способностью трансформироваться в иную лингвокультурную форму. По мнению С. В. Канашиной, прецедентные ситуации являются самой востребованной и многочисленной группой прецедентных феноменов в интернет-мемах. Автор считает, что «прецедентные ситуации могут быть абсолютно разными при условии, что они, предположительно, знакомы среднестатистическому интернет-пользователю. Это могут быть хрестоматийные ситуации из прошлого (например, запорожцы пишут письмо турецкому султану, а также современные ситуации, широко освещаемые в СМИ). Прецедентная ситуация в мемах зачастую инициируется не прямо, а намеком, который может быть заложен как в сопроводительной надписи, так и в невербальном компоненте (картинке, фотографии и т. д.) и который должен быть понят и разгадан интернет-пользователем» [8, с. 124]. Именно после появления на телевидении в интервью с М. Симонян некие люди Петров

¹ К. Симонов. Сын артиллериста. Электронный ресурс. URL: <https://slova.org.ru/simonov/syn-artillerista/> (дата обращения: 01.01.2025).

и Боширов превратились в «Петрова и Боширова» – по сути, стали мемом (см. рисунки 1–4).

Рис. 1

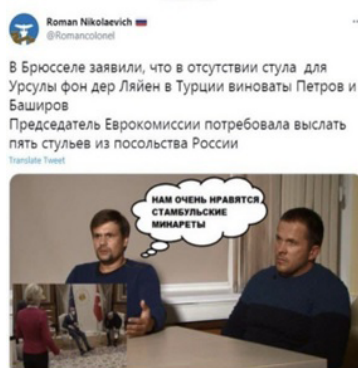

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Разумеется, потенциальная ПС «Петров и Боширов» обладает лингвокультурной ценностью – ведь дело вовсе не в «отравлении Скрипалей» боевым газом «Новичок» (что, кстати так и осталось недоказанным, но обогатило язык иноязычным вкраплением 'хайли лайкли' (от англ. highly likely – 'весьма вероятно', 'скорее всего'). Данная ситуация также встроилась в лингвокультурный фрагмент «русские всегда виноваты во всем» картины мира, т. е. в многовековую русофобию. Иначе говоря, «Петров и Боширов» – это наш символ, выражение нашего насмешливого отношения к оппозиции «Восток – Запад», где с их стороны – провокации, фейки и обвинения, а с нашей – замечательные, почти мультяшные персонажи Петров и Боширов, герои мемов и – вскоре, вполне вероятно, – отечественных комиксов, т. е. вполне лингвокультурных «продуктов».

V. Способы актуализации предполагаемой ПС в языковом сознании

Определим, какими способами реализуется ПС «Петров и Боширов» в разных контекстах. Напомним, что это могут быть 1) другие ПФ, 2) прецедентные атрибуты и 3) непрецедентные атрибуты. Подавляющее большинство контекстов, представляющих материал исследования, свидетельствует о том, что анализируемая потенциальная ПС выражается через двойное прецедентное имя «Петров и Боширов» как прямая отсылка к участникам ситуации.

Атрибутами анализируемой ситуации являются, во-первых, «Новичок / новичок», во-вторых, «кот Скрипалей», в-третьих, «шпили» (Солсберийского собора), которыми, по словам комментаторов, приезжали любоваться Петров и Боширов: «... Однако **новичок**, как известно, добирается до всех и везде, где есть **шпили**, даже до **кота Скрипалей**. Хайли-лайкли не даст соврать; Но этому Папергеру даже разведенного **Новичка** пожалели!; Это как фуфло-термин "**новичок**". Убери одно это слово, и все байки про отравления превращаются в такую густую пургу, что лучше и не раскрывать пасть. И, кстати, а где Скрипали?; Так ведь **кота Скрипалей** до сих пор не могут найти...; Это все фантомное бывшее величие, сейчас Британия может манипулировать только **котом Скрипалей**; Да бес с ним с Березовским, земля ему стекловатой. Вот за **кота Скрипалей** они должны ответить, гады!; **Шпили** в Стамбуле смотрите? Эрдогану за Сирию привет поехали передать? Молчу, молчу, молчу... Понимаю – секретность превыше всего в вашей работе!; А **шпили** на авианосцах бывают? На фото что-то такое торчит, надо осмотреть.

Кроме того, для актуализации любой ПС могут использоваться и так называемые беспрецедентные атрибуты, или атрибуты «второго ряда». В нашем случае к такого рода атрибутам будут относиться слова и выражения типа «кабель был поврежден», «скрытная работа», «загорелся завод», «взрывы на военных складах», Путин, русские хакеры, подрывы, террористы, агенты, Россия и подобные.

Обсуждение и выводы

1) Проведенное исследование позволяет отнести единицу «Петров и Боширов» к социумно-прецедентным, учитывая ее актуальность, востребованность и активность в политическом медиадискурсе.

2) Комплексный анализ (по 5-ти позициям) показал, что данная ПС обладает всеми признаками, выдвигаемыми разными учеными для характеристики ситуации как прецедентной.

3) Представленная в нашем исследовании схема / процедура комплексного анализа гипотетической ПС, созданная на базе выявленных исследователями, работающими в области теории прецедентности, основных признаков / характеристик

ПС, на наш взгляд, может быть востребована как основа для разработки авторских процедур анализа различных ПС, функционирующих в любом сегменте современной коммуникации.

4) По нашему убеждению, прецедентная ситуация как исследовательский объект должна привлекать внимание ученых, которого ей, как кажется, не хватает – особенно на фоне многочисленных работ по изучению прецедентных имен и прецедентных текстов. Возможно, что такое положение во многом связано с отсутствием формализованной процедуры анализа, некоего «образца», учитывающей различные характеристики ПС (как, напоминаем, это было сделано Д. Б. Гудковым для описания и верификации прецедентного имени). Отметим, что прецедентная ситуация является интересным и сложным прецедентным феноменом, который активно используется в разных типах дискурсов.

Список литературы

1. Голубева Н. А. Деривационная активность концепта «Прецедент» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 5. – С. 259–264.
2. Голубева Н. А. От софизма к реализму в гуманитарно-научном дискурсе (на примере категории прецедентности) // Эволюция и трансформация дискурсов: Сборник научных статей / отв. ред. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко. – Самара: Центр периодических изданий, 2021. – Вып. 6. – С. 44–53.
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 82–93.
4. Гудков Д. Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – С. 40–46.
5. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М., 1999. – 152 с.
6. Захаренко И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 104–113.
7. Захаренко И. В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М.: МАЛП, 1997. – С. 92–99.
8. Канашина С. В. Интернет-мем и прецедентный феномен // Вестник ТГПУ. – 2018. – № 4 (193). – С. 122–128.
9. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002.
10. Лобан Т. В. Прецедентный феномен как объект исследования // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2016. – № 2. – С. 117–123.
11. Мандрикова Г. М. Медийная жизнь «Петрова и Боширова» как прецедентной ситуации (на материале интернет-комментариев) // Когнитивные исследования языка = Cognitive Studies of Language. – 2024. – № 1/2 (57): Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеология в когнитивном аспекте. – С. 306–310.
12. Мандрикова Г. М., Адельбаева Д. Ж. Прецедентная ситуация «Ромео и Джульетта»: основные и факультативные признаки // Наука. Технологии. Инновации: сб. науч. тр. 16 Всерос. науч. конф. молодых ученых. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. – Ч. 8. – С. 387–391.

13. Мельник Ю. А. Трактовка прецедентных высказываний в современной лингвистике // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – № 26 (65). – С. 254–258.

14. Мишенева В. А. Прагматика прецедентных феноменов в масс-медийной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 16 (307). – С. 69–72.

15. Назарова Р. З., Золотарев М. В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 17–23.

16. Новиков С. А. Явление прецедентности в языке и современная когнитивная теория // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 10 (77). – С. 124–127.

17. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. – 248 с.

Galina Mandrikova

Precedent Situation: Possibilities of Description and Verification (Using the Example of PS “Petrov and Boshirov”)

The article discusses the problem of studying such a precedent phenomenon as a precedent situation (PS). Its study noticeably lags behind other precedent phenomena (precedent text, precedent name, precedent expression). This is primarily due to the fact that currently researchers, having a set of basic characteristics that define a certain situation as a precedent, as a rule, do not practice its comprehensive analysis, which also solves the problem of verifying this situation as a precedent. The transition from the stage of discussing the main features/characteristics of a PS to the stage of proposing ways to describe it and proving its precedent status is long overdue. Firstly, the very attempt to develop such a scheme/procedure is an urgent research task, since it cannot be a simple compilation of PS characteristics proposed by different authors, but must be based on certain principles/approaches. We believe that the cognitive approach is the most “natural” in the case of describing any precedent phenomenon, and the choice of certain positions of such a description is associated with those conceptual characteristics for PS that were proposed by researchers involved in the theory of precedent in general and the scientific description of a precedent situation in particular. Secondly, the description and verification of the precedent status of hypothetical PSs actively used by native speakers in various types of discourse will allow us to reach a new level of studying this precedent phenomenon. First of all, this concerns media discourse, which is currently demonstrating increasing activity in updating various linguistic means, especially in the field of evaluative vocabulary. The 5-step procedure for describing the PS proposed in the work, which is essentially a comprehensive analysis of the PS, allows the researcher not only to achieve his goals, but also to identify the so-called problem areas that indicate the peculiarities of the functioning of a particular PS in modern communication.

Key words: precedent phenomenon, precedent situation (PS), cognitive approach, PS analysis procedure.

For citation: Mandrikova, G. M. (2025) Precedentnaya situaciya: vozmozhnosti opisaniya i verifikacii (na primere PS «Petrov i Boshirov») [Precedent Situation: Possibilities of Description and Verification (Using the Example of PS “Petrov and Boshirov”)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 114–132. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_1_114. EDN: PXVCC

References

1. Golubeva, N. A. (2008) Derivatsionnaya aktivnost' koncepta «Precedent» [Derivational activity of the concept "Precedent"]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*. No. 5. Pp. 259–264. (In Russian).
2. Golubeva, N. A. (2021) Ot sofizma k realizmu v gumanitarno-nauchnom diskurse (na primere kategorii precedentnosti) [From sophism to realism in the humanitarian and scientific discourse (on the example of the category of precedent)]. *Evoluciya i transformatsiya diskursov: Sbornik nauchnykh statej / otv. red. S. I. Dubinin, V. D. Shevchenko* [Evolution and transformation of discourses: Collection of scientific articles / ed. S. I. Dubinin, V. D. Shevchenko]. Issue 6. Samara: Centr periodicheskikh izdaniy. Pp. 44–53. (In Russian).
3. Gudkov, D. B. (1998) Precedentnoe imya v kognitivnoy baze sovremennogo russkogo (rezul'taty eksperimenta) [Precedent name in the cognitive base of modern Russian (experimental results)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow: Dialog-MG U. Pp. 82–93. (In Russian).
4. Gudkov, D. B. (2000) Precedentnaya situatsiya i sposoby ee aktualizatsii [Precedent situation and ways of its actualization]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow: Dialog-MG U. Pp. 40–46. (In Russian).
5. Gudkov, D. B. (1999) *Precedentnoe imya i problemy precedentnosti* [Precedent name and problems of precedent]. Moscow. (In Russian).
6. Zaharenko, I. V. (1997) K voprosu o kanone i etalone v sfere precedentnykh fenomenov [On the issue of canon and standard in the sphere of precedent phenomena]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow: Dialog-MG U. Pp. 104–113. (In Russian).
7. Zaharenko, I. V. (1997) Precedentnye vyskazyvaniya i ih funkcionirovanie v tekste [Precedent statements and their functioning in the text]. *Lingvokognitivnye problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Linguocognitive problems of intercultural communication]. Moscow: MALP. Pp. 92–99. (In Russian).
8. Kanashina, S. V. (2018) Internet-mem i precedentnyy fenomen [Internet meme and precedent phenomenon]. *Vestnik TGPU – Bulletin of TSPU*. No. 4 (193). Pp. 122–128. (In Russian).
9. Krasnyh, V. V. (2002) *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and linguacultural studies: course of lectures]. Moscow: Gnozis Publ. (In Russian).
10. Loban, T. V. (2016) Precedentnyy fenomen kak ob'ekt issledovaniya [Precedent phenomenon as an object of research]. *Vestnik Mazyrskaya dzyarzhnaya pedagogichnaya yunivertsiteta imya I. P. SHamyakina – Bulletin of the I. P. Shamyakin Mazyr State Pedagogical University*. No. 2. Pp. 117–123. (In Russian).
11. Mandrikova, G. M. (2024) Medijnaya zhizn' «Petrova i Boshirova» kak precedentnoy situatsii (na materiale internet-kommentariyev) [Media life of "Petrov and Boshirov" as a precedent situation (based on online comments)]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language: Sovremennyye yazyki i kul'tury: variativnost', funktsii, ideologiya v kognitivnom aspekte – Cognitive Studies of Language: Modern languages and cultures: variability, functions, ideology in the cognitive aspect*. No. 1/2 (57). Pp. 306–310. (In Russian).
12. Mandrikova, G. M., Adel'baeva, D. ZH. (2022) Precedentnaya situatsiya «Romeo i Dzhul'etta»: osnovnye i fakul'tativnye priznaki [Precedent situation "Romeo and Juliet": basic and optional features]. *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii: sb. nauch. tr. 16 Vseros. nauch. konf. molodykh uchenykh* [Science. Technologies. Innovations: collection of scientific papers from the 16th All-Russian scientific conf. of young scientists]. Novosibirsk: NGTU Publ. Issue 8. Pp. 387–391. (In Russian).
13. Mel'nik, YU. A. (2013) Traktovka precedentnykh vyskazyvaniy v sovremennoy lingvistike [Interpretation of precedent statements in modern linguistics]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Social'nye kommunikatsii» – Scientific notes of the Tavrichesky National University named after V. I. Vernadsky. Series "Philology. Social communications"*. No. 26 (65). Pp. 254–258. (In Russian).
14. Misheneva, V. A. (2013) Pragmatika precedentnykh fenomenov v mass-medijnoj kommunikatsii [Pragmatics of precedent phenomena in mass media communication]. *Vestnik*

Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk State University. No. 16 (307). Pp. 69–72. (In Russian).

15. Nazarova, R. Z., Zolotarev, M. V. (2015) Precedentnye fenomeny: problemy definicii i klassifikacii precedentnyh fenomenov [Precedent phenomena: problems of definition and classification of precedent phenomena]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika – Bulletin of the Saratov University. Series: Philology. Journalism*. Vol. 15. Issue 2. Pp. 17–23. (In Russian).

16. Novikov, S. A. (2013) Yavlenie precedentnosti v yazyke i sovremennaya kognitivnaya teoriya [The Phenomenon of Precedent in Language and Modern Cognitive Theory]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*. No. 10 (77). Pp. 124–127. (In Russian).

17. CHudinov, A. P. (2003) *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii* [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication]. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ. (In Russian).

Об авторе

Мандрикова Галина Михайловна, заведующий кафедрой филологии, Новосибирский государственный технический университет, доктор филологических наук, доцент (г. Новосибирск, Российская Федерация); e-mail: mandrikova@corp.nstu.ru; ORCID ID: 0000-0003-3619-6722

About the Author

Galina Mandrikova, Head of the Department of Philology, Novosibirsk State Technical University, Doctor of Philology (Novosibirsk, Russian Federation); e-mail: mandrikova@corp.nstu.ru; ORCID ID: 0000-0003-3619-6722

дата получения: 24.01.2025 г.

дата принятия: 28.02.2025 г.

дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 24 January 2025

date of acceptance: 28 February 2025

date of publication: 27 March 2025

Anna Kononova

Artificial Intelligence Application and Development of Critical Thinking in the English Language Teaching

This paper deals with peculiarities and impact of Artificial Intelligence (AI) usage in English language teaching and learning, mainly in higher education, and explores its potential for evolving one of soft skills – critical thinking – simultaneously. The brief summary of various approaches adopted to the definitions of AI and soft skills is provided here. As a result, in this study soft skills are regarded as nonspecialized personal qualities that contribute to the success in various professions. Thus, top soft skills required for the professional success of the university graduate are enumerated here, with the emphasis put on critical thinking. Due to the versatile application of these skills the relevance of their development in the contemporary world is unquestioned, and it is pointed out that AI does not only impede, but also can contribute to this process by implementing several helpful strategies enumerated and outlined in this study. This practice can be implemented both in teacher-facing and learner-facing AI instruments through creating specific topical materials, generating precise prompts and inputs and the choice of the most fitting AI-powered model by taking into consideration such criteria as task complexity, accuracy requirements, desired format of the output.

Key words: Artificial Intelligence, Generative AI, foreign language teaching, English language teaching, soft skills, critical thinking.

For citation: Kononova, A. A. (2025) Artificial Intelligence Application and Development of Critical Thinking in the English Language Teaching. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 133-143. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_133. EDN: JVAAD

Information technologies, and Artificial Intelligence (AI) in particular, have penetrated into and fundamentally altered many spheres of our lives, and education is no exception. With the emergence of more advanced AI-driven tools, such as ChatGPT etc., and due to their wide public availability and accessibility over the recent several years this trend has increased. As a result, now a lot of advantages of their application in education have already been pointed out by many scholars all over the world. «These benefits include the use of AI in higher education to adapt instruc-

tion to the needs of different types of learners (Verdú et al., 2017), in providing customized prompt feedback (Dever et al., 2020), in developing assessments (Baykasoğlu et al., 2018), and predict academic success (Çağataylı & Çelebi, 2022)» [3, p. 2].

The present paper aims to explore the potential of AI not so much in improving the learning process and results of acquiring the English language as mainly in fostering the development of soft skills at the same time since, according to the research literature review, not much research examining the intersection of these fields of study has been conducted so far.

Materials and Methods

With reference to the definitions of the key concepts of the present research, Artificial Intelligence (AI) is considered to be «the simulation of human intelligence processes by machines, especially computer systems. These processes include learning (the acquisition of information and rules for using the information), reasoning (using rules to reach approximate or definite conclusions) and self correction» [9, p. 10]. So, this term refers to technology or software that helps machines perform tasks almost as well or even better than humans, including such aspects as problem solving or decision making.

Among various classifications of AI types the following one suggested by Toby Baker and Laurie Smith [1, p. 11–14] seems to be the most relevant one in context of our research. These scholars have subdivided AI tools into 3 main categories taking into account their functionality and by whom they are used for educational purposes:

1. Learner-facing AI tools that are used by students to get new information or to improve their understanding in a particular subject or topic due to such abilities of these systems as dividing materials into stages by analyzing students' strengths, weaknesses and gaps, providing feedback etc.

2. Teacher-facing systems with their primarily aim to decrease teachers' workload through automating such processes as grading students' works, giving feedback, identifying plagiarism etc. as well as to get insights about their students and their progress and to experiment with new techniques in their teaching in order to facilitate the process and enhance the results.

3. System-facing AI tools are helpful for managing and administrative purposes, such as sharing data between educational institutions or «calculating students' future performance» [10, p. 168].

Another common division of AI types, which is also reflected in this paper, is the distinction between algorithmic AI, where recommendations are given, tasks are performed and predictions are made based on their programs, or algorithms (e. g. in some works AI is even viewed as «algorithmic mimicry»¹), and generative AI, which is capable of generating, or creating new content, such as a text, image, audio etc². In this study we are going to focus on generative AI models.

Results

As far as the second key notion is concerned, soft skills are often opposed to hard skills, which are normally defined as specific educational and job-related abilities and knowledge. It is the hard skills that used to form the core of school, college or university curriculum [12, pp. 456–457]. However, at the beginning of the 21st century, apart from subject knowledge the focus of attention there was shifted to the development of soft skills as well, which are «character traits, attitudes, and behaviors – rather than technical aptitude or knowledge...; they are intangible, nontechnical and personality-specific» [12, p. 457]. Owing to this fact, in order to reflect the demands of modern society a competency-based learning model lies now at the core of the contemporary higher education content, where soft skills, which were found out to be mainly responsible for higher employability and better career prospects³ [13], are given paramount importance.

«The greatest feature of soft skills is that the application of these skills is not limited to one's profession» [12, p. 457]. However, what skills in particular should be included in this umbrella term «soft skills» tends to be quiet a debatable issue.

¹ Jaeger, J. (2024) Artificial intelligence is algorithmic mimicry: why artificial “agents” are not (and won't be) proper agents. *Neurons, Behavior Data Analysis and Theory*. P. 3. Available at: https://www.researchgate.net/publication/378519469_Artificial_intelligence_is_algorithmic_mimicry_why_artificial_agents_are_not_and_won't_be_proper_agents (accessed 30 September 2024).

² Dasgupta, D., Venugopal, D., Gupta, K. D. (2023) A Review of Generative AI from Historical Perspectives. *TechRxiv*. Pp. 1–12. Available at: https://www.researchgate.net/publication/368543465_A_Review_of_Generative_AI_from_Historical_Perspectives (accessed 30 September 2024).

³ OECD. *Skills for Social Progress: The Power of Social and Emotional Skills*. – OECD Skills Studies. OECD Publishing, 2015. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264226159-en> (accessed 29 December 2024).

According to the definition given by Cambridge dictionary, soft skills are «people's abilities to communicate with each other and work well together»¹. However, other attempts to define soft skills that have been made by many researchers as a rule apply a broader understanding of this notion. For instance, James and James identify soft skills as a new way to describe a set of abilities or talents that an individual can bring to the workplace, including career attributes such as team skills, communication skills, leadership skills, customer service skills and problem-solving skills [6, p. 40]. Soft skills are also often referred to as «applied» skills or «21st-century skills» [5, p. 25]. The latter notion was applied in the studies done by the Partnership for 21st Century Learning, a non-profit organization comprising representatives of business, the academic community and educational policy. It proposed a model where the central position of all 21st-century skills is occupied by so-called 4 C's that encompass creative thinking, collaborating, communicating and critical thinking².

In the present paper soft skills are treated with reference to the aforementioned classification, where a critical thinking skill is given the principal attention of all of them.

According to Cambridge Life Competencies Framework, critical thinking includes such abilities as «understanding and analysing links between ideas, evaluating texts, ideas, arguments and options, synthesizing ideas and information, solving problems and making decisions, identifying and prioritising problems to be addressed, asking effective questions»³.

This study investigates the application of Artificial Intelligence and its impact on developing critical thinking skills within the context of English language teaching and learning. To achieve this objective, a mixed-methods approach was employed, incorporating the following:

1. Analysis of information and research resources: A comprehensive review of relevant literature was conducted to explore the existing research and theoretical frameworks related to the definitions of key notions of this investigation, the role of AI in education,

¹ Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/soft-skills> (accessed 24 December 2024).

² Framework for 21st Century Learning. The Partnership for 21st Century Learning. 2015. Available at: <http://www.battelleforkids.org/networks/p21/frameworks-resources> (accessed 30 December 2024).

³ The Cambridge Framework for Life Competencies. Available at: <https://www.cambridge.org/elt/blog/wp-content/uploads/2018/04/Life-Competencies-Digital-final.pdf> (accessed 29 December 2024).

critical thinking development and English language teaching. It involved examining scholarly articles, books, reports, and online resources to identify key concepts and current trends. The literature review served to establish a theoretical foundation for the study and inform the selection of appropriate research methods.

2. Generalization and systematization of professional and pedagogical experience: Practical insights from seasoned English language educators and AI specialists were gathered and analyzed, including personal teaching experience. This method contributes to better understanding of challenges and opportunities associated with integrating AI into English language teaching, particularly in relation to critical thinking development. The aim was to gather real-world perspectives on the effectiveness of various AI-powered tools and approaches, as well as to identify potential areas for improvement. The collected data was systematically analyzed to identify recurring themes, patterns, and best practices.

3. Reflection of the content of the generated knowledge: A reflective analysis was conducted to synthesize the findings from the literature review and the practical experiences of educators and AI specialists. This involved critically evaluating the collected data to identify key insights, draw meaningful conclusions and develop practical recommendations for integrating AI into English language teaching to promote critical thinking. The reflective analysis considered the potential benefits and limitations of AI in education and the need for ongoing research and development in this rapidly evolving field. The aim was to provide a comprehensive understanding of the complex interplay between AI, critical thinking and English language teaching.

Referring to the above-mentioned classification of AI types, generative AI tools can be used both by teachers to generate tasks and materials and learners to do these tasks.

Firstly, let's give an overview of how teachers can apply these instruments effectively in their job to promote critical thinking skills in their students and in themselves as well.

First and foremost, AI resources can be used as studying material generating tools in order to diversify the studying process and to make educational materials more topical or personal as well. To illustrate this point, a teacher can ask an AI instrument to generate a fake news story even accompanied by an image

and then offer their students a few other real but rather odd news stories and ask them to find a fake news article or publication by providing good reasons for their choice.

AI-driven systems are also invaluable teacher's assistants in designing tasks based on authentic materials. The authentic materials themselves play quite a beneficial role for students in their foreign language learning experience, which was pointed out by a number of scholars, for example, by exposing them to the real life and cultural context and thus contributing to boosting their confidence while dealing with this real knowledge, increasing their motivation, enhancing different language skill, such as reading, listening etc. [4, p. 2]. Notwithstanding these advantages, to make authentic materials relevant for accomplishing all these goals they should be accompanied by suitable assignments, and it is this area where AI-powered resources can facilitate and make this process of creating tasks less time-consuming. Nevertheless, these tools are not completely flawless in this regard, and a teacher often has to make some corrections in the suggested tasks and activities in order to make sure that they directly correspond to their students' level of English proficiency or the initial aim. Online platform Twee serves as an example of such an AI-based tool specially designed for language teaching needs. It supports several types of the most widespread kinds of tasks like True-false statements, multiple choice etc. based both on a written text and video materials. Still, in many cases the tasks options suggested by Twee are less challenging for students' level of the English language than they should be, so it is a teacher who has to assess the results of an AI-powered instrument and modify them a bit, but who still may appeal to them as starting points for coming up with tasks ideas [7, p. 844]. To illustrate this point, among the tasks generated by Twee for the video devoted to examples of advanced AI robots for the target audience of students with B2-C1 level of English was a multiple choice question related to one example of such robots «Which of the following is NOT mentioned as a key capability of the robot Digit?» with the suggested options «a) Navigating complex environments; b) Assisting with disaster response; c) Recognizing human emotions; d) Delivering packages to front doors». However, based on the information mentioned in the vid-

eo («Digit is envisioned to help take care of people in their homes, assist with disaster response and deliver packages to front doors. With its nimble limbs and a torso packed with sensors, Digit can navigate complex environments») and taken into account the target student audience these options and the correct answer seem to be too straightforward. Nevertheless, the idea of this question was adopted into the test, but with the answer options being transformed and paraphrased in the following way: «a) look after humans (this option corresponds to the passage «to help take care of people in their homes»); b) come to people's aid in case of some accidents (it correlates with «assist with disaster response»); c) work as a courier (it corresponds to «deliver packages to front doors»); d) walk extremely fast due to its nimble limbs; e) find its way on its own due to inbuilt sensors (it matches the statement that «with its nimble limbs and a torso packed with sensors, Digit can navigate complex environments»)). These modifications have made this question more demanding to deal with as well as relevant and adequate for students' level of English.

Furthermore, AI-based tools can assist in evaluation of students' works (e. g. by compiling a list of criteria and conducting assessment with reference to it) and their language proficiency (e. g. by finding grammar or lexical errors). However, on the other hand, manual marking for some (especially creative) tasks cannot be neglected in order to make this AI-generated feedback more relevant and tailored to the learners' needs. For example, the students' projects on the topic «My fantasy idea of invention of the future» can be marked and evaluated with the help of AI based on such criteria as following the given plan, grammatical accuracy or relevant technical vocabulary usage. However, the assessment of fantastic perspective and originality of such projects usually remains to be beyond the scope of AI-powered instruments' current capabilities.

As far as learner-facing AI tools are concerned, to start with, the answers provided by such techniques often require proof-reading and fact checking because, as many scholars admit, generative AI instruments can sometimes produce plausible but incorrect information [8, p. 2741].

Moreover, very often generative AI-powered systems «lack contextual understanding» [11, p. 500], so sometimes they do

not differentiate the meaning of synonyms or near-synonyms or do not take into account the suitability of the suggested option based on the register, intentional stylistic purposes etc. As a consequence, it should be stressed that the suggested improvements or automated generated answers should be critically assessed, and these choices whether to accept the suggested refinements or not have to be made by learners themselves.

Additionally, as some researchers claim, «it is important to consider the specific purpose for which the model has been trained...The choice of model should be guided by specific use case requirements, considering the model's features, capabilities, the complexity of data parameters, and the training method employed» [11, p. 501]. A good illustration of this is that some AI-based text generating models are proficient at maintaining a dialogue with their users, such as ChatGPT, and some are not (like Perplexity). So, the former can be used as a good tool for simulating a real dialogue and providing conversation-like language practice for foreign language learners or correcting some parts of the input or output very quickly if necessary, whereas the latter can be good at creating a longer, maybe more scientific or academic piece of writing. Thus, the correct choice of the most suitable AI tool for a particular task also requires some critical considerations. Moreover, this step is vital because the success and accuracy of the final results and output as well as how good they are at meeting all other important criteria for a user in many cases depend on this decision.

Another important point to consider refers to writing suitable, correct and comprehensive prompts by users since it directly correlates with final effective AI outputs and obtained results: «The process of prompting and using GenAI systems requires careful consideration to ensure the provided information is correct, free of bias and not providing inaccurate information» [11, p. 501]. For instance, if a student looks for a very specific and concrete output, as an input the RISE prompt generating model (where the Role (who are you?) is described, Input (what do you need to do?) is provided, Steps needed to complete this task are enumerated and described, and Expectations (what are the results and final form of presentation?) are given) can be used. Nevertheless, such a prompt generating pattern does not

seem to be suitable for highly abstract or creative tasks, where a more open-ended prompting approach appears to be more effective [2]. Hence, this ability of correct prompting corresponds directly to the competence of asking effective questions, which is also considered to be a part of critical thinking skills.

Furthermore, AI-based models typically do well in brainstorming ideas, so students can use them for ideation, as a source of inspiration to come up with some original thoughts and concepts if they lack their own ones or are not familiar with a particular topic. However, such generative AI techniques are not good at distinguishing good ideas from bad ones or selecting them based on any other qualitative criterion, so it is where human judgment and interpretation comes in. For instance, AI-driven model can come up with examples of personality adjectives, but to divide them into groups of positive and negative traits of character can be too challenging for it, and in many cases it is impossible to give an unequivocal answer. Another case is to ask such an instrument to propose some eco tips, i. e. what can be done to save the environment both on a global and individual scale. Nevertheless, categorizing these findings into the best and worst practices can lead to a quite debatable output as it requires more concrete context and conditions.

Discussion and Conclusions

Overall, though AI-driven systems have evolved and improved the quality of their work significantly over the last several years, they still do have some limitations like inaccuracy of generated information, inability to fulfill some functions, incapacity to fully contextualize, the often need of further refinement of AI's generated responses etc. Therefore the application of AI tools does not replace the need for a human element both in teaching and learning, nor does it exclude the usage of soft skills, and critical thinking in particular, by their users. On the contrary, it even more highlights the necessity of their development in the contemporary education and life in general. Regarding critical thinking skill reinforcement, as it was shown in this paper, this practice can be implemented both in teacher-facing and learner-facing AI instruments through creating specific topical materials, the need for manual enhancement, selection, assessment or verification

of the generated output, generating precise prompts and inputs and the choice of the most fitting AI-powered model by taking into consideration such criteria as task complexity, accuracy requirements, desired style or format of the output etc.

References

1. Baker, T., Smith, L. (2019) *Educ-AI-tion rebooted? Exploring the future of artificial intelligence in schools and colleges*. London: Nesta.
2. Chakrabarty, T., Padmakumar, V., Brahman, F., Muresan, S. (2024) Creativity Support in the Age of Large Language Models: An Empirical Study Involving Professional Writers. *Proceedings of the 16th Conference on Creativity & Cognition*. Chicago IL USA June 23–26, 2024. Pp. 132–155.
3. Crompton, H., Burke, D. (2023) Artificial Intelligence in Higher Education: The State of the Field. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. Vol. 20. No. 22. Pp. 1–22.
4. Goldstein, B., Driver, P. (2015) *Language Learning with Digital Video*. Cambridge: CUP.
5. Gewertz, C. (2007) Soft skills in big demand: Interest in teaching students habits of mind for success in life is on the rise. *Education Week*. Vol. 26. No. 40. Pp. 25–27.
6. James, R. F., and James, M. L. (2004) Teaching career and technical skills in a "mini" business world // *Business Education Forum*. Vol. 59. No. 2. Pp. 39–41.
7. Kononova, A. A. (2023) Advantages and Disadvantages of Artificial Intelligence Application in Designing Tasks Based on Authentic Materials in the English Language Teaching. *Международный форум KAZAN DIGITAL WEEK – 2023. Сборник материалов конференции, Казань, 20–22 сентября 2023 г.* Казань: ИЦБЖД. – С. 842–847.
8. McIntosh, T. R., Liu, T., Susnjak, T., Watters, P., Ng, A. Halgamuge, M. N. (2024) A culturally sensitive test to evaluate nuanced GPT hallucination. *IEEE Transactions on Artificial Intelligence*. Vol. 5. No. 6. Pp. 2739–2751.
9. Mehrotra, D. (2019) *Basics of Artificial Intelligence & machine learning*. Chennai: Notion Press.
10. Schmidt, T., Strasser, T. (2022) Artificial Intelligence in Foreign Language Learning and Teaching: A CALL for Intelligent Practice. *Anglistik: International Journal of English Studies*. Vol. 33. No 1. Pp. 165–184.
11. Robertson, J., Ferreira, C., Botha, E., Oosthuizen, K. (2024) Game changers: A generative AI prompt protocol to enhance human-AI knowledge co-construction. *Business Horizons*. Vol. 67. No. 5. Pp. 499–510.
12. Robles, M. M. (2012) Executive Perceptions of the Top 10 Soft Skills Needed in Today's Workplace. *Business Communication Quarterly*. Vol. 75. No. 4. Pp. 453–465.
13. Watts, M., Watts, R. K. (2008) Developing Soft Skills in Students. *The international journal of learning*. Vol. 15. No. 12. Pp. 1–10.

А. А. Кононова

Применение искусственного интеллекта и развитие критического мышления в преподавании английского языка

В статье рассматриваются особенности и влияние использования искусственного интеллекта (ИИ) в преподавании и изучении английского языка, в основном, в сфере высшего образования, а также исследуется его потенциал для развития одного из мягких навыков – критического мышления – одновременно. Здесь приводится краткое изложение различных подходов, принятых для определения ИИ, и мягких навыков. В результате в данном исследовании мягкие навыки рассматриваются как неспециализированные личные качества, которые способствуют успеху в различных профессиях. Таким образом, здесь перечислены основные мягкие навыки, необходимые для профессионального успеха выпускника университета, с акцентом на критическое мышление. В связи с многосторонним применением этих навыков актуальность их развития в современном мире не вызывает сомнений, и указывается, что ИИ не только препятствует, но и может способствовать этому процессу, реализуя несколько полезных стратегий, перечисленных и изложенных в данном исследовании.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративный ИИ, преподавание иностранных языков, преподавание английского языка, гибкие навыки, критическое мышление.

Для цитирования: Кононова А. А. Применение искусственного интеллекта и развитие критического мышления в преподавании английского языка // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 133-143. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_133. EDN: JVAAlD

Об авторе

Кононова Анна Александровна, старший преподаватель, Уральский федеральный университет им. первого Президента Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Российская Федерация); e-mail: anna.konononova@urfu.ru; ORCID ID: 0009-0000-8505-761X

About the Author

Anna Kononova, Senior Lecturer, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation); e-mail: anna.konononova@urfu.ru; ORCID ID: 0009-0000-8505-761X

дата получения: 06.11.2024 г.
дата принятия: 30.12.2024 г.
дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 06 November 2024
date of acceptance: 30 December 2024
date of publication: 27 March 2025

Luiza Gasparyan

Specifics of Cultural Transfer in Psychological Stories

The research outlines the theoretical and practical framework of the cultural transfer of Charles Dickens's psychological story in comparison with Russian and the only early Armenian translations (published twice in Tiflis 1885/1886). One cannot fail to observe that Dickens's short-story illustrated a piece of psycho-pathological creativity and carried some educational moral message behind the lines. The article focuses on the art of translation and the situation of cultural transfer which sheds light towards the translation philosophy of Russian and Armenian philologists. The comprehensive analysis of translations revealed that Armenian translation of Dickens' "Drunkard's Death" has undergone a process of linguo-cultural transformation due to the Russian and Armenian socio-cultural value system and requirements. Both translations modify or alter certain contextual fragments due to the cultural areal. Both translations preserve the genre of psychological realism, along with the intertwinement of psychopathological descriptions. Obviously, such creativity will bridge the interdisciplinary connections of literature with psychology, psycholinguistics or neurolinguistics.

Key words: Dickens, Eastern Armenian translation, cultural transfer, psychological realism, Bildungsroman, Russian translation, comparison.

For citation: Gasparyan, L. A. (2025) Specifics of Cultural Transfer in Psychological Stories. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 144-152. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_144. EDN: MIKWDH

No other Victorian writer fundamentally referred to the issues of childhood and child psychology except Dickens. Children in his novels passed life odyssey in the quest of a happy life, like *Oliver Twist*, *David Copperfield*, *Tim Cratchit* and others innocent and pure characters. However, Dickens touched upon the question of adults social-psychological traumas though short, but comprehensive stories with a tragic ending. Almost all novels revolving around the dual reality of the Victorian era: the high moral qualities of the heroes (usually children) or the protagonists

with psychological trauma of the dark quarters of the capital – the “eastern side”. Of special interest towards Dickens's piece of verbal creativity is the story of "Drunkard's Death" which was translated in Russian and in Armenian during the author's lifetime.

Material and Methods

The story "Drunkard's Death" – «Արբեցողի մահը» was translated twice in Eastern Armenian and, after passing certain process of censorship, printed in different publication houses in Tiflis (1885 and 1886). Charles Dickens first published this story in the second collection of "Sketches by Boz" in 1836, where the author vividly depicted the somatic and mental consequences of alcohol abuse, depression and psychological trauma of the heroes.

The Russian translation was done by Tatyana M. Litvinova (1918–2011) – writer, translator, artist, – she was the close friend of K. I. Chukovsky and translated English and American literature: Jack London, Mark Twain, Daniel Defoe et al.

The purpose of the research is to identify the situation of cultural transfer through the prism of Armenian and Russian translations of Charles Dickens' story «Drunkard's Death». The problem of literary translation is carried out within the literary-historical framework by taking into consideration textual and extra-textual factors.

The methodological approach of the study is multifaceted, as it comprises; 1) the methodological approach of cultural transfer and the analysis of Russian and Armenian realia transfer in micro-macro-contextual level; 2) comparative analysis and interpretation of the textual and extra-textual factors that influence on the translation results; 3) linguo-stylistic and linguo-poetic analysis of the translations through the prism of the original.

Results

One cannot fail to observe that to create a genuine hero with a realistic physical, mental and moral image – "an inveterate and irreparable person (a drunkard) with psychological trauma", Dickens examined many scientific books and consulted with many professionals in the field of psychopathology. Leonard Manheim similarly argued that Dickens was more familiar with the psychopathology and psychiatry rather than other writers of the time and could be best qualified as a "descriptive psychopathologist".

In addition, he visited British and American psychiatric hospitals in order to reveal the society with the peculiarities of psychopathological problems, as well as their dramatic consequences. Dickens even wrote down some of his observations in a special manual. According to scientific studies probably three-quarters of all the causes of insanity were due to excessive drinking, which could have initiated through depression or social-psychological trauma. It is obvious that Dickens wanted to draw an attention to the problem with such stories [6, pp. 69–97].

Though the term *Bildungsroman* has positivistic qualification, a close inspection of the tragic story may lead to the assumption that it is a special type of life-educational *Bildungsroman*: by Wilhelm Dilthey (1833–1911) specification the story is like – *Bildungsroman*, *Erziehungsroman* – an "educational" novel, whereas due to M. Bakhtin [1] distinction it can be evaluated as didactic-pedagogical novel. In classic *Bildungsroman*, the reader perceives the text through the eyes of the protagonist, which is logical, since the hero goes through the experience of formation, thereby encouraging the reader to develop and form his character constructively [7]. The translation of "Drunkard's Death" with *Bildungsroman* peculiarities aimed at illustrating the picture of psycho-pathology in certain socio-cultural domain.

The story was translated twice in Tiflis: the first version was translated by O. Yusufyan in 1885¹, the second translation was published in 1886 (the translation was anonymous). On the cover page of both translations the phrase in Russian "censorship is allowed, Tiflis" (Дозволено цензурою. Тифлис, 15 января 1886 г.) is evident. Based on the memoirs, correspondence and essays of Eastern Armenian writers of the 19th – early 20th centuries, the vast majority of Western literary classics entered into Armenian areal mostly through the Russian translations or with comparison of Russian translation texts. The reception of Western literature and its literary – cultural transfer in Armenia (in the end of the 19th century and the 20th century) passed the following procedure: a) British classics (in general Western classics) were translated due to the Russian canon of literary-cultural transfer, b) based on Russian (Russian as a mediated language) translations the Armenian translations were done [4].

¹ Դիքենս Չարլզ, Արթուրյանի մոտը, Թիֆլիս, թարգմանություն Հովհ. Նուստֆեան, տպարան Մ. Ռոտինյանց, 1885 / Dickens Charles. Drunkard's Death. Translation by Ov. Yusufyan. Tiflis: M. Rotinyants Publishing House, 1885.

Dwelling upon further observations of the analysis of "Drunkard's Death", it is important to interpret the Armenian translations through the prism of both the original and the Russian translation (the Russian translation version was by T. Litvinova). By comparing the Armenian translation, it has been revealed that the method of addition was used for bringing the context closer to the Armenian linguo-cultural domain. From time to time in the Armenian translation, by using the method of addition, the unit Ամենակարողը – *Всемогущий* – *Almighty* was added, due to cultural and spiritual tradition (in original and Russian translation there is no addition). Or other word units which lead to some spiritual-moral education of the readers, let's discuss the example:

But it was not towards her that the was face turned; it was not **her** hand that the cold and trembling fingers clasped; they pressed the husband's arm; the eyes so soon to be closed in death rested on his face, and the man shook beneath their gaze. His dress was slovenly and disordered, his face inflamed, his eyes bloodshot and heavy. He had been summoned from **some wild debauch to the bed of sorrow and death**¹.

Но не к ней, не к матери, обращено было **изможденное лицо**; не материнскую руку судорожно сжимали дрожащие, холодеющие пальцы – они сжимали руку мужа; глаза, которым суждено было вот-вот угаснуть, были устремлены на его лицо, и он трепетал под этим взглядом. Одежда на нем была измята и неопрятна, лицо опухшее, глаза воспалены и мутны. Верно, среди какой-нибудь **дикой оргии его вызвали к печальному одру смерти**².

Սակայն ոչ թէ դեպի այդ ծերունի կիկն էր դարձրած այդ մարտիրոսուհու դալկացած դէմքը, ոչ թէ նրա ձեռքն էին սեղմում սառած և դողդուջուն մատերը, այլ սեղմում էին իւր ամուսնու ձեռքը, նրա վերայ յառած մեանողի մարդու կայեացքը և ամուսինն էլ դողդուջուն էր նայուածքի տակ: Նրա շարք սնմամուր էր և աղւտոտ, երեսը այրվում էր, աչքերը լցուէլ էին արիւնով և ուռել: Նրան դուրս էին կանչել այդ մարտիրոսական մահուան օրհասի մօտ մի խառնափերքը կերպիտումից [5, p. 3–4].

The context describes the episode of the death of the drunkard's wife. The comparison of the original with the translations

¹ Sketches of Boz. Chapter XII. The Drunkard's Death // Index of the Project Gutenberg Works of. Charles Dickens. Compiled by David Widger. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/58157/58157-h/58157-h.htm#link2HCH0059> (accessed 29 November 2024).

² «Смерть пьяницы» / перевод Т.Литвиновой. Электронный ресурс. URL: <http://charles-dickens.ru/books/item/f00/s00/z00000002/st058.shtml> (дата обращения: 10.12.2023).

revealed identical reception of psycho-pathological symptoms that are typical for the depressive, socially unaccepted individual.

One cannot fail to observe that there is a clear tendency to reverberate the words and expressions so as to make them more accessible to target readers. From time to time for maintaining the reader friendly context the translator used nuanced additions for the juxtaposition of wisdom, morality, simplicity and creativity the original and inserting influential unites of religious-spiritual origin. It may have the purpose of adding specific evaluative overtones to the context of the dying wife of a drunkard as a story of *Bildungsroman* – the story of “education”. The analysis of Armenian translation revealed translational asymmetry not because of objective linguo-stylistic inconsistency, but intentional modification with the aim of psychological-educational impact. The pronoun *her* and the expression *the bed of sorrow and death* were translated into Armenian was transferred as այդ մարտիրոսուհի (Russian – *мученица, страдальница*, English – *martyr*) and մարտիրոսական մահուան օրհաս, for reinforcing the role of women in the family who devoted all her life and love towards its members. The Russian version as well has evaluative modifications with the note of suffering wife, like *измощенное лицо* and *к печальному одру смерти* – expression which stable phraseological valency in Russian.

In the Russian translation, special attention should be paid to the use of the phrase some *какой-нибудь дикой оргии* – *wild debauch* which can be perceived ambiguously by the modern reader. In the Armenian translation by the usage of the method of addition the expression *wild debauch* is translated as մի խառնափնրոր կերուխում (the word -to- word translation – *a hectic feast* – *суматошная пирюшка*).

Though the title of the tragic story is *Drunkard's Death*, the story initiates with the death of his wife which announced first the fall of the drunkard's hearth and only refuge in his life. The title can have dual interpretation: with the death of his wife the last chance to overcome the psychological situation disappeared and the physical death.

Needless to say, that Dicken's verbal creativity is not so simple as they seem, there is a complexity of psycho-pathological descriptions which transferred with subtle modification. Like:

They leant over her; they called upon her name, softly at first, and then in the loud and piercing tones of desperation. But there was no reply. They listened for her breath, but no sound came. **They felt for the palpitation of the heart, but no faint throb responded to the touch. That heart was broken, and she was dead!**

Все склонились над нею, стали звать ее, сперва вполголоса, а потом громким, пронзительным воплем отчаяния. Ответа не было. Стали прислушиваться к дыханию – ни вдоха. Пытались нащупать сердце – оно не билось. **Сердце это было разбито, а та, кому оно принадлежало, – мертва!**

Երեխաները խոնարհուեցան նրա վերայ և կանչեցին նրա անունով սկզբում խնդարոս, յետոյ աւելի բարձրաձայն, վերջապէս դառն յուսահատութեան սրտապատառ աղաղակներով, բայց պատասխան չկար: Ականջ դրեցին շնչառութեան-դադարած էր... ախանջ դրեցին սրտի բաբախման – այլևս չէր զարկում: Այդ սիրտը կոտորւած էր և հաւատակը մեռած էր [5, p. 4].

If in the case of Russian translation there is a syntactically-oriented impact – *Сердце это было разбито, а та, кому оно принадлежало, – мертва!* – which triggers the readers' attention of drunkard's wife struggles and desperate expectations of husband's metamorphosis, then this evaluative effect in the Armenian translation is created through the prism of expressive unit, like Այդ սիրտը կոտորւած էր և հաւատակը մեռած էր (*That heart was broken and the martyr or victim was dead*). It is evident that, in the Armenian translations the image of drunkard's wife is characterized with the units as մարտիրոսուհի or հաւատակ (*martyr or victim*), thus conveying the Armenian readers the contextual dichotomy of wife as *martyr/victim vs. prodigal / immoral husband*.

In the work «Психология смысла» – “Psychology of Meaning”, D. Leontiev noted that changes in the motivational sphere and towards the meaning of life become the main pathological factor in every type of depression, including alcoholism – the apathy and insignificance towards life may not be determined with gender, age, level of education, IQ, religion and income [2]. Addicted person (including alcohol addict) becomes self-centered and has a deformation of the picture of the life and worldview. In fact, Dickens was well aware of all the symptoms that characterize any type of addiction, and the climax of the story is revealed, especially when the drunkard sacrificed his children for a glass of alcohol.

The description of cognitive-psychological pathologies in the verbal creativity has, probably, the notion of *Bildungsroman*, where a novel of "education", "formation", "upbringing" aimed at revealing the ontological essence of life through the prism of human experience. In the excerpts analyzed below, the main attention will be paid to the expression – *He (drunkard) had reeled from the tavern to her bed-side in time to see her die*. Thus:

The time had been when many a friend would have crowded round him in his affliction, and many a heartfelt condolence would have met him in his grief. Where were they now? One by one, friends, relations, the commonest acquaintance even, had fallen off from and deserted the drunkard. His wife alone had clung to him in good and evil, in sickness and poverty, and how had he rewarded her? **He had reeled from the tavern to her bed-side in time to see her die.**

А было время, когда толпа друзей окружила бы его в беде, когда непритворное участие их смягчило бы его горе. Куда же они делись теперь? Друзья, родные, просто знакомые – все они бросили его, все отступились от пьяницы. Одна жена оставалась ему преданной – в радости и в горе, несмотря на недуги и нищету. А он? Как вознаградил он ее? **Припеллся из кабака к ее смертному одру, еле успел принять ее последний вздох.**

Կար ժամանակ, երբ բազմաթիւ բարեկամներ նրա մօտ կը շտապէին նրա վշտին մասնակցելու և կարտայայտէին նրան իւրեանց անկեղծ ցաւակցութիւնը: Ու՞ր են գնացել նրանք այժմ: Մինը միւսի ետևից-ազգականներ, բարեկամներ, մինչև անգամ հասարակ ծանօթներ, երեսները շուտ են տուել նրանից և բարձի թողի արել արբեցողին: Միայն իւր կիներն էր իրեն անփոփոխելի կերպով նուիրուած թէ լաւ, թէ վատ ժամանակներուն, թէ պակասութեան, թէ հիւանդութեան մէջ և ինչպէս շնորհակալ եղաւ նրա երախտեաց համար: Անտառիկ գինեկոյից դուրս սկիսց և գնաց նրա մօտ, որ տեսնէ միայն՝ թէ ինչպէս նա պիտի մեռն [5, p. 5].

The context reveals the internal conflict of a drunken man with family, friends and relatives, because of his alcoholic abuse. The death of his wife affected him greatly, and Dickens intentionally quoted an oath that the spouses made to each other during the wedding ceremony (*in good and evil, in sickness and poverty – в радости и в горе, несмотря на недуги и нищету*; Միայն իւր կիներն էր իրեն անփոփոխելի կերպով նուիրուած թէ լաւ, թէ վատ ժամանակներուն, թէ պակասութեան, թէ հիւանդութեան մէջ) – the oath that was fulfilled only unilaterally.

If the Russian version of the expression *He had reeled from the tavern to her bed-side in time to see her die* – *Припнулся из кабака к ее смертному одру, еле успел принять ее последний вздох* is transferred due to Russian idiomatic combinability and natural flow of linguo-cultural factors, then in both Armenian translations the expression is totally colloquial, flavored with folk and national phraseology, like *անառակը գինեմտից դուրս սկսեց* (word for word translation – the prodigal slipped out of from tavern).

Discussions and Conclusions

Hence, the microanalysis of the translations led to the following conclusion: The accumulation of theoretical-practical databases in the field of *Bildungsroman* and its translation gives an opportunity to conclude that it can be based on the principle of spatial-temporal domain and cultural perception of the target reader. The translation of Dicken's psycho-pathological short-stories subtly met the target culture modification requirements (with special reference to *Bildungsroman*) which is noticeable in the Armenian version of interpretation.

Both the Russian and Armenian translations modify or alter certain contextual fragments due to the cultural areal.

In the Armenian translations (1885/1886) certain evaluative connotations or expressions were added, possibly for reinforcing the moral and educational perception of the reader, and for introducing the concept of *Bildungsroman*, which occupies a central place in the pedagogical – philosophical studies of verbal creativity.

Both translations preserve the genre and style of psychological realism of the epoch, along with the intertwinement of objective psychopathological descriptions. Obviously, such creativity will bridge the interdisciplinary connections of literature with cognitive psychology, psycholinguistics or neurolinguistics etc.

References

1. Bakhtin, M. M. (1979) *Aesthetics of Verbal Creativity*. Comp. S. G. Bocharov; Text prepared by G. S. Bernstein and L. V. Deriugina; Notes by S. S. Averintsev and S. G. Bocharov. Moscow: Art Publ. (In Russian).
2. Bediryan, P. (2011) *Extensive explanatory dictionary of Armenian idioms*. Yerevan: Yerevan State University Publishing House. (In Armenian).
3. Dickens, Charles (1886) *The Drunkard's Death*. Tiflis: A. A. Mikhelson Printing House. (In Armenian).
4. Leontiev, D. (2003) *Psychology of meaning*. Moscow: Smysl Publ. (In Russian).

5. Manheim L. (1972) Dickens's Fools and Madmen. *Dickens Studies Annual*. Vol. 2. Pp. 69–97.
6. Moretti, F. (1987) *The Way of The World, The Bildungsroman in European Culture*. London: Verso Publ.
7. Safrazbekyan, I. (1976) *Hovhannes Tumanyan and World Literature*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (In Armenian).
8. Sukiasyan. A., Galstyan, S. (1975) *Phraseological dictionary of the Armenian language*. Yerevan: Yerevan State University Publishing House. (In Armenian).

Л. А. Гаспарян

Специфика культурного трансфера в психологической прозе

В статье предпринимается попытка проанализировать особенности культурного трансфера в психологическом рассказе Чарльза Диккенса «Смерть пьяницы» в сравнении с русским и ранними армянскими переводами (дважды опубликованными в Тифлисе в 1885–1886 гг.). Рассказ Диккенса иллюстрирует образец психопатологического нарратива и несет в себе некоторый воспитательный моральный посыл. В рассказе присутствуют элементы психологического реализма, которые достаточно красочно отразились в двух армянских и в русском переводах. Рассказ Диккенса обладает чертами Bildungsroman(a), в котором рассказывается о воспитании или становлении героя. Проблема художественного перевода рассматривается в историко-литературном русле с учетом текстовых и внетекстовых факторов. Подход культурного трансфера предполагает анализ перевода русских и армянских реалий на микро- и макроконтекстуальном уровнях. Сравнительный анализ переводов произведения Диккенса на русский и армянский языки выявил случаи лингвокультурных трансформаций, а также видоизменения, произведенные в соответствии с целевой социокультурной системой ценностей.

Ключевые слова: Диккенс, восточно-армянский перевод, культурный трансфер, психологический реализм, Bildungsroman, русский перевод, сравнение.

Для цитирования: Гаспарян Л. А. Специфика культурного трансфера в психологической прозе // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 144–152. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_144. EDN: MIKWDH

Об авторе

Гаспарян Луиза Ареговна, научный сотрудник, Институт литературы им. М. Абегяна Национальной Академии наук, кандидат филологических наук (Ереван, Армения); e-mail: luisa.gasparyan83@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6023-2861

About the Author

Luiza Gasparyan, Research Associate, Institute of Literature named after M. Abeghyan of the National Academy of Sciences, PhD in Philology (Yerevan, Armenia); e-mail: luisa.gasparyan83@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6023-2861

дата получения: 07.11.2024 г.
дата принятия: 30.12.2024 г.
дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 07 November 2024
date of acceptance: 30 December 2024
date of publication: 27 March 2025

Кавьяни Саманех

Языковые средства реализации интенции извинения в рассказе А. П. Чехова «Смерть чиновника» в сравнении с их персидскими аналогами

В статье представлен анализ модели речевого поведения в ситуации извинения в русском языке в сравнении с персидским языком. Исследование осуществляется с акцентом на структуру – выявляются ключевые языковые модели, используемые для выражения извинений, а также на прагматику – проводится анализ схожих и отличительных ситуаций, в которых носители русской и иранской лингвокультур произносят извинения в реактивных речевых актах. Анализ проводится на материале рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника» и его перевода на персидский язык. Предпринятое сопоставление позволяет оценить языковую специфику реализации интенции извинения в русской и иранской речевой практике, выявить этикетные и ситуативные модели извинения, а также наличие / отсутствие лингвистических трансформаций при переводе. Анализ показал наличие избыточности интенции извинения в рассказе А. П. Чехова, обусловленной разными социальными статусами коммуникантов. Важным аспектом в текстах литературной классики является то, что извинение, как и любое другое проявление вежливости, требует соблюдения определенной меры. Чрезмерное самоосуждение может привести к противоположному эффекту.

Ключевые слова: извинение, речевая ситуация, речевое поведение, русский язык, персидский язык.

Для цитирования: Кавьяни С. Языковые средства реализации интенции извинения в рассказе А. П. Чехова «Смерть чиновника» в сравнении с их персидскими аналогами // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 153–161. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_153. EDN: NIETEN

Общение представляет собой многоаспектное явление, исследуемое такими науками, как социология, философия, психология, педагогика и лингвистика. В соответствии с определениями, общение можно охарактеризовать как «сложный и многогранный процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия,

восприятия и понимания другого человека. Соответственно в общении различаются три стороны: коммуникативная, интерактивная, перцептивная» [5].

Ключевым понятием в рамках общения является понятие речевой этикет, к анализу которого существует два подхода: узкий, где речевое поведение основывается на автоматизированном воспроизведении устойчивых формул [1], и широкий, в котором регулируется «выбор наиболее подходящего, наиболее уместного средства именно данным человеком, для его конкретного адресата, в данном конкретном случае, в данной ситуации и обстановке общения» [10].

Проблематике речевого этикета в русском языке посвящено большое количество трудов российских ученых. Ранее исследования по русскому речевому этикету имели прескрипционный характер. Таким образом, в монографиях И. А. Стернина [7] и В. Е. Гольдина [3] приведены принципы, функции и правила речевого этикета. С лексикографической точки зрения речевой этикет анализирует А. Г. Балакай¹ [2]. В. И. Карасик [4] изучает вежливость и речевой этикет с акцентом на социальный статус личности. Социолингвистический подход к речевому этикету представлен в работе А. А. Зубаревой².

Материалы и методы

Исследование проводится на материале рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника» и его перевода на персидский язык, выполненного Серожем Степаньяном. Цель исследования – анализ лингвистических трансформаций в передаче интенции извинения в реактивных речевых актах при переводе с русского языка на персидский язык. Предпринятое сопоставление позволит обнаружить языковую специфику реализации интенции извинения в русской и иранской речевой практике, выявить наличие / отсутствие лингвистических трансформаций при переводе и установить лингвистические маркеры вежливости и конструкции семантических оттенков извинения в обоих языках на примере конкретного текста. В исследовании применяется сравнительно-сопоставительный метод анализа.

¹ Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: дис. ... д-ра филол. наук. Новокузнецк, 2002. 345 с.

² Зубарева А. А. Формулы русского речевого этикета: социолингвистическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 24 с.

Результаты

В теории речевого общения и речевого поведения ключевая роль отводится гармоничному бесконфликтному взаимодействию коммуникантов. Извинение, являясь важной составляющей речевого взаимодействия коммуникантов, играет важную роль в повседневных ситуациях межличностного общения.

В классификации речевых актов под извинением подразумевается этикетное перформативное речевое высказывание универсального характера, цель которого заключается в том, чтобы выразить раскаяние в том или ином действии со стороны говорящего. Согласно классификации Дж. Остина, извинение относится к числу бехавитивов (behabitives, от глагола “behave” – «вести себя»), имеющих дело с общественным поведением – приветствие, благодарность и извинение, поздравление, похвала, выражение соболезнования и т. д. – и охватывающих формулы социального этикета, норм поведения [11].

Извинение также является одним из примеров реактивных речевых актов, где говорящий отвечает не на коммуникативное действие собеседника, а на свои собственные действия (вербальные / невербальные) [6].

Вежливость – неотъемлемая часть человеческого общения. Лингвистическая вежливость выражается с помощью «проявления уважения к партнеру, выраженному с помощью языковых единиц» [9]. Вопрос о вежливости возникает, как правило, в потенциально конфликтных ситуациях, к числу которых относится речевая ситуация извинения, характеризующаяся наличием следующих компонентов: 1) партнеры по общению (адресат / адресант, их социальные статусы и роли); 2) ущерб (незначительный / серьезный); 3) обстановка общения (время / место) [8].

При реализации коммуникативной интенции извинения ключевую роль играет фактор ущерба (реальный или возможный). Размер ущерба влияет, в свою очередь, на собеседников, определяя их эмоциональное состояние и речевое поведение, а также на постоянные (возраст, воспитание, профессиональная принадлежность, образованность и пр.) и переменные факторы, под которым находится извиняющийся и посредством которых он оказывает влияние на слушающего.

Рассмотрим особенности использования форм извинения в речи главного героя рассказа А. П. Чехова «Смерть чинов-

ника» и сопоставим с наиболее полноценным персидским переводом¹ (таблица).

Таблица

Формы извинения в рассказе Чехова «Смерть чиновника»
и в переводе на персидский язык

Формы извинения в рассказе А. П. Чехова	Формы извинения в переводе рассказа на персидский язык
1) Червяков кашлянул, подался туловищем вперед и зашептал генералу на ухо: – Извините, ваше-ство , я вас обрызгал... я нечаянно... – Ради бога, извините . Я ведь... я не желал!	– Bebakhshid ghorban ... Jenab ali ra khis kyardam ... ta'amod nadashtam ghorban. – Shoma ra be khoda, bebakshshid ... arz kyardam ta'amod nadashtam, ghorban.
(2) ... В антракте он подошел к Брижжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал: – Я вас обрызгал, ваше-ство... Простите ... Я ведь... не то чтобы...	– Jenab ali ra khis kyardam, hazrate ajal ... bebakshshid , vali bandeh ... na anke tasavvor befarmaeed bandeh ghasd ...
3) На другой день Червяков надел новый вицмундир, постригся и пошел к Брижжалову объяснить... – Вчера в «Аркадии», ежели припомните, ваше-ство, – начал докладывать экзекутор, – я чихнул-с и ... нечаянно обрызгал... Изв...	– Dishab dar teatre Arkadiy – albatte agyar hazrate ajal faramoosh nakyarde bashand, – bande atse kyardam, hazrate ali ra nadanesteh ... khis ... ma'zerat ...

Представленные примеры иллюстрируют, что выбор формы извинения обусловлен личностными отношениями участников речевого акта, характером социального взаимодействия коммуникантов, а также конкретной ситуацией общения.

Примеры моделей речевого поведения, связанные с извинением в обоих языках, относятся к категории извинений, которые сопровождаются рядом факультативных речевых актов, таких как пояснение, оправдание причин проступка, а также просьбой признать приведенные смягчающие обстоятельства в качестве оправдания, извинить адресанта и признать обстоятельства, смягчающие вину.

В первом примере персидское слово *bebakshshid* (приносить извинение) служит эквивалентом русского *извините*. Оно выражает раскаяние говорящего и содержит просьбу о прощении.

¹ Collected works of A. P. Chekhov / trans. by Serozh Stepanyan. Iran: Tus, 2019 (In Persian). Отметим наличие трудностей в переводе как лингвистических, так и культурно-исторических реалий при переводе этого рассказа Чехова. См. об этом: Хамидреза Аташбараб. «Смерть чиновника»: опыт перевода А. П. Чехова на персидский язык // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010. № 2. С. 102–108. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smert-chinovnika-opyt-perevoda-a-p-chehova-na-persidskiy-yazyk> (дата обращения: 10.01.2025)

нии, принимая во внимание все обстоятельства, смягчающие его вину. Таким образом, извиняясь, виновный не только снимает с себя ответственность, но и получает шанс восстановить отношения с собеседником в их прежнем состоянии, то есть до совершения ошибочного поступка.

Во втором примере русское *простите* (*просить прощения*) в значении просьбы говорящего сменить гнев на милость, несмотря на отсутствие оправдательных обстоятельств или причин для его некорректного поведения, в персидском языке выражается маркером вежливости *be-bakhshid* в значении *прошу прощения*.

В третьем примере персидским переводом краткой формы *изв ...* приводится перевод слово *ta'zerat* без глагола *mikham* в значении *приношу извинение*.

Обсуждение и выводы

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы, охватывающие как общие значения концепта извинение, так и частные, рассматривающиеся в рамках примеров, исследуемых в статье.

Общие выводы:

1) одним из назначений форм *извини(те)* / *прости(те)* в русском языке являются случаи, когда адресант совершил действие, неблагоприятное для адресата, и просит его о прощении;

2) извинение способно усиливаться при помощи лексических средств (междометия, частицы): – **Ради бога, извините**.

3) извинение часто сопровождается обращением, в рамках примерах настоящей статьи это обращение Ваше сиятельство: – **Извините, ваше-ство ...**

4) интонации, паузы и несмелая попытка оправдаться, отраженные в рассказе, также играют важную роль при выражении извинения.

Диалог в художественном произведении обладает разнообразием. В драматургии он носит информативный характер, способствует развитию сюжета и в значительной мере соотносится с естественной разговорной речью. В прозаических произведениях сценарии, созданные автором, заменяют реальные жизненные ситуации. В этом контексте диалог является тщательно продуманным элементом, ко-

торый органично вписывается в структуру произведения и служит его задачам и целям.

Речь персонажей часто сопровождается авторскими комментариями, содержащими различную информацию, относящуюся к диалогической коммуникации.

На наш взгляд, автор, стремясь передать речь персонажа, соотносит ее с языком людей различных эпох, учитывая их социальное положение, пол и возраст, даже если ситуация вымышленная. Это особенно заметно в произведениях классической литературы. Речевой этикет, в свою очередь, играет важную роль в диалоге.

Исследуемые примеры свидетельствуют о том, что формулы извинения отражают одну из составляющих двустороннего речевого акта – просьбу о прощении и реакцию на просьбу о прощении.

Первым важным аспектом является то, что извинение, как и любое другое проявление вежливости, требует соблюдения определенной меры. Чрезмерное самоосуждение в случае главного героя рассказа может привести к противоположному эффекту.

В ситуации, когда Червяков чихнул и увидел, как «сидевший впереди него <...> старательно вытирал свою лысину перчаткой и бормотал что-то», отсутствует объективная конфликтная ситуация: между участниками не наблюдается никаких противоречий.

Червяков принимает решение извиниться, что приводит к возникновению коммуникативного контакта:

- Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно...
- Ничего, ничего...
- Ради бога, извините. Я ведь... я не желал!
- Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!

Затем начинает формироваться ложный конфликт, главный герой испытывает напряжение и дискомфорт, что побуждает его к действиям. В антракте он извиняется во второй раз:

- Я вас обрызгал ваше-ство... Простите... Я ведь... не то чтобы...
- Ах, полноте... Я уже забыл, а вы все о том же!

В последующий раз ложный конфликт перерастает в реальную конфликтную ситуацию по той причине, что один из участников коммуникации неправильно интерпретирует ситуацию. В результате первый начинает предпринимать оборонительные действия, а второй отвечать:

– Дайте слушать!... Бог знает что!

И в завершение, восприятие ситуации как конфликтной не всегда требует каких-либо действий со стороны другого человека. Основываясь на предположении о враждебных намерениях другого, инициатор начинает вести себя агрессивно, что, в свою очередь, провоцирует настоящую враждебность со стороны оппонента. Если в первый раз на извинение или просьбу о прощении поступает ответ «Ничего, ничего», то в следующий раз подобное извинение может вызвать негодование и грубость «Пошел вон!». Это подчеркивает, что во всем важна мера, даже в вопросах извинений.

Список литературы

1. Анчимюк О. Речевой этикет в произведениях русской литературы XIX века. – Белосток. Белостокский университет, 2020. – 408 с.
2. Балакай А. Г. Толковый словарь русского речевого этикета. – М.: Русский язык, 2004. – 681 с.
3. Гольдин В. Е. Речь и этикет. – М.: Просвещение, 1983. – 109 с.
4. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: Гнозис. 2002. – 333 с.
5. Карпенко Л. А. Краткий психологический словарь / под общ. ред. Петровского А. В., Ярошевского М. Г. – М.: Политиздат, 1985. – 432 с.
6. Которова Е. Г. Выражение извинения в русском и немецком дискурсе: прагматический и лингвокультурный аспекты // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – № 2 (8). – С. 35–48.
7. Стернин И. А. Русский речевой этикет. – Воронеж, 1996. – 73 с.
8. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 1987. – 160 с.
9. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
10. Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. – М.: Икар, 2005. – 250 с.
11. Austin J. L. How to do things with words. – N. Y.: Oxford at the Clarendon Press, 1962. – 174 p.

Samaneh Kavyani

Language Means of Realizing the Intention of Apology in A. P. Chekhov's Story *The Death of a Government Clerk* Against With Their Persian Analogues

The article presents an analysis of the speech behavior model of apology in the Russian language against the background of the Persian language. The study is carried out with an emphasis on the structure – identifying the key language models used to express apologies, as well as on pragmatics – an analysis of similar and distinctive situations in which native speakers of Russian and Iranian language cultures apologies in reactive speech acts is carried out. The analysis is carried out on the material of the story by A. P. Chekhov *The Death of a Government Clerk* and its translation into Persian. The undertaken comparison allows us to assess the linguistic specificity of the implementation of the intention of apology in Russian and Iranian speech practice, to identify etiquette and situational models of apology, as well as the presence / absence of linguistic transformations in translation. The analysis showed the presence of redundancy of the intention of apology in the story of A. P. Chekhov, due to the different social statuses of the communicants. An important aspect of the texts of literary classics is that an apology, like any other manifestation of politeness, requires a certain measure. Excessive self-condemnation can lead to the opposite effect.

Key words: apology, speech situation, speech behavior, Russian language, Persian language.

For citation: Kavyani, S. (2025) Yazykovyye sredstva realizatsii intentsii izviniyeniya v rasskaze A. P. Chekhova «Smert' Chinovnika» v sravnenii s ikh persidskimi analogami [Language Means of Realizing the Intention of Apology in A. P. Chekhov's Story *The Death of a Government Clerk* Against With Their Persian Analogues]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 153–161. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_1_153. EDN: NIETEN

References

1. Anchimyuk, O. (2020) *Rechevoj etiket v proizvedeniyah russkoj literatury XIX veka* [Speech etiquette in the works of Russian literature of the 19th century]. Belostok: Belostokskij universitet Publ. (In Russian).
2. Balakaj, A. G. (2004) *Tolkovyy slovar' russkogo rechevogo etiketa*. Moscow: Russian language Publ. (In Russian).
3. Gol'din, V. E. (1983) *Rech' i etiket* [Speech and etiquette]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
4. Karasik, V. I. (2002) *Yazyk social'nogo statusa* [Language of social status]. Moscow: Gnozis Publ. (In Russian).
5. Karpenko, L. A. (1985) *Kratkij psihologicheskij slovar'* [Brief psychological dictionary] pod obsch. red. Petrovskogo A. V., Yarovshevskogo M. G. Moscow: Politizdat. (In Russian).
6. Kotorova, E. G. (2015) *Vyrazhenie izviniyeniya v russkom i nemeckom disкурse: pragmaticeskij i lingvokul'turnyj aspekty* [Expression of apology in Russian and German discourse: pragmatic and linguocultural aspects]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskij i antropologicheskij issledovanij – Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*. No. 2 (8). Pp. 35–48. (In Russian).
7. Sternin, I. A. (1996) *Russkij rechevoj etiket* [Russian speech etiquette]. Voronezh. (In Russian).
8. Formanovskaya, N. I. (1987) *Russkij rechevoj etiket: lingvisticheskij i metodicheskij aspekty* [Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects]. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russian).
9. Formanovskaya, N. I. (2002) *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticeskij podhod* [Speech communication: communicative-pragmatic approach]. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russian).

10. Formanovskaya, N. I. (2005) *Kul'tura obshcheniya i rechevoj etiket* [Culture of communication and speech etiquette]. Moscow: Ikar Publ. (In Russian).
11. Austin, J. L. (1962) *How to do things with words*. N. Y.: Oxford at the Clarendon Press.

Об авторе

Кавьяни Саманех, аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация); e-mail: samakavyani@gmail.com; ORCID ID: 0009-0007-0069-9789

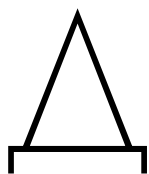
About the Author

Samaneh Kavyani, PhD Student, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation); e-mail: samakavyani@gmail.com; ORCID ID: 0009-0007-0069-9789

дата получения: 17.01.2025 г.
дата принятия: 28.02.2025 г.
дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 17 January 2025
date of acceptance: 28 February 2025
date of publication: 27 March 2025

[illegible]

ИСКУССТВА

М. Л. Конюкова

Образ Пушкина в русской литературе и журналистике как показатель настроений в обществе и личных качеств автора

Автор статьи рассматривает творчество Пушкина в контексте качеств его личности как неиссякаемого источника трактовок любых исторических событий. Можно заявить о том, что Пушкин, подобно Библии, стал универсальным источником вдохновения и подтверждения собственных соображений для авторов из разных эпох, а также для представителей разных политических сил. Постепенно в русской пушкиниане возникли разные образы: Пушкина талантливого, Пушкина гражданского, Пушкина родного, Пушкина игрового и Пушкина страдающего. Это создало возможность своего рода жонглирования «разными Пушкинами» в зависимости от требований момента, настроения автора и политической ситуации. Автор рассматривает трансформацию образа «солнца русской поэзии» в текстах разных писателей и поэтов – от первых реакций на его гибель до современных оценок – и показывает на примерах из творений авторов из разных эпох то, насколько противоречива и объемна личность поэта, из которой каждый может извлечь то, что требуется.

Ключевые слова: Пушкин, «приватизация» Пушкина, пушкиниана.

Для цитирования: Конюкова М. Л. Образ Пушкина в русской литературе и журналистике как показатель настроений в обществе и личных качеств автора // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 164–175. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_164. EDN: IARBJS

Александр Сергеевич Пушкин умер в 1837 году. Если еще при жизни великого русского поэта и писателя его произведения привлекали внимание критиков и мемуаристов, то после смерти в не менее значительный фокус исследований попала его личность. Литературоведческая пушкиниана достаточно быстро сошлась на восторженном восприятии творчества «солнца русской поэзии», лишь разделяя созданное по темам и периодам. Личность же Пушкина и по сей день не получила и не может получить столь однозначной оценки.

Очевидно, сложная, если можно так выразиться, «полифоническая» натура российского гения в принципе не может получить такую же однозначно положительную оценку, как его творчество. В какой-то момент отзывы о личности и характере поэта стали высвечивать его черты, близкие, во-первых, автору текста, а, во-вторых, так или иначе созвучные тем или иным настроениям эпохи. Можно сказать, перефразируя известную поговорку: скажи мне, какой у тебя Пушкин, и я скажу тебе, кто ты.

Материалы и методы

Используя метод сравнительного анализа художественных текстов, написанных в разные эпохи, стало возможным выделить «пятерых Пушкиных»: *Пушкина талантливого*, *Пушкина гражданственного*, *Пушкина родного*, *Пушкина игривого* и *Пушкина страдающего*. Появление, превалирование и трактовка каждого из вышеуказанных образов говорит не только об авторе оценки, но и о том, какими были настроения в обществе в тот момент, когда писалось то или иное произведение о великом поэте.

В статье рассматриваются как художественные произведения, так и тексты в жанрах публицистики, опубликованные в разные годы: от 1836 до 2024. Соотнося их содержание с историческим и политическим моментом, можно выявить еще одну интересную тенденцию: власть, оперируя образом гражданского Пушкина, пытается как бы «приватизировать» поэта.

Результаты

Отголоски формирования прижизненного образа живого Пушкина из серии *Пушкина игривого* в русской литературе можно увидеть в комедии Гоголя «Ревизор», вышедшей в 1836 году: «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: "Ну что, брат Пушкин?" – "Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то все..." Большой оригинал» [3, с. 273].

Гибель поэта на дуэли неожиданно всколыхнула общество, в этот момент возник следующий Пушкин – страдающий. Иронично-осуждающее отношение к поэту как к талантливому человеку, но цинику и вертопраху, не умеющему держать себя в руках, мгновенно улетучилось. Уход поэта стал ассоциироваться с вечным закатом Солнца.

Метафора, сравнивающая поэта с самой яркой звездой на небосклоне, принадлежит писателю-романтику В. Ф. Одоевскому, который 29 января 1837 года опубликовал в «Литературных прибавлениях» к газете «Русский инвалид» краткий и патетический некролог (он шел без подписи, но со временем авторство Одоевского было подтверждено И. Л. Андрониковым): «Солнце русской поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно: всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет ратерзано. Пушкин! Наш поэт! Наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть!» [8].

В этот момент родился Пушкин *страдающий*, кончина которого превратилась в невосполнимую потерю. В ответ на извечный русский вопрос «кто виноват?» стали винить всех: конечно, в список виновных в утрате попали барон фон Геккерн и его пасынок Дантес, непосредственный участник дуэли; обличали жену Пушкина, особо смелые обвиняли в провокациях самого царя Николая I.

После того, как поток патетики схлынул, открылось огромное поле для исследователей биографии поэта. Апофеозом этих научных исканий стал двухтомный труд В. В. Вересаева «Пушкин в жизни», в котором собраны, в основном, прижизненные письменные свидетельства современников «солнца русской поэзии», которые создали довольно объемную картину сложной судьбы этой противоречивой личности.

Итак, уже в первые годы после смерти поэта у России появились три Пушкина: *талантливый, изгивый и страдающий*.

Литераторы эпохи Серебряного века пошли дальше в области оценки личности Александра Сергеевича. Появился своего рода новый жанр: *прочувствованное эссе о Пушкине*. Признание в личной любви к великому поэту к XX веку стало если не обязательным жестом, то признаком хорошего тона. Стихотворец в таких произведениях выглядит очень лично. Ирония в подобных текстах отсутствует. Зато есть непременные упоминания о его роли в литературе, нередко – несколько фраз, которые показывают, что автор прочно ассоциирует

поэта с Россией и, наконец, несколько слов о личном отношении. В этих произведениях явился еще один Пушкин – *родной*.

В такой «личной» связи с «солнцем русской поэзии» в прошлом веке не признался разве что ленивый. Вот несколько отрывков из подобных эссе.

А. А. Блок: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними – это легкое имя: Пушкин. Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта – не легкая и не веселая; она трагическая; Пушкин вел свою роль широким, уверенным и вольным движением, как большой мастер; и, однако, у нас часто сжимается сердце при мысли о Пушкине: праздничное и триумфальное шествие поэта, который не мог мешать внешнему, ибо дело его – внутреннее – культура, – это шествие слишком часто нарушалось мрачным вмешательством людей, для которых печной горшок дороже Бога» [2, IV, с. 43].

Марина Цветаева четче многих других сформулировала отношение к поэту, назвав эссе о нем, написанное в 1937 году, весьма интимно «Мой Пушкин». Вот цитата из этого произведения: «После тайного сине-лилового Пушкина у меня появился другой Пушкин – уже не краденый, а дареный, не тайный, а явный, не толсто-синий, а тонко-синий, – обезвреженный, прирученный Пушкин издания для городских училищ с негрским мальчиком, подпирающим кулачком скулу.

В этом Пушкине я любила только негрского мальчика. Кстати, этот детский негрский портрет по сей день считаю лучшим из портретов Пушкина, портретом далекой африканской души его и еще спящей – поэтической. Портрет в две дали – назад и вперед, портрет его крови и его грядущего гения. Такого мальчика вторично избрал бы Петр, такого мальчика тогда и избрал» [10, II, с. 290].

Сотая годовщина со дня гибели поэта стала отправной точкой для очередных славословий в адрес Пушкина. Александр Сергеевич *родной*, как в эссе Цветаевой, в этот момент стал замещаться Пушкиным *гражданственным*.

Что интересно: так его восприняли как эмигранты, так и советские граждане. Правда, гражданственность они определили по-разному. Для начала предоставим слово эмигрантам.

Борис Зайцев: «Кто любит Пушкина, тот за свободу. Кто с Пушкиным, тот за человека, родину и святыню. Если Пушкин завладевает сердцами России, значит жива Россия» [4, IX, с. 150].

Надежда Тэффи: «Пушкин – чудо России. Он единственный, воистину любимый... Русские не всегда любят своих героев. Но вот есть на Руси и исключение. Есть и для нас Некто, кому мы поклоняемся и знаем, что должны поклоняться, и, если кто не понимает, не чувствует, не может постигнуть величие этого «поклоняемого», тот берет его как догмат. Этот Некто Пушкин. Пушкин – чудо России» [9, с. 663].

Столетие гибели Пушкина отмечали не только литераторы-эмигранты (последние три цитаты – из их произведений). В СССР в 1937 году юбилей смерти поэта неожиданно превратился в праздник. Советские пушкинисты еще в 1933 году, так сказать, напомнили власти, что через четыре года – столетний юбилей смерти поэта. Власть услышала ученых – в итоге, празднование сотой годовщины со дня смерти поэта вылилось в огромную череду помпезных мероприятий: от издания произведений до установки памятников, от конференций до создания восторженных произведений «на смерть поэта». Писатели Булгаков и Вересаев получили «госзаказы» на написание книг об Александре Сергеевиче.

Таким образом советская власть как бы «приватизировала» Пушкина. Ленин охарактеризовал Льва Толстого как «зеркало русской революции», чему и посвятил одноименную статью. О Пушкине никто из классиков марксизма так прямолинейно не высказался. Но уже в первой половине 1920-х годов поэт Эдуард Багрицкий (он скончался в 1934, не дожив до масштабного празднования столетия со дня смерти поэта) наметил образ Пушкина, который в 1937 растиражировала советская власть. В стихотворении с незамысловатым названием «О Пушкине» Багрицкий написал:

...Наемника безжалостную руку
Наводит на поэта Николай!
Он здесь, жандарм! Он из-за хвои леса

Следит – упорно, взведены ль курки,
Глядят на узкий пистолет Дантеса
Его тупые, скользкие зрачки...
И мне ли, выученному, как надо
Писать стихи и из винтовки бить,
Певца убийцам не найти награду,
За кровь пролитую не отомстить?
Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.
И сердце колотилось безотчетно,
И вольный пламень в сердце закипал
И в свисте пуль за песней пулеметной
Я вдохновенно Пушкина читал!
Идут года дорогой неуклонной,
Клокочет в сердце песенный порыв...
...Цветет весна – и Пушкин отомщенный
Все так же сладостно-вольнолюбив [1, с. 125].

В этом стихотворении Пушкин – герой, убитый чуть ли не по личному приказу царя Николая I. Монарх самолично наблюдает за Дантесом во время роковой дуэли. Но главное в этом стихотворении – то, что лирический герой в Гражданскую войну в XX веке воюет с врагами поэта, погибшего в первой половине XIX столетия, и мстит им за его пролитую кровь.

Обвинение царя и двора в гибели Пушкина впервые открыто выдвинул Лермонтов в «Смерти поэта». Но тема мести, тема реванша «за Пушкина» зазвучала во время юбилейных торжеств кровавого 1937 года. Событий было так много, что за их чередой как-то забылся тот факт, что праздновали смерть. Впрочем, культом гибели за правое дело в советское время удивить никого не было возможно. Главное – сказать, что человек погиб не от того, что был измучен ревностью и изнывал под бременем карточных долгов, а стал жертвой царизма как нездоровой государственной системы.

Апофеозом торжеств, главным официальным мероприятием юбилея стало торжественное вечернее заседание в Большом театре в Москве 10 февраля 1937 года, в котором приняли

участие все руководители СССР во главе со Сталиным. Заседание транслировалось по радио на всю страну.

В этот же день газета «Правда» опубликовала редакционную статью, в которой в прямолинейной форме было заявлено о приватизации Пушкина советской властью: «Прошло 100 лет с тех пор, как рукой иноземного аристократического прохвоста, наемника царизма, был застрелен величайший русский поэт. Пушкин целиком наш, советский, ибо советская власть унаследовала все, что есть лучшего в нашем народе. В конечном счете, творчество Пушкина слилось с Октябрьской социалистической революцией, как река вливается в океан» [7, с. 1].

После этого Пушкин практически превратился в коммуниста – врага царизма – революционера. Тот факт, что перед смертью он направил покаянное послание царю, в котором писал о том, что зря нарушил запрет, наложенный на проведение дуэлей, замалчивали. В 1937, в год кульминации сталинских репрессий, родился новый Пушкин, героический, советский, государственный. Для пушкиноведов наступили, скорее, хорошие времена, чем плохие. «Советского» Пушкина можно было изучать беспрепятственно, публикуя о нем все новые и новые статьи. Правда, следовало умалчивать факты типа покаянного письма царю. Конечно, дурным тоном стало еще и то, что Пушкин перед смертью причастился и умер добрым христианином. Жаль, что к моменту смерти поэта еще не существовал коммунизм: можно было рассказать о том, как Пушкин перед смертью попросил принести ему «Капитал» Маркса. И скончался, положив руку на труд классика марксизма.

Даниил Хармс в страшном 1939 году (в начале 1942 он скончался в тюремной больнице) создал несколько анекдотов про Пушкина, написанных в жанре абсурда. В то время, когда в стране царил Пушкин *гражданственный*, советский, это было чуть ли не крамолой: могло быть расценено как вражеская вылазка. (Интересно, что в начале 1970-х, в относительно «вегетарианское» время, «инициативу Хармса» подхватили книжный график Наталья Доброхотова-Майкова и художник-нонконформист Владимир Пятницкий. И создали книгу «Веселые ребята», которую еще именуют «Псевдо-Хармс». А в ней они самиздатовским методом (иначе было нельзя: Пушкин в СССР, во-первых, был советским, во-вторых, святыней) опубликовали ряд новых абсур-

дистских анекдотов о Пушкине. Героями коротких юмористических рассказиков стали также Толстой, Гоголь, Достоевский).

Но именно этот Пушкин стал главным героем произведения Абрама Терца (псевдоним Андрея Синявского) «Прогулки с Пушкиным». Писатель в 1966 году был осужден на семь лет колонии по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. Об обстановке, в которой создавалось это произведение, писала Мария Розанова, супруга Терца: «И вот последний день процесса по делу Синявского-Даниеля. Суд удалился на совещание. Четыре часа мы ждем приговора. Осужденных уводят. Я беседую с адвокатом. – Знаете, чем занимается ваш муж в ожидании приговора? – Может быть, апелляцию сочиняет? – говорю я адвокату. – Нет, он пишет о Пушкине, заметки о Пушкине. "Прогулки" стали как бы продолжением последнего слова на суде и прозвучали как гимн во славу чистого искусства и свободного творчества» [6, с. 159]. Из лагеря писатель посылал следующие части «Прогулок с Пушкиным». Розанова отметила легкость и музыкальность книги как признаки ее пушкинского духа.

Там же Розанова выразила свое мнение о патетико-героическом восприятии образа поэта: «... мы выросли в эпоху такого пафоса, что до сих пор не можем избавиться от этого тяжелого груза. Мы так привыкли отечество славить, которое есть, клеймить несуществующих врагов и жить под звуки военно-физкультурного парада за сплошным частоколом из восклицательных знаков, что где-то уже не понимаем и не чувствуем, что горестный вопль "Солнце русской поэзии закатилось!" был возможен только один раз – в отчаянную минуту смерти. А потом дальним эхом: "и вчерашнее солнце на черных носилках несут..."» [6, с. 149]

Многогранность образа великого поэта позволяет «извлекать» из него, как из Библии, цитаты, актуальные для той или иной эпохи и политической ситуации. В нем сочетались легкомыслие и глубина, легкость и способность глубоко переживать, восторженное отношение к женщине и цинизм и откровенность в рассказах о собственных похождениях. Пушкин, как большинство гениев, был многолик. И самым верным отношением к нему будет принятие его каждого лица в отдельности как части сложной выдающейся личности.

Обсуждение и выводы

Оценка многоликой гениальной личности, состоящей из Пушкина страдающего, Пушкина, опять же, гениального, Пушкина родного, Пушкина гражданственного, Пушкина играющего и, может, еще многих Пушкиных, зависит от того, кто говорит и пишет о поэте, и – что немаловажно – в каком состоянии, в каком историческом моменте пребывает государство.

Интересно, что Хармс и Терц (особенно первый) писали свои иронические произведения, пребывая в статусе парий, как бы вопреки политике государственного пушкинизма. Анекдоты о Пушкине и «Прогулки с Пушкиным» стали своего рода бунтом, демонстрацией независимости суждений и сеансом психологической самотерапии. Образ Пушкина играющего в определенные моменты истории оказывается терапевтичен. Но демонстрировать в определенный исторический момент, вопреки государственной пушкиниане, неканонический образ поэта – это, своего рода, диссидентская выходка, за которую можно и по шапке получить.

Сегодня можно говорить о том, что опять возник образ Пушкина государственного, патетического, одобряющего политику страны. Конечно, в нынешнее время никто не назовет поэта «нашим» или «советским». Но отсылка к его творчеству может стать подтверждением верности государственной политике.

Известный писатель Захар Прилепин, лауреат многих литературных премий, пишет: «Пушкин для меня – одно из главных свидетельств существования Бога. К тому же Пушкин показывает, что Господь любит Россию, и в новейшей истории заранее указал нам все пути.

Идите, мол, не запутайтесь.

В «Капитанской дочке» и в «Дубровском» (и в «Песнях о Стеньке Разине») все есть про Пригожина, в «Полтаве» (и в «Клеветниках России») – про украинский конфликт и европейские ценности (и антиценности), в «Евгении Онегине», в «Руслане и Людмиле», в «Повестях Белкина», в «Медном всаднике», в «Маленьких трагедиях» есть про все остальное.

Пушкин – мироздание с беспримечной четкостью линий, его архитектура абсолютна и гармонична.

В Пушкине есть стихия освобождения и вольности и есть абсолютное государственное чувство.

Ну, почитай же Пушкина, ну, вознось над косностью своей!..
Пушкин не просто “наше все”.

Пушкин за нас. Пушкин за наших. Пушкин – в Бахмуте и далее везде.

Теперь Киев. Пушкину нужен Киев»¹.

Еще в 2022 году Прилепин в интервью «Аргументам и фактам» сказал: «Пушкинские стихи... “Клеветникам России” обращены, напомню, даже не к Польше, а к коллективному Западу, который собирается решать за нас, что нам делать со своей украинской и белорусской землей»².

В этом стихотворении, на которое ссылается Прилепин, есть такие слова:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы [5, III, с. 262].

Что ж, спустя почти век после помпезного празднования столетия со дня гибели поэта появился новый образ Пушкина государственного. Очередная «приватизация» Пушкина группой литераторов, во главе которой стоит Захар Прилепин, – налицо. Круг, который начали чертить в 1937 году, замкнулся.

Последний ли это образ Пушкина? Вряд ли. Ибо из Пушкина можно бесконечно извлекать все новое и новое – в поддержку собственных нравственных убеждений и моральных принципов.

Список литературы

1. Багрицкий Э. Г. Стихотворения и поэмы. – М.: Правда, 1984. – 448 с.
2. Блок А. А. Речь «О назначении поэта», произнесенная в Доме литераторов на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина (1921) // А. А. Блок. Собрание сочинений: в 6 т. – Л.: Художественная литература, 1980–1983. – Т. IV. 1982. – С. 413–421.
3. Гоголь Н. В. Повести. Ревизор. – М.: Художественная литература, 1984. – 334 с.
4. Зайцев Б. К. Победа Пушкина // Б. К. Зайцев. Собрание сочинений: в 9 т. – М: Русская книга, 2000. – Т. IX (доп.). – С. 150.

¹ Прилепин З. Пушкину нужен Киев // Ваши новости. 2024. Электронный ресурс. URL: <https://vnnews.ru/zakhar-prilepin-pushkinu-nuzhen-kiyev/> (дата обращения: 06.01.2025).

² Прилепин З. Пушкин – это гангстер // Аргументы и факты. 2022. Электронный ресурс. URL: <https://aif.ru/culture/book/zakhar-prilepin-pushkin-eto-gangster/> (дата обращения: 06.01.2025).

5. Пушкин А. С. Клеветникам России // А. С. Пушкин. Собрание сочинений: в 16 т. – М.: Художественная литература, 1948. – Т. III. – С. 269–270.

6. Розанова М. В. К истории и географии этой книги // Терц А. Прогулки с Пушкиным. – СПб.: Всемирное слово, 1993. – С. 149–158.

7. Слава русского народа // Правда. – 1937. – № 40. – С. 1.

8. Солнце нашей поэзии закатилось! (без подписи) // Русский инвалид. Литературные прибавления. – 1837. – 29 января. – С. 1.

9. Тэффи Н. А. Пушкинские дни // Пушкин в эмиграции. 1937. Сост., коммент., вступит., очерк Вадима Перельмутера. – М.: Прогресс-Традиция, 1999. – С. 663–665.

10. Цветаева М. И. Мой Пушкин // М. И. Цветаева. Сочинения: в 2 т. – М: Художественная литература, 1988. – Т II. – С. 290–337.

Maria Konyukova

The Image of Pushkin in Russian Literature and Journalism as an Indicator of the Mood in Society and the Personal Qualities of the Author

The author of the article examines Pushkin's work in the context of his personality traits as an inexhaustible source of interpretations of any historical events. It can be stated that Pushkin, like the Bible, became a universal source of inspiration and confirmation of their own ideas for authors from different eras, as well as for representatives of different political forces. Gradually, different images emerged in Russian Pushkiniana: talented Pushkin, civic Pushkin, native Pushkin, playful Pushkin and suffering Pushkin. This created the opportunity for a kind of juggling of "different Pushkins" depending on the demands of the moment, the author's mood and the political situation. The author examines the transformation of the image of the Sun of Russian poetry in the texts of different writers and poets – from the first reactions to his death to modern assessments – and shows, using examples from the works of authors from different eras, how contradictory and voluminous the poet's personality is, from which everyone can extract what they need.

Key words: Pushkin, "privatization" of Pushkin, Pushkiniana.

For citation: Konyukova, M. L. (2025) *Obraz Pushkina v russkoj literature i zhurnalistike kak pokazatel' nastroyenij v obshchestve i lichnyh kachestv avtora* [The Image of Pushkin in Russian Literature and Journalism as an Indicator of the Mood in Society and the Personal Qualities of the Author]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 164–175. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_1_164. EDN: IARBJS

References

1. Bagrickij, E. G. (1984) *Stihotvoreniya i poemy* [Poems]. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).
2. Blok, A. A. (1982) Rech' «O naznachenii poeta», proiznesennaya v Dome literatorov na torzhestvennom sobranii v 84-yu godovshchinu smerti Pushkina (1921) [Speech "On the Appointment of the Poet", delivered at the House of Writers at a ceremonial meeting on the 84th anniversary of Pushkin's death]. A. A. Blok. *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [A. A. Blok. Collected works: 6 vols.]. Vol. IV. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura Publ. Pp. 413–421. (In Russian).
3. Gogol, N. V. (1984) *Povesti. Revizor* [Stories. Auditor]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).
4. Zajcev, B. K. (2000) *Pobeda Pushkina* [Pushkin's Victory]. B. K. Zajcev. *Sobranie sochinenij: v 9 t.* [V. K. Zaitsev. Collected Works: in 9 vols.]. Vol. IX. Moscow: Russkaya kniga Publ. P. 150. (In Russian).

5. Pushkin, A. S. (1948) Klevetnikam Rossii [To the Slanderers of Russia]. A. S. Pushkin. *Sobranie sochinenij: v 16 t.* [A. S. Pushkin. Collected Works: in 16 vols.]. Vol. III. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. Pp. 269–270. (In Russian).
6. Rozanova, M. V. (1993) K istorii i geografii etoj knigi [On the history and geography of this book]. *Terc A. Progulki s Pushkinym* [Tertz A. Walks with Pushkin]. St. Petersburg: Vsemirnoe slovo Publ. Pp. 149–158. (In Russian).
7. [From the editors] (1937) Slava russkogo naroda [Glory of the Russian people]. *Pravda – Truth*. No. 40. P. 1. (In Russian).
8. [From the editors] (1837) Solnce nashej poezii zakatilos'! [The sun of our poetry has set!]. *Russkij invalid. Literaturnye pribavleniya* [Russian invalid. Literary additions]. 29 yanvarya. P. 1. (In Russian).
9. Teffi, N. A. (1999) Pushkinskie dni [Pushkin Days]. *Pushkin v emigracii. 1937* [Pushkin in Exile. 1937]. Sost., komment., vstupil, ocherk Vadima Perel'mutera. Moscow: Progress-Tradiciya Publ. Pp. 663–665. (In Russian).
10. Cvetaeva, M. I. (1988) Moj Pushkin [My Pushkin]. M. I. Cvetaeva. *Sochineniya: v 2 t.* [M. I. Tsvetaeva. Works: in 2 vols.]. Vol. II. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. Pp. 290–337. (In Russian).

Об авторе

Конюкова Мария Львовна, старший преподаватель, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: markon72@list.ru; ORCID ID: 0000-0001-9515-4384

About the Author

Maria Konyukova, Senior Lecturer, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: markon72@list.ru; ORCID ID: 0000-0001-9515-4384

дата получения: 14.01.2025 г.
дата принятия: 28.02.2025 г.
дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 14 January 2025
date of acceptance: 28 February 2025
date of publication: 27 March 2025

[illegible]

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. К. Данилова

Поэт, Россия, народ: миф, пропагандистское клише или культурный архетип?

Рецензия на книгу: Собенников А. С. Мифы русской литературы: история, поэт, Россия, народ. — СПб.: Восток, 2024. — 256 с.

В статье дается характеристика исследования А. С. Собенникова о мифах русской литературы. Миф здесь трактуется как свойство сознания понимать и интерпретировать реальность в мифологических образах. Выделяются исторический миф, миф о поэте, миф о России, миф о народе и проблема их демифологизации. В книге обращено внимание на события Куликовской битвы, Отечественной войны 1812 года и Бородинское сражение, которые рассматриваются автором как военно-патриотический дискурс и исторические мифы. Автор призывает отличать мифы как явления массового сознания от пропагандистских клише. Далее в книге рассматриваются мифы о поэте в русской литературе, выделяются пушкинский, фетовский и Некрасовский варианты мифа. Из советских поэтов рассмотрены авторские мифы Б. Окуджавы, Б. Чичибабина и Б. Рыжого. Мифы о России и народе рассматриваются на примере известных литературных текстов. Прослежено возникновение мифов в эстетической реальности текста, развитие, наполнение и завершение. Определены пути демифологизации, одним из которых названа эмоциональная оценка исторического события. Проводится различие между мифом, образом и темой.

Ключевые слова: мифы литературы, миф о поэте, миф о России, миф о народе, демифологизация.

Для цитирования: Данилова Н. К. Поэт, Россия, народ: миф, пропагандистское клише или культурный архетип? // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 178–183. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_178. EDN: CXCHBS

В 2024 году в издательстве «Восток» вышло исследование А. С. Собенникова, посвященное мифологии русской литературы. Тема необъятная, поэтому автор во Введении сразу оговаривает, что монография носит очерковый характер, в ней освещены далеко не все проблемы.

© Данилова Н. К., 2025

А. С. Собенников понимает миф не как повествование о богах и героях (в отличие от классической филологии), а как свойство сознания воспринимать и интерпретировать реальность в мифологических формах. Автор отталкивается от мысли, что литература создает эстетическую реальность текста, в которой Поэт, Россия, Народ становятся мифом в культурном бессознательном нации.

Первая глава исследования посвящена историческим мифам в литературе. В связи с ними ставится важный вопрос: как соотносится событие с памятью о событии. Указывается, что в мифе есть, во-первых, небесспорная фактологическая основа и, во-вторых, ее интерпретация.

Одним из первых исторических мифов называется Куликовская битва. Дискурс изначально был основан на литературных произведениях Древней Руси. Что способствует дальнейшему укоренению мифа? По мнению автора, его развивает не наука, а школьное и вузовское образование, государственные праздники, юбилеи, особенно в эпохи, когда миф особенно востребован как объединитель русской государственности. Затем он заимствуется литературой и тем укрепляется. В качестве итога подчеркивается, что миф служит целям национальной и государственной идентификации.

Далее анализируется Отечественная война 1812 года и Бородинское сражение как военно-патриотический дискурс и исторический миф.

Определены пути мифологизации, один из них – эмоциональная оценка исторического события. Другой путь – историческая конъюнктура. Так, в XX веке сложился миф о «победе русского оружия». Он оказался необходим для укрепления духа солдат во время Великой Отечественной войны. Время – важнейший элемент мифологизации.

А. С. Собенников призывает отличать мифы как явление массового сознания от пропагандистских клише.

Вторая глава посвящена мифу о поэте в русской литературе.

Автор выделяет два значения, которые лежат в основе мифа о поэте:

- 1) дар, позволяющий разговаривать с богами;
- 2) трагическая смерть как плата за дар.

Оговаривается, что миф следует отделять от «образа художника» в творчестве поэта. Так, например, А. С. Пушкин в письмах, в ряде текстов говорит о судьбе русского поэта, но только в его лирике можно найти материал для мифа (особенно в этом плане выделяется «Пророк»).

Сам Пушкин, по мнению А. С. Собенникова, мифотворец. Он создал образ поэта-творца, который потом вошел в культурное бессознательное в виде двух течений: учительского (его характеристики: избранничество, служение, сакральность) и эстетического (здесь свои ценности: свобода, вдохновение, самодостаточность поэзии).

Далее характеризуются фетовский и некрасовский варианты мифа. Фетовский подразумевает свободу и божественную власть поэта, даже терапевтическое значение поэзии как преодоление страдания. Иное являет собой некрасовский. Постепенно создавался биографический миф о поэте, уходили проявления живой жизни, оставались культурные архетипы – «певец народного горя».

Из авторов Серебряного века внимание исследователя привлекает А. Блок, которого А. С. Собенников считает наследником Пушкина в мифологии поэта: для Блока так же, как и для его предшественника, характерны мотивы пророческого постижения и одиночества поэта. Исследователь считает, что Блок шел от бессознательной ориентации на миф к сознательному воплощению в слове аксиологии поэта.

Из поэтов XX века выбираются в качестве показательных Булат Окуджава, Борис Чичибабин и Борис Рыжий. Указывается, что у Окуджавы преобразуется советский миф: от глашатая-главаря В. Маяковского к поэту-песеннику. Этот образ тоже создается в традициях мифа (благодаря популизму, массовости). Окуджава – наследник орфического мифа, а Чичибабин – пушкинского «Пророка». У Чичибабина поэт – странник, проповедник, гонимый сильными мира сего, его судьбой становится одиночество, страдания, Голгофа, муки, смерть. Одиночества поэта изменяется от бытового к экзистенциальному, с ним связан путь к внутренней свободе. Особо определен миф Б. Рыжего – «последнего советского поэта» (одним из важных мотивов его лирики является смерть героя). Герой в лирике и Автор в жизни не просто помнят о мифе, они

своей судьбой демонстрируют ценность поэзии в условиях распада государства и социального уклада. В смерти смыкаются два сюжета: жизни и литературы. Поэт своей смертью придает смысл и литературе, и жизни.

Исследователь полагает, что традиционный миф о поэте и советский миф не противоречат друг другу, так как в XIX и в XX веках русская культура была литературоцентрична. В постперестроечную эпоху миф умер, так как литература перестала быть центром культурной жизни.

Следующая глава посвящена мифу о России. Российская империя была могущественным государственным образованием со своей идеологией. Но предметом анализа здесь становится другая идеология – та, которая формировалась в художественных произведениях, в журнальных статьях, в разговорах в гостиных. Идеологические мифы о России создавали западники и славянофилы. В художественном тексте миф становится шире той или иной идеологии. Истоки его А. С. Собенников видит у Пушкина в «Борисе Годунове» в образах невинно убиенного царевича и юродивого. Свое наполнение миф получает затем у М. Ю. Лермонтова в стихотворении «Родина», где в центре помещены два важных образа – ландшафт и народ. Родина объединяет части целого, любовь к ней иррациональна.

Миф о России у Н. А. Некрасова и Ф. И. Тютчева при всем различии имеет общие черты: это не государство, не политический дискурс, а красота, то есть духовное начало. И, наконец, у А. Блока создается миф о «вечной России», в ней нет места мужику и трудовой страде.

Мифологизируются время и пространство. Народ тоже становится мифологическим героем. Русь – земля, избранная богом. Историческое время таит в себе мифологическое время апостолов и Иисуса Христа. Также реальное пространство (поля, реки, леса, болота) преобразуется словом и ритмом в мифологическое.

Подчеркивается, что после революции 1917 года миф о России утратил актуальность, начал формироваться новый миф о социалистической России. Тем не менее продолжение прежнего мифа А. С. Собенников находит в лирике Николая Рубцова, в том, что заимствованы у авторов XIX века мотивы тишины, простоты, смирения, образ храма. Лирический герой Рубцова – странник.

В эпоху постмодернизма миф будет снижен, профанирован, но деконструкция мифа по-своему утверждает миф.

В четвертой главе анализируется миф о народе, тесно связанный с мифом о России. Заявлено, что в русской литературе первым к народу обратился А. С. Пушкин в «Борисе Годунове». Постепенно народ приобрел статус социально-культурной иллюзии.

Выявлены основные значения мифа о народе:

- 1) народ – лучшая часть нации;
- 2) народ страдает, терпит, спасает;
- 3) народ – хранитель языка и национальной культуры;
- 4) народ жаждет Божьей правды.

Отмечено, что у Ф. М. Достоевского появляется важная мифологема – спасение; Христос – спаситель и народ – спаситель («Мужик Марей»). Мужик носит в сердце Христа, идея Христа и создает народ.

«Правда» в контексте мифа о народе включает в себя два понятия: истина и справедливость. А. С. Собенников пишет, что концепт «правда», связанный с христианской картиной мира, стал фактом русской культуры и точкой объединения таких разных авторов, как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. М. Шукшин и других.

Далее в исследовании речь идет о деконструкции мифа, приводятся варианты демифологизации. Так, А. П. Чехов в «Очерках из Сибири» движется от мифа к накоплению личного опыта о Сибири. Автор оговаривает, что демифологизация становится эстетическим принципом у М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города», потом у В. Пьецуха. Отмечена деконструкция мифа у Г. Державина и И. Бродского.

В заключении подчеркивается, что в мифах русской литературы видна ориентация на вечные ценности. Делается вывод о том, что искусство живет мифами, но если миф принимают за реальность, то человечество оказывается в ситуации мифотворчества.

Natalia Danilova

Poet, Russia, People: Myth, Propaganda Cliché or Cultural Archetype?

Book review: Sobennikov, A. S. (2024) *Mify russkoy literatury: istoriya, poet, Rossiya, narod* [Myths of Russian Literature: History, Poet, Russia, People]. St. Petersburg: Vostok.

The article provides a description of the study by A. S. Sobennikov on the myths of Russian literature. Myth is interpreted here as a property of consciousness to understand and interpret reality in mythological images. The historical myth, the myth of the poet, the myth of Russia, the myth of the people and the problem of demythologization are distinguished. Attention is drawn to the events of the Battle of Kulikovo, the Patriotic War of 1812 and the Battle of Borodino, which are considered by the author as military-patriotic discourse and historical myths. The author calls for distinguishing myths as phenomena of mass consciousness from propaganda clichés. Further, the author considers myths about the poet in Russian literature, highlighting Pushkin's, Fetov's and Nekrasov's versions of the myth. Of the Soviet poets, the author's myths of B. Okudzhava, B. Chichibabin and B. Ryzhiy are considered. Myths about Russia and the people are considered using the example of famous literary texts. The emergence of myths in the aesthetic reality of the text, development, content and completion are traced. The ways of mythologization are defined, one of which is called an emotional assessment of a historical event. A distinction is made between myth, image and theme.

Key words: myths of literature, myth of the poet, myth of Russia, myth of the people, mythologization.

For citation: Danilova, N. K. (2025) Poet, Rossiya, narod: mif, propagandistskoe klishe ili kul'turnyj arhetip? [Poet, Russia, People: Myth, Propaganda Cliché or Cultural Archetype?]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 178–183. (In Russian). DOI: 10.35231/2541980 3_2025_1_178. EDN: CXCHBS

Об авторе

Данилова Наталья Кузьминична, научный сотрудник, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

About the Author

Natalia Danilova, Researcher, Pushkin Leningrad State University, PhD in Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

дата получения: 13. 11.2024 г.
дата принятия: 30.12.2024 г.
дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 13 November 2024
date of acceptance: 30 December 2024
date of publication: 27 March 2025

И. В. Шугайло

VI Зимняя школа перевода 2025 СПбГУ: идеи, мысли, практики (Санкт-Петербург, 24–25 января 2025 г.)

В статье обсуждается ставшее регулярным научно-практическое мероприятие для филологов, теоретиков и практиков, устных и письменных переводчиков, студентов, осваивающих поле языка. В течение двух дней ведущие преподаватели и переводчики России и мира познакомили коллег с теорией и методикой перевода, с тенденциями смен образовательных парадигм, с переводами новых произведений зарубежных авторов и новостями мирового литературного процесса. В рамках мероприятия проводились мастер-классы по синхронному и последовательному переводу, были организованы круглые столы, посвященные подготовке специалистов машинного перевода, переводчиков в сфере искусства, обсуждались профессиональные и социокультурные аспекты перевода. Школы перевода стали важным мероприятием по подготовке высокопрофессиональных кадров, платформой международного общения и привлечения мастеров теории и практики перевода к переводческому и образовательному процессу.

Ключевые слова: синхронный перевод, последовательный перевод, машинный перевод, школа перевода, образовательная парадигма, мастер-классы по иностранным языкам, стилистика перевода.

Для цитирования: Шугайло И. В. VI Зимняя школа перевода 2025 СПбГУ: идеи, мысли, практики (Санкт-Петербург, 24–25 января 2025 г.) // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 184–191. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_184. EDN: FQQICW

24–25 января 2025 года на базе СПбГУ прошла очередная, уже шестая, школа перевода. Ее организатором являлась декан факультета иностранных языков кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков в сфере экономики и права СПбГУ, член Союза переводчиков России и Ассоциации преподавателей перевода Светлана Юрьевна Рубцова, которая выступила на открытии школы.

Секция английского языка собрала более двухсот человек, что подтвердило еще раз международный статус английского языка. Вела секцию Анастасия Игоревна Дудкина – кандидат филологических наук, литературовед, переводчик (письменный, последовательный перевод), доцент факультета иностранных языков СПбГУ. Были представлены также секции французского, немецкого, итальянского, испанского, польского, арабского, турецкого, китайского языков, языков Азии и Африки и ряд других.

Особенностью этой школы стало участие в ее работе «звезд» перевода, среди которых Павел Русланович Палажченко, Андрей Геркуриевич Фалалеев, что придало школе статус крупного международного события в теории и практике перевода. В рамках школы были проведены мастер-классы для участников, организованы круглые столы по насущным проблемам перевода. Процесс общения был насыщен активностью участников и гостей, которые имели возможность задать в чате вопрос докладчику и сразу получить на него ответ.

На пленарном заседании выступил Геннадий Петрович Киселев – переводчик итальянской литературы, преподаватель итальянского языка, автор учебных пособий и словарей, член Союза писателей и Гильдии переводчиков, лауреат многих литературных премий Италии и России, Кавалер Ордена за заслуги перед Республикой (Италия). В его докладе «Lost and Found in Translation» (о потерях и находках в переводе) рассматривались итальянские переводы Андрея Платонова 1980–90-х гг. В докладе отмечались сложности при переводе «прыгающей диаграммы стиля» А. Платонова. Переход от его передачи в «линейный» перевод «переводчика-переписчика», по мнению докладчика, может направить итальянского читателя «по ложному следу» и вызвать недоумение по поводу восторженных отзывов о стиле Андрея Платонова. Знание нескольких языков, по мнению докладчика, помогает переводчикам переходить к повышению и понижению стиля текста при переводе, что необходимо для точности воспроизведения на другом языке подобных стилистических приемов. Был поднят вопрос о европейской традиции практик многочисленных новых переводов, в том числе, очень популярного на Западе Федора Достоевского, о сложностях адекватной передачи идей и размышлений писателя.

Участники имели возможность встречи с Павлом Руслановичем Палажченко – преподавателем и переводчиком-синхронистом, автором книг о переводе «Профессия и время», «Записки переводчика-дипломата», словаря для переводчиков «О том, чего нет и что не так в словарях и грамматиках». В своем докладе «Логика слова и логика текста в письменном и устном переводе» П. Р. Палажченко говорил о том, что в переводе нельзя все сводить к логике, а нужно учитывать прагматический контекст сообщения. В спорных моментах коммуникации, считает П. Р. Палажченко, переводчик должен уметь объяснять выбор своих приемов, владея категориальным аппаратом теории перевода. Особое внимание докладчик уделил опорным точкам перевода, необходимости довести их до совершенства, чтобы при переводе сосредоточить внимание на другом, поскольку при синхронном переводе нет возможности перестраивать предложение. По мнению докладчика, большинство трудностей перевода интерпретаторы видят в выборе слов, между тем как нужно знать не только моноэквиваленты, но и полиэквиваленты и передавать смысл точно, без собственной интерпретации.

На школе был представлен и теоретический доклад молодого исследователя Руслана Колгатовича Садуова, кандидата филологических наук, доцента, руководителя лаборатории социальных наук Института социальных и гуманитарных наук, представителя Университета Иннополис. Р. К. Садуов специализируется на исследовании современного языкового ландшафта, мультимодальных текстов, политической и медиалингвистики, коммуникативистике, вопросах влияния технологического прогресса на отрасль перевода и др. Филолог исследует технические новшества и их влияние на эффективность рабочего процесса перевода. Докладчик обратил внимание на то, что на современном этапе квалификационным требованием к письменным переводчикам становится постредактирование, между тем как в университетах студентов зачастую вообще не обучают этому навыку и даже умению работать с новыми машинными системами перевода.

Секция «Современная африканистика» (руководитель секции кандидат исторических наук Александр Сергеевич Зданевич, доцент кафедры африканистики ВФ СПбГУ) включала ряд

докладов по истории сотрудничества Африки и России, о ситуации с английским языком и переводами в странах Африки. Доклад доктора исторических наук Татьяны Михайловны Гавристовой, профессора Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова «Африка – это не страна: крушение стереотипов» был посвящен описанию состояния английского языка как ведущего в современной африканской литературе. Докладчик упомянула о англоязычных популярных африканских писателях, таких как Воле Шойинка, Бен Окри, Теджу Коул и особенностях «оранжерейного» английского, на котором в настоящее время пишет большинство африканских авторов. Также на секции были представлены доклады доктора исторических наук Александра Степановича Балезина, профессора, главного научного сотрудника Центра африканских исследований ИВИ РАН «Сектор истории Африки в ИВИ в 70-е годы, каким я его помню»; кандидата исторических наук Надежды Евгеньевны Хохольковой, старшего научного сотрудника Института Африки РАН; научного сотрудника Центра научного проектирования РГГУ кандидата исторических наук Валерии Николаевны Семеновой «Имена и образы в исторической памяти танзанийцев о колониальном прошлом» и др.

В секции китайского языка Оксана Петровна Родионова, доцент кафедры китайской филологии СПбГУ, кандидат филологических наук, переводчик художественной литературы выступила с докладом «Практика художественного перевода китайского языка: опыт составления хрестоматии и ее применение в учебном процессе». О. П. Родионова перевела на русский язык пять романов Лю Чжэньюня, несколько повестей Дун Си и др. Она входит в жюри литературных конкурсов и на материале конкурсных работ провела разбор основных ошибок, допускаемых переводчиками в работе над художественным текстом, рассказала о практике составления хрестоматии по художественной литературе Китая.

Секция корейского языка была представлена следующими докладами: «Как научить студентов переводить науку» преподавателя кафедры корееведения СПбГУ Нины Викторовны Финько; «Как поступать с цитатами при переводе. Опыт переводчика корейской художественной литературы» доцента кафедры корееведения СПбГУ Людмилы Александровны Михее-

ску. Н. В. Финько рассказала о состоянии конглиша (корейского английского языка) и о применении иероглифических символов в корейском научном дискурсе на английском языке.

В секции немецкого языка прозвучали доклады Виталия Владимировича Серова, преподавателя немецкого языка, переводчика; кандидата филологических наук, доцента кафедры немецкой филологии СПбГУ Любови Николаевны Григорьевой; прошел мастер-класс «Как подготовить студента к решению профессиональных задач на иностранном языке: из опыта преподавания немецкого языка в МГИМО» переводчика-синхрониста, начальника Управления языковой подготовки, профессора кафедры немецкого языка МГИМО Марины Анатольевны Чигашевой. Л. Н. Григорьева делилась личным опытом практикующего переводчика, обратив особое внимание на выработку переводчиком личного стиля, использование техник добавления и опущения, работе над жестикulyцией и голосом. Самым оптимальным дискурсом для ежедневной тренировки переводчика она считает политический дискурс, в который входят все основные темы: экономика, социальная сфера, культура, наука и образование, спорт.

В школе перевода проходил круглый стол «Искусство перевода или перевод искусства». Татьяна Петровна Швец выступила с сообщением «"Слова-ловушки" и как их переводить: контекстуальные термины в сфере искусства». Т. П. Швец – устный и письменный переводчик, кандидат искусствоведения, доцент кафедры английского МГИМО МИД России, член Союза переводчиков России и Ассоциации преподавателей перевода, автор курсов и пособия по переводу в сфере искусства. Она обратила внимание на поликодовость текстов искусства. В рамках круглого стола обсуждались темы перевода в сфере музейного дела, сценических искусств (опера и балет) и кино. Дария Алексеевна Носовицкая, старший преподаватель Российского университета медицины, приглашенный педагог Молодежной оперной программы Большого театра, переводчик-синхронист, член Союза переводчиков рассказала о лексике оперного пения. В мастер-классе участвовал и специальный гость – первый солист балетной труппы Мариинского театра, Лауреат Молодежной премии Санкт-Петербурга «За достижения

в области сценического творчества» (2019) Роман Беляков. В его выступлении прозвучала мысль о том, что немалую роль в переводе играют мимика, жест, взгляд, способность настроиться на собеседника. Дмитрий Иванович Ермолович, синхронный переводчик, лингвист, выступил с докладом о редких вариантах перевода и об особенной роли служебных слов в переводе. Коллега Д. И. Ермоловича Андрей Геркуриевич Фалалеев выступил с практическим семинаром (мастер-классом) по синхронному переводу. А. Г. Фалалеев обозначил этапы тренировки, рассказал, как обращаться с идиомами в переводческой практике, подробно остановился на приемах ранжирования и «громоотводах». С докладом о скорописи выступила переводчик Ирина Владимировна Зубанова. Она рассказала о символах и сокращениях, которые необходимо использовать в последовательном переводе, о техническом оснащении переводчика, о владении «заниженной» и «завышенной» лексикой. Фаина Рахмановна Мусаева, старший преподаватель основного и дополнительного образования СПбГУ по последовательному и синхронному переводу рассказала об имеющихся в СПбГУ программах повышения квалификации по переводу, основных подходах в методике переводоведения на мастер-классе «Know your ABCs: инструкция для начинающего синхрониста».

В конце второго дня школы состоялся круглый стол «Профессиональные и социокультурные аспекты перевода» о значении социокультурного контекста перевода в современном мире. Обсуждались следующие вопросы: культурная адаптация в переводе: как нам избежать «культурных ошибок» и обеспечить необходимую культурную чувствительность; локализация и глокализация: как адаптировать контент для глобального рынка, чем локализация отличается от перевода; гендерная проблематика в переводе: существует ли «женский» и «мужской» перевод и как гендерные стереотипы влияют на работу переводчика; перевод как инструмент политического и социального влияния: как перевод может использоваться для влияния на общественное мнение; оценка качества перевода: где грань между объективными критериями и субъективным мнением; профессиональное развитие переводчика: как оставаться востребованным в условиях

постоянных изменений; фриланс vs. штатная работа: какие плюсы и минусы у разных форм занятости в профессии.

Задачей нашего обзора было ознакомление читателей с актуальными трендами различных типов перевода, авторскими практиками перевода, культурой и языком различных стран, методиками изучения языков и переводоведения.

Irina Shugaylo

St. Petersburg State University VI Winter School of Translation 2025 (St. Petersburg, January 24–25, 2025)

The article deals with an online scientific and practical event that has become a regular event for philologists, theorists and practitioners, interpreters and translators, students who have mastered the field of language. For two days, practitioners and translators from around the world including Russia have been introducing the theory and methodology of translation, trends in educational paradigm shifts, and new authors and translations to their colleagues. Within the framework of the event, there were held master classes on simultaneous and sequential translation, there were organized the round table discussions on the training of machine translation specialists and translators (interpreters) in the field of art, there were discussed professional and socio-cultural aspects of translation. Translation schools have become an important event for training of highly professional staff, a platform for international communication attracting literary and educational enthusiasts.

Key words: simultaneous translation, sequential translation, machine translation, translation school, educational paradigm, master class discussions in foreign languages, translation style.

For citation: Shugaylo, I. V. (2025) VI Zimnyaya shkola perevoda 2025 SPbGU: idei, mysli, praktiki (Sankt-Peterburg, 24–25 yanvarya 2025 g.) [St. Petersburg State University VI Winter School of Translation 2025 (St. Petersburg, January 24–25, 2025)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 184–191. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_1_184. EDN: FQQICW

Об авторе

Шугайло Ирина Васильевна, методист международного проекта «Класс!», Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, кандидат философских наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: vshugajlo@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0007-6613-6153

About the Author

Irina Shugaylo, Methodologist of the International Project "Class!", The Herzen State Pedagogical University of Russia, PhD in Philosophy, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: vshugajlo@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0007-6613-6153

дата получения: 23.10.2024 г.
дата принятия: 30.11.2024 г.
дата публикации: 27.12.2024 г.

date of receiving: 23 October 2024
date of acceptance: 30 November 2024
date of publication: 27 December 2024

научный журнал

Art Logos

(искусство слова)

№ 1 (30)
2025

Редактор **Т. В. Мальцева**

Технический редактор **Е. И. Ягин**

Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 27.03.2024. Формат 60х84 1/16.

Гарнитуры Jost, Lora. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)

Заказ № 2017

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-91-76 <http://lengu.ru/>
e-mail: art.logos@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru